

Дерск. Учен.

Коп. 1788

ч. 15-16.

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я .

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А .

Ч А С Т Ъ XV.

• М О С К В А ,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1788.

9404

Продолженіе.

Между тѣмъ, вспомя родителей и дочь мою, почувствовала я въ сердцѣ своемъ горестъ. Въ послѣднія минушы жизни моей нѣтъ со мною ни одного человѣка изъ любезныхъ мнѣ людей! воскликнула я. . . . Дражайшіе родители! вы не благословили умирающей дочери своей! . . . Любезная дочь! я не могу благословить себя, и не буду имѣть удовольствія испустить духъ мой въ твоихъ объятіяхъ! . . . Ты не можешь даже и сожалѣть обо мнѣ! . . . Въ сію минушу, когда несчастная мать твоя готовилась умереть, ты безъ сомнѣнія занимаешься какими нибудь дѣтскими забавами! . . . Мучительная мысль! . . . Я умираю, а всѣ уже перестали печалиться о моей смерти! . . . Но что я говорю, несчастная! Я дерзаю роптать въ то время, когда всѣ мои печали кончатся? . . . Боже мой! прости мнѣ сію

порочную слабость; я сама осуждаю ее. . . . Повели мнѣ предстать предѣ Тебя, Судія и Отецъ мой! . . . Будучи исполнена надежды и вѣры — будучи увѣрена въ вѣчномъ блаженствѣ, спокойно ожидаю смерти, и спала бы призывать ее, если бы Ты не запретилъ мнѣ ее желать! — Произнеся сіи слова, опѣ слабости упала на солому, которая служила мнѣ вмѣсто постели. Въ сердцѣ своемъ ощущала я такую тишину, такое спокойствіе, какого до того времени никогда еще не чувствовала. Мнѣ казалось, что спасительной бальзамъ изцѣляетъ вдругъ всѣ раны сердца моего. Наконецъ опѣ великой слабости всѣ мысли у меня пришли въ смятеніе, и я погрузилась мало помалу въ пріятное забвеніе, подобное сну, во время котораго самые восхищительнѣйшіе образа представлялись моему воображенію. Мнѣ мечталось, будто бы Ангелы, блистающіе небеснымъ свѣтомъ, окружали мою постелью; издалека слышала я гармонические голоса, восхищительное пѣніе; казалось, что небо было для меня отверзто, и высочайшее Существо готовилось излишь на меня Свои дары . . . Но Оно подлинно въ самую сію минушу пеклось

обо мнѣ, и милостивою Своею десницею прерывало цѣпи мои . . . Я вдругъ проснулась и задрепетала, услышавъ у окна спукъ. Я спала слушать, не смѣя въришь своему слуху; но спукъ продолжался. Сердце у меня билось . . . . Но въ какое удивленіе, въ какое неописанное восхищеніе пришла я, услышавъ голосъ, не голосъ гонителя моего, но совсѣмъ иной! . . Я почла его за голосъ Ангела, сшедшаго съ неба для избавленія моего. Будучи внѣ себя, сложила я руки и съ движеніемъ живѣйшей благодарности воскликнула: Боже мой! Ты посылаешь ко мнѣ избавителя! . . Ахъ! съ радостію говоривалась я умереть, а Ты возвращаешь мнѣ жизнь. . . Мнѣ позволено любить жизнь, которая есть Твое благодѣяніе! — Сказавъ сіе, хопѣла я вспасть и подойти къ окну; но не имѣла сполько силъ, и опять упала на землю. Въ сію минушу дверь опворилась -- я увидѣла свѣшъ. — кто-то вошелъ. Я привспала, хопѣла посмопрѣть, но не могла ничего видѣть; глаза мои, шоль долгое время не видавшіе свѣша, не могли сносить слабаго свѣша фонаря и закрывались прошивъ моей воли. Между шѣмъ человекъ ко мнѣ приблизился. Кто

ты? спросила я шомнымъ голосомъ. Сказавъ сіи слова, силилась открышь глаза и увидѣла человѣка спящаго передо мною на колѣняхъ; онъ поддерживалъ рукою голову мою и предлагалъ мнѣ пищу. Чувствуя чрезвычайной голодъ, забыла я все и думала только объ удовольствореніи оному; всѣ другія мысли мои, такъ сказавъ, остановились, и я съ жадностію бросилась на предлагаемую пищу. Наконецъ, почувствуя возобновленіе силъ своихъ, вдругъ оборотилась къ незнакомому. Лице его было въ тѣни, и я не могла разсмотрѣть его. Кто ты? спросила я; скажи мнѣ, избавилась ли ты мой, или сообщникъ Герцоговъ? . . . Боже мой! перервалъ незнакомецъ: какой голосъ! . . . Гдѣ я? — Сказавъ сіе, онъ вскочилъ, схватилъ фонарь, подошелъ ко мнѣ и разсматривалъ меня съ великимъ вниманіемъ, умиленіемъ и нѣкошорымъ ужасомъ. Я взглянула на лице его, освѣщенное фонаремъ; волосы у него были разшрпаны; онъ блѣднѣлъ и трепеталъ — однакожь я не могла не узнать его. Хотѣла говорить, но слезы прерывали слова мои, и я могла только произнести имя Графа Бельмира . . . Онъ стоялъ передо мною неподвижно; по шомъ упалъ

упалъ къ ногамъ моимъ, обливалъ ихъ слезами и все еще смотрѣлъ на меня . . . Едва могъ онъ сказать нѣсколько словъ. Онъ рыдалъ и благословлялъ Небо; но состраданіе его было столь велико, что онъ казался болѣе опчаяннымъ, нежели радостнымъ. Мы говорили вмѣстѣ, не слушая другъ друга и не отвѣчая другъ другу на вопросы. Во всей пещерѣ раздавались наши восклицанія. Наконецъ онъ вскочилъ и воскликнулъ: варваръ! чудовище! извергъ! естъ ли такое наказаніе, которое было бы соразмѣрно своему злодѣянію? А вы, продолжалъ онъ, помогая мнѣ встать, оставыте это ужасное мѣсто, гдѣ столько времени мучилъ васъ безжалостной варваръ; вы свободны . . . Услышавъ сіи слова, я бросилась къ двери; но вдругъ остановясь, сказала Графу: вы избавишель мой; я обязана вамъ жизнью, свободою . . . Но могу ли совершенно наслаждаться жизнью и свободою? . . . Увы! я не смѣю спросить васъ . . . Мать моя . . . отецъ . . . „Они живы.“ — Живы? . . . А дочь моя? — „Она въ Римѣ, и скоро будетъ въ вашихъ объятіяхъ.“ — Боже мой! сказала я, упавъ на колѣни: чѣмъ могу достойно возблагодарить Тебя? Эпа

одна минуша наградила меня за всѣ мои спраданія! . . . Великодушной мой избавитель! продолжала я, оборотясь къ Графу: въ награду вамъ скажу, что я невинна; но прежде, нежели расскажу подробно печальную свою повѣсть, позвольте мнѣ спросить васъ объ одномъ . . . . Вѣрно Герцогъ нездоровъ? Онъ при смерти, ошвѣчалъ Графъ, и не можетъ жить долѣе двухъ дней. Пойдемте, выйдите изъ этой ужасной темницы . . . . Пусть варваръ прежде смерти своей узнаетъ, что вамъ возвращена свобода . . . . Нѣтъ, перервала я: родителямъ моимъ надлежитъ меня вывести изъ этой темницы, а не кому иному. По томъ просила я Графа послать по томъ же часѣ курьера къ отцу моему; что онъ мнѣ и обѣщалъ. Онъ далъ мнѣ листъ бумаги и карандашъ, и я написала слѣдующее письмо:

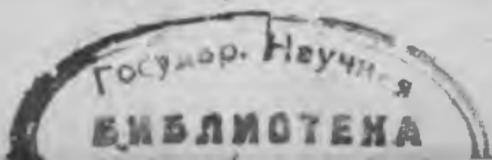
„Любезные родители! я еще живу, и невинна. . . . Поспѣшите присутствовать своимъ оживотворить меня совершенно . . . . Поспѣшите извлечь меня изъ подземной темницы и изтребить изъ памяти моей все претерпѣнное мною.“

Сіе письмо едва можно было прочитать. Около четверти часа писала я его; пошому что забыла буквы и правописание. Графъ, видя, что я непременно рѣшилась пробить въ шеницу до пріѣзда моихъ родителей, отдалъ мнѣ ключи отъ всѣхъ дверей и оставилъ меня съ прискорбемъ, обѣщавъ мнѣ ни о чемъ не говорить съ Герцогомъ, елики онъ еще живъ, и на другой день въ сумерки прішши ко мнѣ. Оставшись одна, почувствовала я великой ужасъ, почти такой же, какой ощущала при началъ моего заключенія. Однакожь у меня былъ свѣтъ: Графъ оставилъ мнѣ лампаду и пошанной фонарь. Я взяла у него еще часы, чтобы знать время. Споя неподвижно на помѣ мѣспѣ, на которомъ оставилъ меня Графъ Бельмиръ, насилу могла я дышать; не смѣла поднять глазъ, однакожь не могла удержаться, чтобы пошохоньку не осмошрѣшься во кругъ себя. Свѣтъ не только меня не успокоивалъ, но еще и умножалъ ужасъ мой, освѣщая печальное и мрачное жилище мое. Наконецъ, не могши долѣе шущь бышь, взяла я фонарь; отворила первыя двери и вышла въ нѣкошорой родъ длиннаго коридора, куда было сдѣлано

окно изъ той часли пемницы, вѣ копорой я заключена была. Я почувствовала великое облегченіе, видя себя вѣ новомѣ мѣспѣ, копорое было ближе къ послѣднимѣ дверямѣ моей пемницы. Пошедши по коридору, припла еще къ другимѣ дверямѣ, и, отворя ихѣ, увидѣла крыльцо. Оспавалось отпереть только однѣ двойныя двери, копорыя были вѣ садѣ. Я заперла дверь коридора, чтобы отдѣлилась отѣ ужасной пещеры, вѣ копорой жила сполько времени. По томѣ, скорыми шагами вошедши на крыльцо, сѣла я на послѣднюю ступень и начала отдыхаться. Казалось бы, что послѣ такога щаспливаго и нечаяннаго случая надлежало мнѣ чувствовать живѣйшую радость; но я такѣ долго терпѣла и сердце мое споль привыкло къ нещасію, что я не смѣла предаться воспоргамѣ сладоспнѣйшей надежды. Правда, я сѣ восхищеніемѣ помышляла, что всѣ любезныя мнѣ люди живы и здоровы; но разсуждая о несказанномѣ щаспії, копорое почувствовала бы я, бросаюсь вѣ объятія моихѣ родиселей и дочери моей, не смѣла думать, чтобы такое щаспие было когда нибудь моею частію. Тысячи печальныхѣ мыслей наполняли мое вообра-

ображеніе и смущали сердце мое; и въ семѣ уныніи, въ семѣ меланхолическомѣ разположенія души, почивала я всѣ мечтательныя спрахи за предчувствія. Сіе примѣчанія достойное время жизни моей — день, въ которой Графѣ Бельмирѣ вошелѣ ко мнѣ въ пещеру — было претіе число Іюня 17 * *. Онѣ ушелѣ отѣ меня въ полночь, и до шести часовѣ утра была я въ описанномѣ мною положеніи. Въ сіе время услышала я легкой шумѣ; приложя ухо къ дверямѣ и слушая съ великимѣ вниманіемѣ, услышала я — не смотря на толстоту дверей и камня, ихѣ закрывавшаго — пѣніе птицѣ, пробужденныхѣ наступленіемѣ дня. Не возможно ни описать, ни понять движенія радости, которое почувствовала я въ сію минушу. Вся моя меланхолія исчезла; сердце мое облетчилось, и восхитительная надежда, разлившись по внутренности его, меня оживила. Сладостныя слезы потекли изѣ глазѣ моихѣ, хотя мысли мои были еще въ великомѣ замѣшательствѣ, и я не въ состояніи была разсуждать о неожиданной переменѣ судьбы моей; ибо занималась только однимѣ сильнымѣ желаніемѣ слушать приходившее въ саду. Я боялась дышать,

и

и слушала съ такимъ вниманіемъ, котораго никакая мысль перервать не могла. Я слышала лающихъ собакъ, ходящихъ людей, и даже могла вслушавшись въ разговоры ихъ; все же сіе причиняло мнѣ несказанное удовольствіе. Между шѣмъ, около вечера, весьма хотѣла я скорого наступленія ночи, чтобы увидѣться съ Графомъ Бельмиромъ и спросить у него о тысячѣ вещахъ, которыя неперпѣливо узнать хотѣла, и которыя одна за другою приходили мнѣ на мысль, по мѣрѣ того, какъ воображеніе мое освобождалось отъ печальныхъ и безпорядочныхъ представлений. Наприм. мнѣ весьма хотѣлось знать, сколько времени провела я въ пещерѣ. За нѣсколько времени передъ шѣмъ думала я, что мнѣ уже около пятидесяти лѣтъ; но молодость лица Бельмирова доказала мнѣ, что несчастныя не умѣютъ считать времени. При всемъ томъ я все еще не знала точно, сколько мнѣ лѣтъ. — Графъ пришелъ ко мнѣ въ самую полночь. Легко мнѣ было примѣтить по чрезвычайной его блѣдности, великому его замѣшательству и нѣкошорому прискорбію, сколь проишъ онъ приключеніемъ, перемѣнявшимъ участь мою. Уважая мое положеніе, по

кошо-

которому принуждена я была принимать его одна въ полночь — уважая несчастной союзъ, которому скоро уже надлежало разорваться, но которой еще не прервался — ни слова не говорилъ онъ о любви своей. Услышавъ, что онъ писалъ къ отцу моему и отправилъ къ нему мое письмо, и что Герцогъ былъ въ крайней опасности, просила я его сказать мнѣ, какія причины побудили Герцога повѣриться ему въ столь важномъ для него дѣлѣ. Графъ удовлетворилъ моему любопытству слѣдующимъ уведомленіемъ:

„Путешествовавъ около года, получилъ я извѣстіе о вашей смерти. Ко мнѣ писали, что Герцогъ, потерявъ васъ, былъ безутѣшенъ. Это обстоятельство заставило меня полюбить Герцога болѣе, нежели когда нибудь я любилъ его. Я путешествовалъ еще два года; наконецъ по многимъ обстоятельствамъ надлежало мнѣ возвратиться въ Италію. Для свиданія съ Герцогомъ былъ я принужденъ пріѣхать въ эпортъ замокъ, потому что онъ весьма рѣдко выѣзжалъ отсюда, и то единственно для того, чтобы побывать у Неапольскаго Двора.

„Я

„Я видѣлъ здѣсь гробъ вашъ, видѣлъ
„вашъ поршрешъ почти во всякой ком-
„натѣ. Я полюбилъ эптоу замокъ, и
„споль привязался къ мучительному вашему,
„что мнѣ трудно было съ нимъ раз-
„статься. Онъ былъ всегда въ великой
„горести, въ глубокой печали. Предпочи-
„шая его цѣлому свѣшу, большую часть
„времени жилъ я съ нимъ въ здѣшнемъ
„замкѣ. За годъ передъ симъ Герцогъ
„занемогъ опасною болѣзнію; но не ду-
„мая, чтобы онъ былъ споль близокъ
„къ смерти, нѣсколько разъ ѣздилъ
„еще въ Неаполь. Но въ прошедшую зи-
„му болѣзнь его такъ усилилась, что
„онъ совсѣмъ уже отсталъ отъ Двора,
„и писалъ ко мнѣ въ Римъ, гдѣ я тогда
„былъ, что жизнь его не можетъ долго
„продолжиться, и что онъ весьма же-
„лаетъ со мною видѣться. Я пріѣхалъ
„сюда въ Генварѣ мѣсяцѣ и нашелъ его
„почти умирающаго, хотя онъ никакъ
„не хотѣлъ лежать на постелѣ и всегда
„былъ на ногахъ. Иногда казалось мнѣ,
„что онъ былъ помѣшенъ. Будучи тер-
„заемъ совѣстію, почиталъ онъ жизнь
„несноснымъ для себя бременемъ; но при
„всемъ томъ смерть казалась ему ужа-
„сною. День отъ дня сплановился онъ
„сла-

„слабѣе, и скоро начались у него во всемъ
„шлѣшакіа конвульсіи, что ему уже
„необходимо надлежало лечь на постелю.
„Три дни лежалъ онъ. На четвертой
„день, въ девять часовъ вечера, пришелъ
„ко мнѣ его камердинеръ и позвалъ меня
„къ Герцогу, сказавъ мнѣ, что онъ
„въ сію и прошедшую ночь высылалъ
„отъ себя всѣхъ людей и хотѣлъ одинъ
„вспать съ постели; но что не могли
„сидѣть на ногахъ, опять призывалъ
„ихъ; и что тогда находили его сошед-
„шаго съ постели и до половины одѣ-
„шаго. Я тотчасъ пришелъ къ нему
„въ комнату. Онъ выслалъ Доктора и
„людей, и сказавъ, что хочетъ мнѣ по-
„вѣрить важную шайну, заспавилъ меня
„объщаться вѣрно хранишь ее. По томъ
„посмотрѣвъ на меня пристально, ска-
„залъ мнѣ: нѣкоторыя фамиліи обсто-
„ятельствъ заспавляютъ меня держась
„здѣсь въ заключеніи одну преступницу,
„которая заслуживала бы смерть — у не-
„е теперь нѣтъ пищи — отнеси ей хлѣба
„и воды. Постучись въ окно, которое
„сдѣлано для того, чтобы подавать
„ей пищу; и если она не будетъ тебѣ
„отвѣщивать, войди къ ней въ те-
„мницу и подай ей помощь, буде она
„ну-

„нужна ей. Но предувѣдомляю тебя, „что эта жейщина сошла съ ума; и „пакѣ не слушай рѣчей ея. Опдай ей „пищу и пошчасѣ возвратись. Обѣщаюсь „сказашь тебѣ нѣкогда имя ея и расска- „зашь всю ея исторію. — Тогда Гер- „цогѣ опкрылѣ мнѣ, что вѣ этомѣ „замкѣ естѣ у него шайная подземная „шемница, и вынувѣ изѣ подѣ-подушекѣ „связку ключей, опдалѣ мнѣ ихѣ и про- „силѣ меня немедленно исполнишь его „волю. Варварѣ, думая, что я никогда „васѣ не видалѣ, надѣялся найши во мнѣ „наилучшаго повѣреннаго; и шакимѣ об- „разомѣ поручилѣ мнѣ судьбу вашу.,,

По томѣ Графѣ Бельмирѣ просилѣ меня рассказать ему мою исторію. Но какѣ я не могла рассказать ее безѣ того, чшобы не упомянушь о той любви, которую нѣкогда кѣ нему имѣла: по рѣшительнѣ сказала ему, что желанію его могу удовлетворить полько вѣ присуствіи моихѣ родителей. По мнѣнію Графа, опцу моему необходимо надлежало пріѣхашь черезѣ два дни. Будучи уже спокойнѣе и пришедши вѣ состояніе размышлять, цѣлыя супки радовалась я, ожидая моихѣ родителей. Но неперпѣніе мое

мое умножалось по мѣрѣ того, какъ приближалась минута моего освобожденія, и наконецъ сдѣлалось для меня несноснымъ безпокойствомъ. Во всю жизнь мою не чувствовала я въ сердцѣ своемъ шакого ужаснаго волненія, какъ на канунѣ щасливѣйшаго дня жизни моей. Во весь день и во всю ночь не спускала глазъ съ часовъ, и съ горестію смопрѣла на медленное для меня движеніе стрѣлокъ ихъ. Каждую минушу казалось мнѣ, что я слышу у дверей шумъ: я шрепешала — вся кровь моя волновалась и сердце чрезвычайно билось. Сія сильныя движенія еще умножились, когда пѣніе пщицъ возвѣстило мнѣ наступленіе дня — сего щасливаго дня, въ которой надлежало мнѣ снова родиться и снова получить священное право называться дочерью и матерью. Сія минута, которая могла бы наградить меня за сполѣтнія спрданія — сія споль неперпѣливо желаемая минута приближилась. . . . настала! . . . Слышны крики, многіе голоса, шумъ карешъ, топотъ лошадиной. . . . Сей шумъ усиливается и приближается. . . . Я шрепещу . . . Боже! . . . чей голосъ опозвался во глубинѣ моего сердца! . . . Дражайшая родительница! . . . Ты кли-

Часть XV. Но. 28. Б чешь

чешь дочь свою! . . . Сердце мое спре-
мился къ тебѣ! . . . Боже мой, давшій
мнѣ силу сносить мое несчастіе! ахъ!
дай мнѣ силу снести и чрезмѣрную ра-
дось мою! . . . Я ослабѣваю, умираю . . .
Ахъ! уже ли надлежитъ мнѣ испустить
духъ у ногъ моей родительницы? —
Лишь только я произнесла сіи слова,
двери отворились, и я бросилась вонъ
изъ пещеры. Не смотря на блескъ дня,
которой ослѣпилъ мои глаза, отвыкшіе
отъ свѣта, я еще успѣла узнать моихъ
родителей — закричала, бросилась въ
ихъ объятія и упала въ обморокъ. . . .
Ахъ! какое перо можешь описать то восхи-
щеніе, которое, пришедши въ себя, я
ощущала! Я была въ объятіяхъ любезной
родительницы и чувствовала лице свое
омочаемое слезами ея. Отецъ мой, стоя
передо мною на колѣняхъ, жалъ мои ру-
ки. . . . Я видѣла свѣтъ, величествен-
ное солнце . . . Была увѣрена, что и
дочь свою скоро увижу. . . . Въ послѣд-
часъ исполнились всѣ мои надежды, со-
вершились всѣ желанія сердца моего. Не
могу дать описанія въ слѣдахъ мысляхъ,
которыя въ сіи первыя минуты были у
меня въ головѣ. Я споль много чувство-
вала, что не могла думать, и чрезмѣр-
ную

ную радость свою изъясляла однѣми слезами и рыданіемъ. Наконецъ отецъ мой, поднимая меня, сказалъ: вспань, любезная дочь! оспавь поскорѣе это ужасное мѣсто, гдѣ поброкъ такъ долго мучилъ невинность. Я вспала, осмошрѣлась, и съ удивленіемъ увидѣла, что мы были окружены множествомъ вооруженныхъ людей, между которыми узнала я нѣкоторыхъ изъ нашихъ родственниковъ и старинныхъ друзей дома нашего. Отецъ мой сказалъ мнѣ, что онъ, не выѣзжая еще изъ Рима, собралъ ихъ и по помѣ поѣхалъ съ ними прямо въ Неаполь, гдѣ, бросаясь на колѣни передъ Королемъ, и показавъ ему мое письмо, не только выпросилъ у него позволеніе вывести меня вооруженною рукою, естли нужна будетъ сила; но получилъ отъ него и приказъ взять съ собою команду. Приѣхавъ сюда, продолжалъ онъ, услышалъ я, что твой мучитель умеръ; и такъ нынѣшній щасливой день возвращаетъ тебя нѣжнымъ твоимъ родителямъ, а тебѣ возвращаетъ совершенную свободу. Въспо отвѣта на сіи слова, я обняла отца моего, проливая слезы.

Въ сіи щасливыя минуты, въ которыя мнѣ уже не чего было бояшся, не

могла я не сожалѣшь всемъ сердцемъ моимъ о судьбѣ несчастнаго Герцога Ч***. Увы! сказала я: естъли бы я любила его, то онъ не впалъ бы во многіе пороки; онъ бы жилъ и былъ щасливъ! . . . Сія мысль была для меня весьма гореспна и мучительна, и сердце мое на нѣсколько минутъ наполнилось печалію. По помъ мы поѣхали. Приѣхавъ въ Римъ, насладились я новымъ щаспіемъ: въ восхищеніи обнимала я дочь мою, сію дражайшую, любезнѣйшую дочь, съ копорою разспавалась я нѣкогда съ шакимъ опчаяніемъ; я видѣла ее проливающую радостныя слезы, слышала съ нѣжностію произносимое имя мапери. . . . Первые два дни была я въ нѣкопоромъ изспупленіи, будучи оглушаема шумомъ, изумляема всемъ, и находя все щаспіе свое въ обѣятіяхъ моихъ родителей и дочери моей. По помъ, пришедши въ себя, начала я чувспвоать цѣну и другихъ благъ, копорыхъ лишена была шоль долгое время. Въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ находила я пріятнѣйшее и новос удовольствіе; все было для меня ушѣшнымъ зрѣлищемъ. Прогуливаясь въ первой разъ при свѣшѣ луны, чувспвовала я неописанное удивленіе и живую радость, увидя

увидя снова сіе крошкое, ясное сіяніе, и небо усѣянное звѣздами. Прожаживаясь вѣ полѣ, или вѣ саду, на всякомѣ шагѣ я оспанавливалась, чшобы во всей подро-бноспи разсмапривать представлявшіеся зрѣнію моему предметы. Я не могла насыпшсья разсмаприваніемѣ цвѣшовѣ, плодовѣ, деревѣ, зелени, облаковѣ, восходящаго и заходящаго солнца, зари — все сіе было для меня восхищительнымѣ и величеспвеннымѣ зрѣлищемѣ. Боже мой! восклицала я: какими чудесами окружилѣ Ты насѣ — чудесами, изѣявляющими благоспѣ и премудроспѣ Твою! Какіе драгоцѣнные дары получаемѣ опѣ руки Твоей! Можно ли челоувѣку быспѣ споль безчувспвеннымѣ, чшобы на величеспвенныя дѣла Твои взираспѣ безѣ вниманія, благоговѣнія и благодарносспи? Можеспѣ ли онѣ, наслаждаеспѣ спакими благами, почиспашспѣ себя когда нибудѣ нещаспшлывымѣ?... Такимѣ образомѣ сердце мое сѣ воспоргомѣ предавалося безчисленнымѣ удовольспствіямѣ. Видя себя вѣ помѣ домѣ, гдѣ я родилась, вѣ кшоромѣ шекли щаспшлвыя лѣша моего дѣпшства и юносспи моей, чувспствовала я вѣ себѣ спакую же радоспѣ; но признаюспѣ, чшо сѣ иѣкшорымѣ неспрїяшнымѣ чувспствомѣ

увидѣла въ первой разѣ Маркизу Везузи, стариннаго моего друга и первую причину всего моего несчастія. Графъ Вельмиръ скоро пріѣхалъ къ намъ въ Римъ; и въ присутствіи моихъ родителей, Маркизы Везузи и нѣкоторыхъ родственниковъ нашихъ, рассказала я ему мою исторію. Когда я окончила ее, онъ бросился предо мною на колѣни, и, заливаясь слезами, съ великимъ жаромъ изъяслялъ мнѣ благодарность свою. Вы, говорилъ онъ, могли бы, избавившись отъ всѣхъ претерпѣнныхъ вами мученій, естъли бы меня наименовали; но вы были столь великодушны, что лучше копѣли все претерпѣшь, нежели устремить на меня мщеніе озлобленнаго Герцога! Я низвергнулъ васъ въ эту ужасную бездну; и когда вы въ ней спенали, я жилъ и наслаждался свѣтомъ, котораго вы для меня лишены были! Смѣю ли надѣяться, что ставъ супругомъ вашимъ, нѣжнѣйшею моею къ вамъ любовію могу опчасти наградить васъ за прошедшія сраданія ваши? Можетъ ли ваше благородное и нѣжное сердце быть невѣрно? Уже ли несчастіе ваше совсѣмъ испребило въ васъ ту любовь, которой нѣкогда меня удостаивали? . . . Отецъ мой

мой нѣжно обнялъ Графа Бельмира, и шѣмъ далъ мнѣ знать, что одобряетъ его любовь. Но что касается до меня, то изгнавъ уже давно изъ сердца моего ту спраспную любовь, копорая нѣкогда была во мнѣ споль сильна, не могла я даже и предспавить себѣ, какъ могутъ люди ей предаваться. Помолчавъ около минушы, начала я говорить, и споль живо описала Графу Бельмиру разположеніе сердца моего, что онъ въ минушу пошерялъ всю надежду. Онъ удалился изъ Рима на нѣкошорое время; но скоро опяшь къ намъ возвратился, и будучи утѣшенъ дружбою, кошорую ему я оказывала, навсегда оспался жить въ Римѣ.

Между шѣмъ день опъ дня болѣе чувствозала я цѣну шого щаспія, кошорымъ наслаждалась. Проснувшись, начинала я радоваться, начинала веселиться, осматриваясь въ комнашѣ, видя подлѣ себя постелю дочери моей, видя себя въ домѣ моихъ родителей. Мнѣ уже чудно казалось, что я могла жить безъ шого щаспія, кошорое шогда вкушала; даже и шѣ вещи, кошорыя служатъ единспвенно къ забавѣ и удовольствію жизни, начали мнѣ казаться необходимыми для чсловѣка.

Сіи мысли вселили вѣ меня нѣжнѣйшее сожалѣніе ко всѣмъ несчастнымъ. Девять лѣтъ спала я на соломѣ, шерпѣла голодѣ, жажду, холодѣ; несчастію моему была я обязана тому чувству, которое насѣ наиболее Божеству уподобляетъ. Я не могла слушать безѣ живѣйшей горестн спенанія бѣднаго, пребующаго моей помощи. Судьба его воспоминала мнѣ мою; я видѣла вѣ немѣ подобнаго себѣ человека и находила чиспѣйшее удовольствіе вѣ помѣ, чпобы упѣшашъ его и по возможности облегчашъ его участь. Я не довольствовалась тѣмъ, чпобы только иногда помогашъ ему, когда онѣ придетъ ко мнѣ и будетъ проситъ меня удовлетворитъ его потребностямъ; но я сама его искала. Не должно ли старатъся предупреждать прозбу страдающаго, которой часто не смѣетъ требовать самой слабой помощи, могущей спасти жизнь его? Сіе желаніе искать несчастныхъ и стараніе перемѣншатъ судьбу ихъ, было для меня не добродѣтелию, но самою необходимою потребностію сердца моего и самымъ сладостнѣйшимъ удовольствіемъ. Но чѣмъ болѣе привыкала я къ новымъ пріятностямъ жизни моей, тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе дѣлало во мнѣ воспоминаніе моего

моего заключенія, и скоро не могла я ни говорить о прошедшемъ несчастіи своемъ, ниже спокойно слушать такіе разговоры, которые мнѣ напоминали его. Сія слабость произвела во мнѣ и многія другія слабости: я не могла сносить ни темноты, ни совершеннаго уединенія. Въ одну ночь погасла у меня свѣча; открывъ глаза и увидѣвъ себя въ глубокой тьмѣ, почувствовала шакой ужасъ, что никакъ не могла ни преодолѣть, ни умѣрить его разсудкомъ своимъ — я закричала — и когда прибѣжали ко мнѣ люди, то нашли меня блѣдную, почти совсѣмъ безъ чувствъ и въ жестокихъ конвульсіяхъ. Сіи пустые страхи, сіи невольныя слабости, печальные плоды моего заключенія, не составляли еще всей моей горести. Меня болѣе огорчало то, что я не могла сама восприимчивать дочери моей; мнѣ надлежало снова учиться читать и писать. Но примѣчанія достойно то, что я почти ничего не забыла изъ читаннаго мною прежде. Бывъ цѣлыя девять лѣтъ совершенно праздною, занималась я воспоминаніемъ прошедшаго, и приводила себѣ на память со всѣми подробностями то, что я когда нибудь читала или слыхала. Такимъ образомъ все сіе впечатлѣлось въ

моей памяти весьма сильно, такъ что я не могла бы того помнить споль живо, есшли бы жила все въ свѣтѣ. Мнѣ было дваццать семь лѣтъ, когда я вышла изъ шемницы, а дочери моей десять; когда же ей минуло няшнаццать лѣтъ, и когда она могла уже обойсись безъ учишелей, могши сама собою далѣе успѣвать въ наукахъ, къ которымъ она пристрастилась съ самаго своего младенчества: то я начала помышлять о шикомъ уединеніи, въ которомъ мнѣ давно уже хотѣлось провести остатокъ моей жизни; къ тому же и воздухъ многолюднаго города былъ вреденъ для моего здоровья. И такъ отецъ мой купилъ землю въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Рима, гдѣ построили мы прстой и покойной домъ, и скоро совсѣмъ переѣхали туда жить. Графъ Бельмиръ, по дружбѣ ко мнѣ и ко всему нашему дому, не захопѣлъ отъ насъ отстать и поѣхалъ съ нами.

Около чешырехъ лѣтъ живу я въ семъ уединеніи и наслаждаюсь совершеннымъ здоровьемъ, стараюсь упѣшать нѣжныхъ родителей моихъ и быть достойною ихъ любви ко мнѣ. Достоинства дочери моей, ея ко мнѣ привязанность,

ея

ей нѣжность, сушь для меня источникъ величайшихъ радостей. Здѣсь-то всякой день благодарю я Небо за вкушаемое мною щастіе и даже за всѣ прошедшія мои страданія, которыя сердце мое очистили отъ многихъ пороковъ и дали мнѣ почувствовать, что одна Религія есть для человѣка средство къ блаженству. Здѣсь-то опять отвыкла я отъ многихъ мнимыхъ потребностей, которыя составляютъ всегда большія или меньшія препятствія къ достиженію истиннаго спокойствія; здѣсь преодолѣла свою слабость, и могу не только безъ ужаса, но еще и съ удовольствіемъ разсуждать о горестныхъ приключеніяхъ жизни моея. Здѣсь-то готовлюсь повергнуться въ объятія моего Господа.

ПУСТЫННИКЪ.

Господинъ Девисъ, молодой Англичанинъ, путешествуя по всей Европѣ, пріѣхалъ наконецъ въ Швейцарію. Сія Земля ему отменно полюбилась. Прекрасныя мѣста, великолѣпные виды, естественной доброй характеръ жителей, простота ихъ

ихъ — все сіе сдѣлало въ немъ сильное впечатлѣніе и побудило его прожить въ Швейцаріи долгое время. Часпо ходилъ онъ по Алпійскимъ горамъ одинъ, не бравъ для безопасности своей никакихъ проводниковъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ совсѣмъ не слышно о разбойникахъ — гдѣ всякой, не будучи богачъ, доволенъ своимъ состояніемъ. Г. Девисъ, отправляясь въ сіи пріятныя путешествія, всегда бралъ съ собою деньги; но всегда же приносилъ ихъ и назадъ, не изсрашивъ изъ нихъ ничего. Пастухи угощали его безденежно, давали ему лучшее молоко, лучшій сыръ, лучшій хлѣбъ; болѣе у нихъ ничего не было — болѣе ничего онъ и не спрашивалъ. За обиду почивали они, когда онъ хотѣлъ заплашить деньгами за угощеніе ихъ. „У насъ всего довольно, говорили они: начшо намъ твои деньги? Сказавъ отъ всего сердца *спасибо*, щедро заплашишь намъ за наше гостепріимство.“

Въ одинъ день Г. Девисъ сбился съ дороги; но сіе ни мало его не беспокоило. Онъ шелъ далѣе по незнакомымъ мѣстамъ, и, будучи отъ природы склоненъ къ меланхоліи, погружался въ глубокомъ раз-

раз-

размышленіи. Между тѣмъ небо, до сей минушы ясное, покрывалось черными облаками; поднялась буря, сдѣлалась гроза и пошелъ сильный дождь. День совершенно въ ночь превратился; глухой шумъ разносился по горамъ. Нашъ путешественникъ вышелъ изъ задумчивости своей — для того, чтобы восхищаться величественнымъ зрѣлищемъ. Молнія, разрѣзывая тучи и извиваясь по вершинамъ высокихъ горъ, которыя и въ ясные дни бывающъ не видны, освѣщала ихъ гордыя главы, вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ покрышыя. Какое впечатлѣніе долженъ былъ сдѣлать такой великолѣпной видъ въ сердцѣ чувствительномъ къ красотамъ Натуры! Моженъ ли искусство когда нибудь представить взору нашему такую важную картину? Сердце Англичанина билось въ восторгѣ. Онъ смотрѣлъ, вникалъ — душа его возвышалась, возвеличивалась. Наконецъ дождь ишши пересталъ; но небо было еще мрачно, молнія еще блистала, хопя уже и не столь часто, не столь сильно, и громъ гремѣлъ еще въ тучахъ. Г. Девисъ почувствовалъ великую усталость. Въ пошъ день прошелъ онъ пѣшкомъ нѣсколько миль; въ тому же дождь промочилъ

мочилъ его насквозь, и плащъ на немъ спало весьма шяжело, такъ что онъ не въ состоянїи былъ итти далѣе и сѣлъ на праву. Спало гораздо сѣшплѣе. Облака пончали, раздѣлялись, разсѣвались; буря ушшла, дождевая вода съ шумомъ текла по горамъ. Верьхи деревъ, отъ сильнаго дожда наклонившіеся, начинали мало помалу подниматься; легкой вѣщерокъ спрясалъ съ листочковъ воду. Вся Нашура, во время грозы пребывавшая въ благоговѣйномъ молчанїи, снова приходила въ движеніе, бывъ оживлена приливомъ питательнаго сока. Прекрасная Ириса показала на южномъ небѣ, замѣствуя разноцвѣшной блескъ свой отъ лучей Феба. Наконецъ явился и самъ царь сѣшпа — Нашура улыбулась, и круговращеніе ея спало быспрѣе и живѣе. Пшички, прятавшіеся отъ дожда подъ листочками, вдругъ всѣ вылетѣли и запѣли обыкновенныя свои веселья пѣсни, разпуская свои перья и сушася на солнцѣ.

Г. Девисъ смотрѣлъ на все съ великимъ удовольствїемъ, нѣсколько уже лѣшпъ былъ онъ влюбленъ въ прелестную Нашуру, и всякое дѣиствіе, всякое движеніе ея было для него прїятно. Вниманіе,
сѣ

сѣ копорымъ онѣ разматривалъ все пред-
 ставлявшееся глазамъ его и слушалъ пѣ-
 ніе птичекъ, было прервано легкимъ шу-
 момъ, копорой у слышалъ онѣ позади
 себя. Оборотившись, увидѣлъ онѣ вы-
 ходящаго изъ маленькаго орѣховаго лѣску
 стараго почпеннаго челоуѣка, просто,
 но хорошо одѣтаго, держащаго въ рукѣ
 книгу и прямо къ нему идущаго. Г. Де-
 висъ вспалъ. Незнакомой, подошедши къ
 нему, снялъ шляпу, поклонился ему и сѣ
 ласковою улыбкою пожалѣлъ, что дождь
 его вымочилъ. Г. Девисъ отвѣчалъ, что
 не смотря на то, онѣ очень доволенъ
 своею прогулкою; что онѣ весьма любилъ
 прогуливатьсь во время бури и грозы,
 слушать громъ и смотрѣть на молнію.
 По произношенію вашему, сказалъ не-
 знакомой — они говорили по Нѣмецки —
 кажешся, что вы иностранецъ? Такъ,
 государь мой, отвѣчалъ Г. Девисъ: я
 Англичанинъ. Незнакомецъ посмотрѣлъ
 на него приспально и позвалъ его къ себѣ
 въ домъ, копорой, говорилъ онѣ, былъ
 опшуда въ нѣсколькихъ шагахъ. Плащье
 ваше намокло, продолжалъ онѣ: надобно
 его высушить. Англичанинъ сѣ благо-
 дарностію согласился на его предложеніе,
 и пошелъ сѣ нимъ черезъ орѣховой лѣ-
 сокъ.

сокѣ. Они вышли на лугѣ, посрединѣ кошораго былѣ маленькой прекрасной домикѣ, обсаженной большими елями. Здѣсь живу я, сказалѣ незнакомецѣ, и повелѣ Англичанина вѣ домѣ. Ихѣ встрѣпилѣ старой слуга, кошорой, поклонясь Г. Девису, отворилѣ двери. Иванѣ! сказалѣ ему почтенной хозяйинѣ: приготожь вѣ моемѣ кабинетѣ плашье для эшова Господина; подай ему кафшанѣ моего сына — онѣ ему будетѣ впору — а его плашье высуши на солнцѣ. Онѣ ввелѣ Г. Девиса вѣ залу, чисто прибранную, и просилѣ его сѣсть. По шомѣ началѣ его разспрашивать, давно ли онѣ вѣ Швейцаріи, откуда приѣхалѣ и сколько лѣшнѣ путешествуешѣ. Г. Девисѣ, отвѣшсшвуя на его вопросы, примолвилѣ, что желаніе познакомиться сѣ извѣшшными учеными людьми и славными писателями, ешѣ главная причина путешешствія его. Между шѣмѣ пришелѣ слуга и сказалѣ, что плашье для госпя приготовлено. Г. Девисѣ, поблагодаря своего хозяина за его услужливість, пошелѣ переодѣвашься кѣ нему вѣ кабинетѣ, гдѣ увидѣлѣ множество книгѣ, аспрономическихѣ шрубѣ и микроскоповѣ, и по шому догадался, что онѣ вгоспяхѣ у человека

вѣка

вѣка ученаго. Возвратившись къ хозяину своему въ залу, сообщилъ онъ ему догадку свою. Правда, ошеѣчалъ онъ, что я въ наукахъ упражняюсь; однакожь названіе ученика принадлежишь мнѣ болѣе, нежели названіе ученаго. Сказавъ сіе, велѣлъ онъ человѣку своему приготовить обѣдъ, и повелъ молодого Англичанина на балконъ, съ котораго видны были синѣющіеся хребты высочайшихъ Алпійскихъ горъ и множество большихъ озеръ. Семь лѣтъ живу я въ этомъ уединеніи, сказалъ пустынникъ: въ жизни своей имѣлъ я великія огорченія, и лишился многаго такого, что было драгоцѣнно моему сердцу; но, благодаря Бога! я нашелъ утѣшеніе въ лучшемъ понятіи о истинномъ человѣческомъ благѣ — понятіи, которое сообщили мнѣ науки, сообщивъ мнѣ лучшее понятіе о всемъ окружающемъ насъ. — Англичанинъ смотрѣлъ на него съ великимъ вниманіемъ; онъ почувствовалъ великое желаніе знать его исторію, но удерживалъ свое любопытство, боясь быть нескромнымъ. Пустынникъ примѣтилъ его желаніе. Если вамъ угодно, сказалъ онъ, то я подробно расскажу вамъ мои приключенія; только прежде отобѣдайте со мною и от-

дохните. Г. Девисъ обнялъ своего хозяина, увѣряя, что ему весьма хочется знать обстоятельство жизни такого человѣка, копорой, по видимому, имѣлъ весьма много опытовъ, и копорой наконецъ въ собственномъ своемъ сердцѣ нашелъ источникъ удовольствій.

Пустынный спрашивалъ у Англичанина, съ кѣмъ онъ знакомъ въ Швейцаріи. Путешественникъ сказывалъ, что онъ былъ раза три у славнаго Бнш., посѣщалъ почтеннаго Бдмр. и коротко познакомился съ пріятнымъ Гснр. и великимъ Лф. — Послѣ обѣда пустынный отвелъ молодаго Англичанина въ свою спальню; просилъ его отдохнуть, а самъ пошелъ въ свой кабинетъ. Г. Девисъ спалъ крѣпкимъ сномъ около четырехъ часовъ. Проснувшись, вышелъ онъ на балконъ, куда пришелъ къ нему и почтенной хозяинъ его, копорой по томъ началъ рассказывать исторію свою слѣдующимъ образомъ:

Отецъ мой, Баронъ В*, служилъ долгое время въ Императорскихъ войскахъ, долженъ былъ наконецъ, за болѣзнію своею, итти въ отставку. За хорошую службу его опредѣлили ему по смерти его пенсію.

сіонѣ. Кромѣ меня не было у него дѣшей. Лишась супруги своей черезъ два года послѣ своей женидѣбы, полагалъ онѣ во мнѣ все свое упѣшеніе и старался меня хорошо воспитывать. До двѣнадцати лѣтъ учился я дома разнымъ языкамъ. На тринадцатомъ году отвезъ меня родитель мой въ Лейпцигъ и поручилъ Профессору Л *, къ которому имѣлъ онѣ полную довѣренность, и подѣ предводительствомъ кошораго надлежало мнѣ учиться въ тамошнемъ Университетѣ; самъ же возвратился въ Вѣну. Я учился съ великою прилѣжностію, и въ шестнадцати лѣтъ имѣлъ уже изрядное понятіе о Философіи, Математикѣ, Физикѣ и Химіи. Въ сіе время скончался мой родитель. Извѣстіе о смерти его меня поразило; я весьма нѣжно любилъ его. Предавшись сердечной скорби своей, нѣсколько дней я безпрестанно плакалъ, не могъ учиться и не выходилъ изъ своей комнаты. Профессоръ Л *, у кошораго я жилъ, всячески старался меня упѣшать. Любезной другъ! говорилъ онѣ мнѣ: слезами не возвратишь ты жизни опцу своему. Почти память его не чрезмерною горестію, а хорошею жизнію: вошъ способъ доказать любовь къ родителю,

пелю, которой при смерти своей молилъ Бога, чтобы ты былъ доброй человѣкъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать сердце швое честнымъ и просвѣтитъ разумъ швой науками: исполняй же волю его; продолжай прилѣжно учиться; будь достойнымъ сыномъ покойнаго друга моего., — Такія наставленія произвели во мнѣ желанное дѣйствіе. Я началъ учиться еще прилѣжнѣе прежняго.

У меня не было родственниковъ; не было никакого дохода: ибо отецъ мой жилъ однимъ пенсіономъ, которой и окончался съ его смертію. Все мое имѣніе состояло въ трехъ тысячахъ палеровъ, которые онъ сберегъ для меня весьма умеренною своею жизнію, и которые по кончинѣ его мнѣ доставлены были. Профессоръ Л*, будучи моимъ опекуномъ, употребилъ ихъ въ торгъ черезъ одного Голландскаго купца, пріятеля своего. — Кромѣ шѣхъ книгъ, которыя сообщали мнѣ пространнѣйшее понятіе о наукахъ, любилъ я читать и Поэтовъ, а особливо Англійскихъ. Часто приходила ко мнѣ охота самому писать. Всѣ свои сочиненія прочитывалъ я Профессору Л*; онъ безпристрастно кришиковалъ ихъ, замѣчалъ недосытки

и

и нѣкоторыя небольшія красоты: но всегда совѣщывалъ мнѣ болѣе читать, нежели писать, говоря, что я еще не могу быть полезнымъ Авторомъ. Между тѣмъ мнѣ минуло двадцать лѣтъ. Въ день моего рожденія, поутру, вошелъ ко мнѣ мой благодѣтель, обнялъ меня и поздравилъ со вступленіемъ на двадцать первой годъ. Мой другъ! сказалъ онъ съ веселымъ видомъ: я пришелъ сдѣлать тебѣ нѣкоторое предложеніе, которое, сколько догадываюсь, будешь тебѣ приятиѣ всякаго подарка. Я приготовился со вниманіемъ слушать его. „Ты довольно успѣлъ въ наукахъ, продолжалъ онъ: ты слушалъ лекціи моральной Философіи, которая изъясняетъ намъ натуру человека; но всѣ теоретическія познанія въ нѣкоторомъ смыслѣ суть мертвыя познанія — ихъ надобно оживить практикою, то есть обхожденіемъ съ людьми, внимательнымъ наблюденіемъ движеній сердца человеческого въ общежитіи. Родъ нынѣшней жизни твоей не таковъ, чтобы ты могъ изъ опытовъ многому научиться — чтобы тебѣ было удобно разсматривать человека. И такъ, любезной другъ, оставь Университетъ — отправимся путешествовать по Европѣ;

ибо разумной, внимательной путешественникъ имѣетъ случай пріобрѣсти шѣ живыя познанія о сердцѣ человѣческомъ, копорыя имѣютъ весьма сильное вліяніе на щастіе наше., — Я обнялъ благодарителя моего, и, проливая слезы, благодарилъ его за всѣ опеческія его обо мнѣ попеченія. Онъ самъ заплакалъ, называлъ меня любезнымъ сыномъ, ушѣщеніемъ своимъ. Воспихывая себя, говорилъ онъ, нашелъ я въ жизни своей новыя пріятности; всѣ мои знанія, копорыя пріобрѣлъ я долговременнымъ ученіемъ и многими опытами, стали для меня драгоценнѣе, потому что я могъ и могу сообщать ихъ тебѣ. У насъ есть столько денегъ, продолжалъ онъ, что мы можемъ нѣсколько лѣтъ путешествовать, да и столько еще останется, что намъ, при умѣренной жизни, будетъ чѣмъ жить, когда возвратимся въ наше опечество.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того выѣхали мы изъ Дейпцига; объѣздили всю Германію, посѣщали многихъ ученыхъ людей, изъ копорыхъ съ каждымъ Профессоръ Л* говорилъ нарочно о томъ, въ чемъ онъ наиболѣе свѣдуецъ былъ, чтобы я могъ получить болѣе пользы отъ

отъ такихъ посѣщеній. Онъ находилъ знакомыхъ во всей Германіи. Мы были благосклонно приняты при дворахъ многихъ Нѣмецкихъ Князей. Двору Вѣнскому былъ я представленъ какъ сынъ храбраго Полковника, пользовавшагося всегда опмѣнною милостію его. Мнѣ предлагали выгодное мѣсто; но я, поблагодаря за такую милость, предоставилъ себѣ впредь ея пользоваться, весьма желая продолжать свое путешесствіе. Изъ Вѣны поѣхали мы во Францію. Будучи въ Парижѣ, захошѣлось мнѣ видѣться съ славнымъ Фернейскимъ Философомъ. Профессоръ Л* былъ увѣренъ, что я ничего не могу отъ него занять; однакожь, желая, чтобы я опыснѣ въ помѣ увѣрился, доставилъ мнѣ случай быть у него, не хошѣвъ самъ ѣхать къ нему. Я пріѣхалъ къ Господину В* съ однимъ изъ его пріятелей, которой, оставя меня въ залѣ, пошелъ предупредить его о моемъ пріѣздѣ. Я слышалъ, что они говорили въ другой комнастѣ. Молодой Нѣмецкой ученой, сказалъ господину В* пріятель его, восхищенной вашими сочиненіями, желаетъ имѣнь щастіе видѣть самага Авшора, первѣйшаго Философа и Поэта нашего вѣка. Такой докладъ мнѣ весьма

не полюбился. При словахъ: *qu'il entre!* отворились двери. Я вошелъ, и послѣ учтиваго поклона, сказалъ Господину В*, что слава его возбудила во мнѣ любопытство видѣть его самого. Онъ ожидалъ отъ меня, можетъ быть, великолѣпнѣйшаго привѣтствія, и пошому обошелся со мною довольно сухо. Какія изъ моихъ сочиненій вы читали? спросилъ онъ. Одну Генриаду, и то не всю, отвѣчалъ я. Онъ нахмурился, а пріятель его покраснѣлъ. Я начиналъ было говорить о наукахъ; но Г. В* не хотѣлъ впускаться въ такую матерію, а довольствовался только шулками на счетъ нашихъ Нѣмецкихъ ученыхъ. Я пошупилъ надъ его шулками, а онъ разсердился и въ жару своемъ наговорилъ для меня много обиднаго. По томъ я откланялся ему весьма хладнокровно, и, выходя изъ комнаты, услышалъ громко произнесенныя имъ слова: *quelle impertinence!* Пріѣхавъ домой, рассказалъ я Профессору Л., какъ принялъ меня В*, и что говорилъ. Я не ожидалъ ничего лучшаго отъ этого посѣщенія, отвѣчалъ онъ: теперь суди самъ, можно ли по справедливости называть Философомъ такого человѣка, которой хочетъ только шушпить!

Во Франціи пробыли мы не долѣе осьми мѣсяцовъ и поѣхали въ Англiю. Вышедши на Англiйской берегъ, почувствовалъ я радость въ сердцѣ своемъ. Съ самаго моего дѣтства любилъ я Англiю. Все, что попадалось мнѣ въ глаза, казалось миѣ прiятнымъ. Смотря на поля, покрытыя хлѣбомъ, и деревни, хорошо построенныя, пожалъ я руку у Профессора Л* и сказалъ: вошъ Земля, которую прилѣжаніе возвело на высочайшую степень политическаго совершенства! Какое вездѣ изобиліе! какое равнодушное спокойствіе изображается на лицѣ каждаго поселянина, увѣреннаго въ достаточномъ пропитаніи! Смотря на бѣдность и изнеможеніе Французскихъ крестьянъ, сердце мое сжималось; но видъ трудолюбивыхъ и богатыхъ Англiйскихъ поселянъ восхищаетъ меня. — Тебѣ здѣсь кажется все хорошимъ, отвѣчалъ съ улыбкою Профессоръ Л*: однакожь Англiя есть подлинно одно изъ совершеннѣйшихъ политическихъ обществъ. Всемъ своимъ благосостояніемъ обязана она мудрости своихъ Законодательей, которые, зная хорошо человѣка, умѣли вселить въ сердца согражданъ своихъ охоту къ трудамъ, предлагая за то щедрое награжденіе.

Духъ трудолюбія, духъ соревнованія въ трудахъ обогатилъ Англію многими славными опкрышіями, за копорыя весь родъ человѣческій обязанъ ей благодарностію. Здѣсь цвѣтешъ коммерція; но цвѣшъ ея скоро бы увялъ, еспли бы духъ національнаго трудолюбія пересталъ оживлять ее.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, оспановились мы въ пракширѣ. На другой день поѣхали къ Лорду Р*, къ копорому были съ нами письма изъ Вѣны отъ родспвенниковъ его супруги; ибо Лордъ женатъ былъ на Нѣмкѣ. Онъ принялъ насъ весьма ласково и представилъ своей супругѣ, дочери и сыну. Мы обласканы были всею фамилією. Лордъ удержалъ насъ у себя обѣдать. Лади Р* посадила меня подлѣ себя и спрашивала о новыхъ произведеніяхъ нашей Липперашуры. Нельзя было выбрать лучшей матеріи для разговора со мною. Я перечелъ ей всѣхъ нашихъ новыхъ Писателей и Стихотворцовъ, и описывалъ ей красоты ихъ твореній. Миссѣ Р*, сидѣвшая съ другой стороны подлѣ своей машери, также предлагала мнѣ нѣкоторые вопросы касательно Липперашуры. Она очень хорошо говорила по Нѣмецки и чипала многихъ

гихъ нашихъ Авторовъ. Я началъ говорить объ Англійскихъ Поэтахъ. Миссъ Р* хвалила нѣкоторыхъ изъ нихъ, и похвалы ея были такъ справедливы и шонки, что я удивился ея разуму и знаніямъ. Когдажъ я похвалилъ ея вкусъ въ Поэзіи, она покраснѣлась, и съ улыбкою признала похвалы мои за одну учивость. Между шѣмъ Профессоръ А* разговаривалъ съ Лордомъ и сыномъ его. — Мы пробыли у нихъ до самаго вечера. Когда прощались съ ними, то Лордъ и Лади просили насъ чаще посѣщать ихъ. Поблагодаривъ ихъ за ласку ихъ, мы поѣхали. Приѣхавъ домой, Профессоръ А* шулкою замѣшилъ, что я слишкомъ люблю говорить о Литшературѣ. Не всѣ любяшъ то, что мы любимъ, сказалъ онъ: впрочемъ я не говорю почно о нынѣшнемъ швомъ разговорѣ; пошому что Лади и Миссъ Р* слушали тебя, кажется, съ непришворнымъ вниманіемъ.

Мы ѣздили къ Посланнику Вѣнскаго Двора и къ Барону Т*, кошорой познакомилъ насъ съ нѣкоторыми знашными домами и со многими учеными; но нигдѣ не было мнѣ такъ весело, какъ въ домѣ у Лорда Р*, къ кошорому мы весьма часто спали ѣздить. Все семейство его

мнѣ

миѢ полюбилось. СамѢ ЛордѢ былѢ чело-
вѣкѢ веселой, и обходительной, и копя
уже ему минуло пятьдесятѢ лѣтъ, одна-
кожь онѢ былѢ весьма живѢ. Часто вхо-
дилѢ онѢ въ горячіе споры, казался сер-
дитымѢ, но въ самомѢ дѣлѢ никогда не
сердился. Любимая его матерія была
Полишика. ОнѢ читалѢ политическія
сочиненія Аббата Мабли, держался его
системы и образѢ Спартанскаго пра-
вленія предпочиталѢ всякому иному. Бра-
нилѢ искусства, бранилѢ коммерцію, и
почиталѢ ихѢ источникомѢ пагубной
роскоши, и, какѢ говорилѢ онѢ, *разсла-
бленія нервѢ всѣхѢ націй*, гдѢ онѢ про-
цвѣтали. Я съ нимѢ спорилѢ чаще, не-
жели ПрофессорѢ Л*, которой вообще
былѢ очень скромнѢ. Квгда уже мы
коротко съ нимѢ познакомились, то онѢ
обыкновенно называлѢ меня *любезнымѢ
педантомѢ*. Не могѢ терпѣть чиновѢ,
любилѢ вольность въ обхожденіи, шушки
и всегда говорилѢ то, что думалѢ. —
Лади Р* имѢла весьма доброе сердце и
хорошій разумѢ; любила много говорить,
читала много романовѢ и стихотвор-
цовѢ. МиссѢ Софія была дватцати двухѢ
лѣтъ, и характерѢ имѢла самой Ангель-
ской, сердце весьма нѣжное, разумѢ про-
ница-

ницапельной и просвѣщенной многими знаніями. Она знала по Нѣмецки, по Французски и по Италіянски. Весьма много читала философическихъ книгъ и имѣла склонность къ Поэзіи. Говорила немного, но всегда основательно и разумно. Никогда не входила въ споры и всегда переставала говорить, какъ скоро ей прошиворѣчили. Не занималась нарядами и всегда просто одѣвалась. Не любила публичныхъ собраній, кромѣ Театра, въ которомъ не рѣдко ѣздила съ своею матерью, а особливо, когда представляли Шекспировы Драмы, которыхъ красота она живо чувствовала. — Сирѣ Карль, которому минуло дваццать три года, былъ добросердечной молодой человекъ, зналъ многіе языки, но не любилъ читать, и лучшую свою забаву находилъ въ охотѣ. Любилъ также скакаться на лошадяхъ и держать большіе заклады, такъ что Лордъ часто долженъ былъ платить за его шалости по нѣскольку сотъ фунтовъ сперлинговъ. Впрочемъ онъ былъ такъ добродушенъ, что не лзя было его не любить.

Цѣлые дни проводили мы у нихъ въ домѣ. Лади Р* меня очень полюбила, часто ходила со мною въ свой кабинетъ

и рассказывала мнѣ самыя прогашельнѣйшія мѣста изъ чипанныхъ ею романовъ. Часто говорила о томъ, какъ въ первой разѣ увидѣла ее въ Вѣнѣ Лордъ Р*, какъ въ нее влюбился, и какія трудности надлежало преодолѣть, чтобы ей выйти за него за мужъ. „Я ни съ кѣмъ не могу разговаривать такъ искренно, какъ съ вами, говорила она: племянникъ мой описалъ мнѣ васъ такими красками, чтобы я полюбила васъ по одному письму его. А теперь чѣмъ болѣе васъ узнаю, тѣмъ болѣе нахожу въ васъ любезныхъ свойствъ. Я целовала у нее руки, а она отъ чувствительности плакала. — Лордъ любилъ со мною спорить и часто не пускалъ меня въ кабинетъ къ Леди, говоря ей: зачѣмъ ты уводишь его отъ меня? Ты рассказываешь пустыя сказки, а мы говоримъ съ нимъ о дѣлѣ. Ну, любезной спорщикъ, доказывай, что не лъзя нынѣ составить такого политическаго общества, въ кошоромъ бы у всѣхъ членовъ было общее имѣніе! „Между тѣмъ не всегда слушалъ онъ мои доказательства, а любилъ сказывать свои. — Софія рѣдко выходила къ намъ изъ своей комнаты прежде обѣда и по обыкновенію

венію своему большую часть дня проводила въ чшеніи. Послѣ обѣда бывала она свидѣтельницаю нашихъ споровъ съ Лордомъ, или нашихъ нѣжныхъ разговоровъ съ ея матерью. Я искалъ случая говорить съ нею, и всегда съ сердечнымъ удовольствіемъ слушалъ ея разсужденія. Иногда читали мы съ нею въ кабинетѣ у Лади Англійскихъ Стихопворцовъ. Однажды, читая Томсонову Осень, при стихахъ:

— — — for loveliness

Needs not the foreign aid of ornament,
But is, when unadorn'd, adorn'd the most.

[То есть: ибо любезность не имѣетъ нужды въ чуждой помощи украшенія; и неукрашенная бываетъ украшенная] взглянулъ я на нее: она закраснѣлась, и опустила глаза въ землю. Я перевернулъ листъ и прочиталъ въ другой разъ стихи:

The modest virtues mingled in her eyes,
Still on the ground dejected, darting all
Their humid beams into the blooming
flowers.

[То есть: Скромныя добродѣтели соединялись въ ея глазахъ, всегда въ
землю

*землю потупленныхъ и изливающихъ всѣ
влажные луки свои на цвѣтущіе цвѣты]*
Она посмотрѣла на меня съ важнымъ
видомъ, и въ глазахъ ея примѣтно бы-
ло нѣкошорое неудовольствіе. Я продол-
жалъ читать; но она не имѣла уже вни-
манія, и такимъ образомъ окончалось
наше чтеніе. Профессоръ Л* былъ при
семъ случаѣ свидѣтелемъ; однакожь ни
слова мнѣ не сказалъ, и вообще давалъ
мнѣ волю въ моихъ поступкахъ, хотя
не укрывалось отъ него никакое движеніе
моего сердца. Онъ не хотѣлъ ни въ чемъ
принуждать меня. Часомъ, когда онъ
предлагалъ мнѣ ѣхать къ какому нибудь
ученому человѣку, я отговаривался голо-
вною болію или инымъ чѣмъ, а черезъ
часъ просилъ у него позволенія итти къ
Лорду Р*. Онъ улыбался, и шулкою го-
варивалъ мнѣ, что я нахожу уже боль-
шее удовольствіе въ разсужденіяхъ о
Поэзіи и въ чтеніи Томсона и Шекспира,
нежели въ мешафизическихъ бесѣдахъ съ
Англійскими учеными, и слѣдственно
явно отдаю преимуществво Поэзіи передъ
науками. Между шѣмъ никогда меня не
удерживалъ, и всегда по желанію моему
ходилъ со мною къ Лорду Р*; иногда же
отпускалъ меня туда одного.

У Лорда рѣдко бывали гости, потому что онъ самъ ни къ кому не ѣздилъ; но весьма часто бывалъ у него молодой Графъ С., которой при насъ уже возвратился изъ Парижа, живши тамъ около года. Онъ старался пріобрѣсти благосклонность Лорда и Лади Р*, и при томъ такими средствами, которыя мнѣ не нравились. На примѣръ, онъ всегда льстилъ имъ и осыпалъ ихъ кшаши и не кшаши великими похвалами. При всемъ томъ себя хвалилъ онъ еще болѣе, нежели ихъ. Не было такой вещи, которую почиталъ бы онъ для себя неизвѣстною; при всякомъ случаѣ хотѣлъ показывать свои знанія, которыя въ самомъ дѣлѣ были очень не велики, и говорилъ обо всемъ рѣшишельно. Когдажъ Лордъ или Лади въ чемъ нибудь ему прошиворѣчили, то онъ въ минушу съ ними соглашался, говоря, что онъ только худо изъяснился, а думаешь съ ними одно; но когда прошиворѣчилъ ему Профессоръ Л*, Сиръ Карлъ или я, то онъ упорно защищалъ свое мнѣніе и выдумывалъ множество лжей для подтвержденія его. Профессоръ Л* бывалъ въ такихъ случаяхъ весьма хладнокровенъ, не хотѣлъ прямо уличать его въ неправдѣ,

Часть XV. Но. 30. Г И

и переставалъ говорить, видя его сердящагося; но я, будучи молодъ и горячъ, часто входилъ съ нимъ въ жаркіе споры. Лордъ и Лади старались насъ въ такихъ случаяхъ мирить; а особливо Лади, бравшая часто мою спорону и любившая меня всегда болѣе, нежели его, какъ онъ ни старался ей льстить. Опытной другъ мой просилъ меня никогда не горячиться, не спорить съ Графомъ С., и давать ему волю говорить все, что ему угодно. Ты ничѣмъ не можешь доказать ему несправедливость его мнѣній, говорилъ онъ: споря съ нимъ, огорчаешь ты Лорда и Лади, которые любятъ его; и еслили не хочешь разорвать дружбы съ домою ихъ, то тебѣ необходимо надлежитъ быть хладнокровнѣе и уступать Графу. Я послушался его совѣта, и съ того времени старался удерживать свою горячность. Однакожь Графъ не любилъ меня, а я его. Сиръ Карлъ совѣмъ не могъ его терпѣть и старался всегда досаждаъ ему, такъ что Графъ часто жаловался на него Лорду, которой въ такихъ случаяхъ бранилъ сына своего за его грубость. Съ Софіею обходился онъ весьма учтиво и старался входить съ нею въ разговоры; однакожь она, казалось, убѣгала того.

При-

Пришедши однажды къ Лорду, никого не нашелъ я въ гостинной комнатѣ; мнѣ сказали, что онъ сидитъ запершись въ своемъ кабинетѣ съ Графомъ, а Лади нездорова и лежитъ въ постелѣ. Я не зналъ, куда мнѣ ийти, и сѣлъ въ залѣ. Черезъ минуту вошла Софія. Увидѣвъ ее, весьма я испугался: она была вся заплакана и блѣдна какъ мертвая. Что такое сдѣлалось, сударыня? спросилъ я, подбѣжавъ къ ней. Она пришла въ замѣшательство, и когда я повторилъ свой вопросъ, отвѣчала мнѣ, что Лади занемогла; по томъ поспѣшнѣ ушла назадъ. Узнавъ, что Сиръ Карлъ дома, пошелъ я къ нему въ комнату, нашелъ его сидящаго на креслахъ и опирающаго слезы. Что такое у васъ сдѣлалось? спросилъ я, будучи въ великомъ безпокойствѣ. Сиръ Карлъ вскочилъ и бросился меня целовать. „Любезной другъ! сказалъ онъ, обнимая меня: я вчера былъ у тебя, чтобы рассказать тебѣ наше печальное приключеніе, но не заспалъ тебя дома. Графъ, котораго я не могу терпѣть за подлую душу и хвасливость его, влюбился въ мою сестру; вчера открылась причина, для чего такъ часто ѣздилъ онъ въ нашъ домъ, и для чего такъ

примѣшно льспилъ батюшкѣ и мапушкѣ. Вчера поушру прїѣхалъ онѣ къ намѣ, вызвалъ батюшку въ кабинетѣ, отккрылъ ему свою любовь къ Софіи, и со слезами говорилъ, что щастіе его теперь у него въ рукахѣ, и естли онѣ не опдастѣ за него своей дочери, то сдѣлаетѣ его на вѣкѣ несчастнымѣ. Отецѣ мой, ослѣпленной знатностію и богатствомѣ его, обнималъ его и увѣрялъ, что онѣ за честь почтетѣ имѣть его своимѣ зятемѣ. По томѣ пошелъ съ Графомѣ къ мапушкѣ и съ веселымѣ лицемѣ говорилъ ей, какѣ Графѣ влюбленѣ въ Софію, какѣ униженно проситѣ выдать ее за него, и что онѣ самѣ почиаетѣ за щастіе вступишь въ такую связь съ знатною Графскою фамилією, и надѣется, что мапушка будетѣ на то согласна, и что Софія конечно послушается своихѣ родителей. Кѣ тому же, примолвилъ онѣ, Графѣ молодѣ, хорошѣ, уменѣ — Софія вѣрно сама влюблена въ него. Я поблѣднѣлъ, услышавѣ это. Мапушка подумала и отвѣчала, что она съ своей стороны на то согласна, естли Софія по длинно любитѣ Графа и захочетѣ быть его супругою. Вѣрно захочетѣ, сказалъ батюшка, и велѣлъ позвать сестру. Она

вошла. Батюшка объявилъ ей желаніе Графа, и выхвалялъ его достоинства. Нельзя, сказалъ онъ, чтобы Графъ тебѣ не нравился, и чтобы ты, согласно съ волею родительскою, не захотѣла быть его супругою. Софія спояла неподвижно — всѣ молчали — батюшка преребовалъ отвѣта. Наконецъ сестра прещущимъ голосомъ отвѣчала, что она еще очень молода и никогда не думала о замужствѣ. Нужды нѣтъ! сказалъ съ жаромъ батюшка: думай теперь. Однимъ словомъ, любезная дочь, продолжалъ онъ, мы надѣмся, чтобы ты изъ одного повиновенія къ родителямъ вышла за Графа, еспьли бы и никакой любви къ нему не чувствовала, чего однакожь быть не можеть. Матушка сказала, что она никакъ не хочетъ принуждать своей дочери къ замужству, какъ бы оно ни было выгодно для фамиліи ихъ. Софія заплакала, цаловала руки у матушки, и сказала, что она, говоря согласно съ своимъ сердцемъ, должна признаться, что не чувствуетъ никакой склонности къ Графу, какъ онъ впрочемъ ни достоинъ ея почтенія. Графъ, стоявшій до этого времени въ углу комнаты съ видомъ весьма смиреннымъ, бросился передъ Со-

фією на колѣни и языкомъ романическаго любовника говорилъ, что такимъ приговоромъ она лишаетъ его жизни, и прочее. Батюшка разгорячился, спалъ бранить сеспру и машушку, копорая за нее вступилась и сказала Графу, что онъ конечно послѣ шакого обьясненія не захочетъ пребовать ея руки. Я не могъ долѣе молчать и съ жаромъ говорилъ ему, что поступокъ его весьма спраненъ и несходенъ съ благоразуміемъ; что не лъзя умному человѣку пребовать у родипелей себѣ въ супруги дочери ихъ, не узная прежде, любитъ ли она его. Между тѣмъ сестра стояла на колѣняхъ передъ батюшкою и говорила, что она увѣрена въ его любви къ ней; что онъ конечно не захочетъ ее сдѣлать несчастною и не станеть принуждать ее вступитъ въ вѣчную связь прошивъ склонности ея сердца. Батюшка сердился, кричалъ; однакожь въ глазахъ у него были слезы. По томъ услышавъ, что я браню Графа, копорой со спыдомъ всталъ и отошелъ къ окну, обрашилъ на меня весь свой гнѣвъ, вышолкалъ меня изъ комнашы, самъ хлопнулъ дочерью и ушелъ. Графъ пошелъ за нимъ, и когда проходилъ мимо меня, я ругалъ его какъ

какъ негодяя; но онъ, будучи въ великомъ смяшеніи, не отвѣчалъ мнѣ ни слова. Я поскакалъ къ тебѣ, какъ къ истинному другу дома нашего, чѣшбы увѣдомишь тебя о всемъ производившемъ у насъ; но тебя не было дома. Возвращаясь домой, я не заспалъ уже у насъ Графа. Батюшка встрѣтился мнѣ въ передней комнатѣ, прошелъ мимо въ великомъ гнѣвѣ и уѣхалъ со двора. Машушку и сестру нашелъ я въ слезахъ. Я утѣшалъ ихъ и говорилъ, что сестрѣ не бывать за Графомъ; что естли онъ не оставитъ насъ въ покоѣ, то я не опойду отъ него, пока кто нибудь изъ насъ на пошъ свѣтъ не опправится. Онъ просили меня не горячиться, и говорили, что жаръ мой ихъ только болѣе огорчаетъ. Батюшка возвратился домой поздно. Я ожидалъ поуспру отъ Графа вызова на поединокъ, думая, что не лзя снести той брани, которою я осыналъ его. Въ восемь часовъ увидѣлъ я у насъ на дворѣ Графскую карешу; вскочилъ, одѣлся, приготошилъ шпагу и пистолеты, и ждалъ къ себѣ Графа. Но видя, что онъ неидетъ, и узнавъ, что онъ у батюшки въ кабинетѣ, пошелъ я туда; однакожь они тамъ заперлись. Мнѣ хо-

пѣлось знать, что они говорили; я при-
ложилъ ухо къ дверямъ и слушалъ.
Представь же себѣ, что я услышалъ!
Подлецъ говорилъ, что онъ знаетъ при-
чину, для чего Софія не хочетъ итти
за него за мужъ: что этому виною ты,
любезной другъ; что за годъ передъ
тѣмъ, когда еще тебя не было въ Лон-
донѣ, мать моя и сестра обходились съ
нимъ гораздо ласковѣе; что ты, по-
знакомясь съ нашимъ домомъ, вкрался
къ нимъ въ любовь, обольстилъ Софію и
вооружилъ ее противъ него. Я не могъ
долѣе слушать, побѣжалъ къ мапушкѣ,
которая вчера еще занемогла отъ слезъ,
и рассказалъ ей и сестрѣ слышанное
мною. Сестра испугалась; но мапушка
сказала очень равнодушно, что она, не
смотря на то, что ты иностранецъ,
не богатъ и не знаменъ, лучше бы хо-
тѣла выдать дочь свою за тебя, нежели
за какогонибудь Лорда или Графа, и
что она личныя достоинства предпочи-
таетъ знатному роду и богатству.
Сестра покраснѣлась „ . . . . Тутъ Сиръ
Карлъ замолчалъ и пристально смотрѣлъ
на меня. Трудно описать тогдашнія чув-
ства моего сердца. Надобно знать, что
я не почиталъ себя влюбленнымъ въ Со-
фію.

фію. Хотя признавался себѣ, что она мнѣ весьма нравилась, однакожь думалъ, что и всякой, умѣющій цѣнить достоинства сердца и разума, долженъ ее любить и почитать такъ же, какъ я любилъ и почиталъ ее. Я желалъ приобрести ея дружбу; желалъ, чтобы она имѣла ко мнѣ полную довѣренность, и чтобы сердце ее переливало въ мое сердце всѣ чувства свои; желалъ бы вѣкъ жить съ нею, вѣчно наслаждаться ея дружбою. Такія желанія почиталъ я восхитительными мечтами, и любилъ ими заниматься; время отъ времени онѣ казались мнѣ восхитительнѣйшими и болѣе усиливались въ душѣ моей. Я скучалъ не видя Софіи; сердце мое чувствовало какую-то пустошу. . . . Однакожь всѣ сіи чувства умѣлъ я себѣ изъяснять, ни мало не думая, чтобы я былъ влюбленъ въ нее. Когда же услышалъ, что Софію принуждаютъ вступить въ вѣчныя обязательства и отдать сердце свое навсегда одному человѣку, и слѣдственно мнѣ надлежало бы оставить всю надежду быть когда нибудь первымъ ея другомъ, быть близкимъ къ ея сердцу: то я оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Подлой вымыслъ Графа С*, будто бы я непозволенными средствами входилъ въ любовь

къ Лади и Софіи и будшо бы я заспавилъ ихъ думашь о немъ дурно, не могъ уже болѣе меня пронуть. Но когда услышалъ, что Софія могла бы вступитъ въ вѣчной союзъ и со мною, моглабъ бытъ вѣчно моею: тогда вся кровь моя пришла въ сильное волненіе, и сердце мое наполнилось вдругъ такими живыми ощущеніями, что я въ испоргъ запрешалъ, не могъ споятъ на ногахъ, упалъ на кресла и былъ внѣ себя. Сиръ Карлъ испугался, схватилъ руку мою, и спрашивалъ, что со мною сдѣлалось. Долго не могъ я отвѣчать ему. Наконецъ дрожащимъ голосомъ сказалъ, что участіе, принимаемое мною въ безпокойствѣ дома ихъ, и такія хорошія обо мнѣ мысли мапушки его, привели меня въ то положеніе, въ кошоромъ я тогда былъ. Теперь я все знаю, сказалъ онъ, смотря на меня съ нѣжноспію: я давно догадывался, и всегда желалъ, чтобы догадки мои были справедливы; и будь увѣренъ, любезной другъ, что я съ своей стороны такъ же презираю общія предразсужденія, какъ и мапушка. Видя, что я не могъ успокоитъся, совѣтовалъ онъ мнѣ взять его карету и ѣхать домой, примолвя, что онъ всячески по-

сна-

старается избавиться отъ Графа С*, успокоить мать и сестру, и ввечеру пріѣдетъ мнѣ рассказать все, что у нихъ случится. Я обнялъ его и поѣхалъ домой.

Въ тотъ день не видался я съ Профессоромъ Л*, ушедши со двора прежде, нежели онъ вспалъ. Какъ же я удивился, нашедши его въ одиннадцать часовъ лежащаго на постелѣ! Я нездоровъ, сказалъ онъ, видя меня подходящаго къ нему: чувствую боль въ головѣ и во всемъ тѣлѣ жаръ. Я сѣлъ подлѣ его постели, и просилъ его послать за Докторомъ. Съ улыбкою отвѣчалъ онъ мнѣ, что онъ самъ Докторъ и что принялъ уже лѣкарство. Между тѣмъ спрашивалъ у меня, гдѣ я былъ. Я хотѣлъ открыть ему все сердце мое; но видя его въ великомъ жару, рѣшился до времени молчать, и сказалъ ему только то, что я прогуливался, заходилъ къ Лорду Р*, но не видалъ его. Примѣтя мое безпокойство о его болѣзни, онъ увѣрялъ меня, что не почишаетъ ее опасною, и просилъ меня быть покойнымъ. Я не отходилъ отъ него до самаго вечера. Жаръ въ немъ увеличивался. Онъ мало говорилъ, почти безпрестанно смотрѣлъ на меня, и часто
пожи-

пожималъ мою руку. Въ семь часовъ просилъ меня чипать вслухъ книгу, лежавшую у него на столикѣ; это было Паскалево сочиненіе. Я чипалъ до двѣнащати часовъ. По томъ онъ выслалъ меня, сказавъ, что ему хочется спать. Поцаловавъ у него руку, пошелъ я въ свою комнату и былъ въ великомъ безпокойствѣ. Съ одной стороны приводила меня въ страхъ болѣзнь моего благодѣтеля, а съ другой безпокоило меня то, что Сиръ Карлъ, по обѣщанію своему, ко мнѣ не пріѣхалъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; хотѣлъ чипать, бралъ книгу, но ничего не понималъ и бросалъ ее опять на столъ. Всю ночь у меня глазъ съ глазомъ не сходился. Въ шесть часовъ я вспалъ съ постели и вошелъ пошхоньку въ комнату къ Профессору Л*; онъ не спалъ, и сказалъ мнѣ, что ночь провелъ весьма безпокойно, и что чувствуетъ въ себѣ великой жаръ. Я неоступно просилъ его послать за Докторомъ, на что онъ и согласился. Докторъ пріѣхалъ, пощупалъ пульсъ, сказалъ, что у него сильная горячка, и, написавъ рецептъ, уѣхалъ. Къ вечеру жаръ у него умножился и начался бредъ, кошорой продолжался во всю ночь. Я совсѣмъ спать

не ложился и не опходилъ опѣ поспели его. Поушру онѣ пришелъ вѣ память, чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, но былъ вѣ чрезмѣрной слабости. Онѣ велѣлъ мнѣ сѣсть кѣ себѣ на постелю, взялъ у меня руку и сказалъ тихимъ голосомъ: „Мысль, что я могу нынѣ умереть, не спрашивъ меня. Да будетъ, что Богу угодно! Я умру конечно вѣ самое лучшее для смерти моей время. И пакѣ ты можешь оспашься вѣ чужой Землѣ одинѣ, не имѣя истинныхъ друзей, не имѣя еще надлежащей опытности!„ . . . Тушѣ я заплакалъ. „Эта мысль, продолжалъ онѣ, была бы для меня мучительна вѣ послѣднія минушы жизни моей, естли бы я не полагался на премудрую Руку, всемѣ правящую.„ . . . Но зачѣмъ говоришь о смерти, перервалъ я, когда уже спало вамѣ лучше? „Однакожь я могу умереть, говорилъ онѣ: для чегожь мнѣ не воспользоваться шеперешними минушами? Для чего не употребить ихѣ вѣ пользу моего любезнаго друга? Сѣ самага твоего младенчества замѣчалъ я всѣ побужденія твоего сердца и проницалъ вѣ его внутренность. Ты одинѣ изъ шѣхѣ щаспливыхъ людей, кошорыя имѣющѣ опѣ природы многія добрыя

рыя свойства; открытая душа твоя удобна ко принятію добрыхъ впечатлѣній. Я радовался тобою, и благодарилъ Небо, поручившее мнѣ воспитывать тебя. Я старался наставленіями, почерпнутыми изъ опытовъ, поливать въ сердцѣ своемъ сѣмена добраго, и съ восхищеніемъ видѣлъ, какъ онѣ зеленѣли и развертывались. Я старался представлять тебѣ науки въ прелестномъ образѣ: ты и полюбилъ ихъ. Путешествіе почелъ я за средство сообщить тебѣ лучшее понятіе о человѣкѣ и разпространилъ вообще кругъ твоихъ знаній. Я познакомилъ тебя съ славными учеными, предлагалъ имъ вопросы, требовалъ объясненія на нѣкоторыя темныя мѣста ихъ сочиненій, и все единственно въ наученіе тебѣ. Но знакомство свое не ограничивалъ я одними учеными: я былъ съ тобою при Дворахъ, выводилъ тебя на театръ большаго свѣта, знакомилъ тебя съ знаменитыми его актерами, показывалъ тебѣ ошибки спрасшей, и такимъ образомъ научалъ тебя челоѣкознанію. Никогда не хотѣлъ я говорить съ тобою сухимъ языкомъ школьнаго Моралиста; но всегда въ картинѣ представлялъ тебѣ ходъ разума и движенія сердца челоѣческаго.

Не спускалъ глазъ съ собственнаго твоего сердца, и замѣчалъ впечатлѣнія, производимыя въ немъ разными сценами, чтобы наконецъ открыть тебѣ таинственную книгу — самаго тебя. Я давалъ тебѣ полную свободу въ общеніи съ людьми, и вообще хотѣлъ тебя научать опытами, а не словами. Я намѣренъ былъ вести тебя по степенямъ къ тому совершенству, до котораго опредѣлено человѣку достигнуть въ здѣшнемъ мірѣ. Какъ восхищался я мыслію, что нѣкогда увижу въ тебѣ истиннаго Философа, возмогу пасть предъ тобою передъ святилищемъ великаго Бога и сказать: *Вотъ воспитанникъ мой! Онъ въдаетъ уже санъ свой, и посвящаетъ Тебѣ, всемогущій Отецъ нашъ, сердце свое.* Но Богъ, ведущій насъ по премудрости своей путями чудесными, разлучаетъ меня съ тобою, „ . . . . Слезы покапались по лицу друга моего. Я спалъ на колѣни и съ рыданіемъ говорилъ ему: не уже ли Богъ опыметъ тебя у меня въ самое то время, когда мнѣ всего нужнѣе руководство твое, благодѣтель и отецъ мой! „Отецъ у насъ Богъ, сказалъ онъ, и я спѣшу въ Его объятія. Такъ, любезной мой другъ, я скоро умру — пригошьюсь

ся къ этому. Облегченіе, мною чувствуемое, подобно морской пишинѣ, которая предшествуетъ бурѣ; внутренній огонь изсушаетъ во мнѣ жизненные источники., — Я вскочилъ, бѣгалъ въ изступленіи по комнатамъ, ломалъ у себя руки, молилъ Бога, чтобы Онъ умилился надо мною и не лишалъ меня наставника моего. Поди ко мнѣ, сказалъ слабымъ голосомъ Профессоръ Д*: время дорого. Я подошелъ и спалъ опять на колѣни подлѣ постели его. По томъ говорилъ онъ: , При самомъ началѣ знакомства нашего съ домомъ Лорда Р* предвидѣлъ я слѣдствія его. Теперь хочу говорить прямо. Я примѣчалъ, какъ живо чувствовалъ ты достоинства Софіины; съ какимъ восхищеніемъ говорилъ о нихъ; какъ привязанность твоя къ ней возрастала; какъ ты, не видя ея, скучалъ, и лучшее свое удовольствіе находилъ въ томъ, чтобы слушать ее, чтобы на нее смотрѣть. Я хотѣлъ до нѣкотораго времени молчать, будучи увѣренъ, что ты самъ откроешь мнѣ чувства свои, когда онъ будетъ еще сильнѣе. Тогда хотѣлъ я представить тебѣ опасное твое положеніе; сказать, что усиливающаяся въ тебѣ страсть можетъ

нако-

наконецъ овладѣть всею своею душою, лишивъ себя спокойствія; что она есть страшная буря, готовящаяся испребить въ тебѣ то доброе, которое Природа въ сердце своею насадила, и которое другъ твой старался воспитывать. Мой другъ! я готовилъ тебя быть побѣдителемъ страстей, а не рабомъ ихъ. Я хотѣлъ потрясти всю душу твою страшною картиною того злополучія, того безчувственного расслабленія, въ которое приводилъ человека эта страсть; надѣялся возбудить въ тебѣ благородную рѣшимость испребить злой зародышъ ея; потомъ намѣренъ былъ уѣхать съ тобою изъ Лондона и продолжать наше путешествіе., — Онъ замолчалъ. Обнимая его, признавался я въ привязанности своей къ Софіи, и сказалъ: пребудь, благодѣтель мой, пребудь, чтобы я побѣдилъ склонность свою! Я напрягу всѣ силы мои, и воля твоя исполнится! — Любезной другъ! говорилъ онъ: я знаю сердце человеческое . . . . Не требую, но совѣтую тебѣ — надѣясь, что ты уважишь совѣтъ умирающаго друга твоего — совѣтую скорѣе оставить Лондонъ. Поѣзжай въ Италію; путешествуй еще года два или три, и старайся вездѣ научать-

Часть XV. Но. 31. Д ся

ся просвѣщать разумъ свой. Но старайся всегда оживлять въ себѣ увѣреніе, что не исправляя сердца и не побѣждая спрассей, не лзя пріобрѣсти тѣхъ великихъ и существенныхъ знаній, на которыхъ основывается дѣятельность мудраго человека, на которыхъ основывается счастье его. Слушайся гласа совѣсти, и поступай во всемъ по лучшему своему разумѣнію. Старайся быть полезнымъ роду человеческому; старайся болѣе и болѣе пріобрѣтать благоволеніе небснаго Отца нашего; смирайся и съ умиленнымъ сердцемъ преклоняй предъ Нимъ колѣни свои, моля Его, да изліетъ на тебя Свое благословеніе. Онъ упѣшитъ тебя въ твоихъ огорченіяхъ, наснавитъ тебя въ истинѣ, и ты узнаешь по, чему никакой человекъ не можетъ научить тебя. Онъ будетъ тебѣ лучшимъ пушеводителемъ, нежели я, чувствующій теперь всю ничтожность свою. . . . Что я могу сказать тебѣ болѣе? . . . Въ этомъ бюро найдешь ты триста гвиней, вексели на Голландскія Конторы и Англійскихъ Банкировъ. У тебя будетъ довольно денегъ на путешествіе. Ты мой сынъ, мой наследникъ — кромѣ себя нѣтъ у меня никого. Послушай: естли тебѣ надобно будетъ

будешь избрать какое нибудь соспояніе, когда возвратишься въ опечество, то совѣшую тебѣ, зная пвои способности, избрать ученое соспояніе, въ которомъ можешь сдѣлать много пользы. Поспайся быть Профессоромъ при Лейпцигскомъ Университетѣ; тамъ тебѣ многіе любящѣ. Еспыли же покажешь тебѣ, что ты и не будучи Профессоромъ или Докпоромъ, можешь одними своими сочиненіями способствовать разпространенію добраго; и еспыли тѣми деньгами, которыя теперь имѣешь, можешь прожить всю жизнь свою: то избери себѣ гдѣ нибудь уединенное жилище, и въ тишинѣ работай для блага своихъ сочеловѣковъ. Теперь, любезной другъ мой, обними меня и оставь меня одного часа на два., — Я съ горячноспію обнялъ моего благодарителя, цаловалъ его, обливалъ слезами. Впрочемъ Богъ знаетъ, что будетъ съ побою! сказалъ онъ, когда я пошелъ отъ него. — Между тѣмъ, надѣясь еще, что онъ можетъ остаться живъ, послалъ я опять за Докпоромъ.

Лишь только вошелъ я въ свою комнату, подали мнѣ письмо отъ Лорда Р*, кошорое было такого содержанія:

Государь мой!

„Я васъ обласкалъ и любилъ; но вы
„заплатили мнѣ за это очень худо. Вы
„вскружили голову моей женѣ, обольстили
„мою дочь; съ злымъ намѣреніемъ съ
„одною разсуждали вы о романахъ, а съ
„другою чипали краснорѣчивыя бредни.
„Дочь меня не слушаетъ, жена со мною
„бранишся, сынъ буншуетъ; а кпо же
„этому причиною? Все вы. Гофмейстеръ
„вашъ казался мнѣ человѣкомъ умнымъ
„и добрымъ; однакожь онъ худо смо-
„тритъ за вами, допустивъ васъ раз-
„строить спокойствіе цѣлой семьи нашей.
„Вы совсѣмъ себя забыли, почипая за
„возможность жениться на моей дочери.
„Бѣдному Нѣмецкому Барону не быватьъ
„моимъ зятемъ. Я знаю цѣну вашей
„Дашини, государь мой! Я любилъ съ
„вами спорить, но никогда не думалъ,
„чтобы вамъ пришло на мысль п жало-
„вать меня въ свои шеспи. — Въ за-
„ключеніе всего знайте, что двери моего
„дома для васъ навсегда затворяются.
„Простите! Желаю вамъ ошъ добраго
„сердца всякаго благополучія.,,

Подъ! сказалъ я Лордову человѣку,
прочипавъ письмо и бросивъ его на сполъ;

но онъ подалъ мнѣ другое письмо отъ Сира Карла. „Проспившись съ тобою, писалъ онъ, пошелъ я къ матушкѣ, гдѣ нашелъ и Лорда, бывшего внѣ себя отъ гнѣва и бранившего матушку за ея, какъ говорилъ онъ, безумное намѣреніе выдать дочь свою за Лейпцигскаго Студента. Мать моя говорила, что она по-длинно элова намѣренія не имѣла; но что впрочемъ тебя любитъ и не почла бы за безчестіе назваться зятемъ своимъ, зная свои достоинства; что ты человекъ, благородной, и что просвѣщенной разумъ твоей цѣнишь она дороже всякаго богатства. Лордъ горячился, бранилъ тебя, называлъ оболъстшителемъ, коварнымъ человекомъ. По томъ осыпалъ онъ жестокими укоризнами сестру мою, которая со слезами увѣряла его, что ей и на мысль не приходило выйти за тебя за мужъ, и что не имѣешь никакой причины почитать тебя влюбленнымъ въ нее. Я называлъ Графа С* клеветникомъ, которой лжетъ на честныхъ людей. Лордъ велѣлъ мнѣ молчать; но я такъ разгорячился, что не слушалъ его, и побѣжалъ изъ комнаты, сказавъ, что иду проводить Графа домой, и что онъ уже никогда къ намъ не пріѣдетъ. Батюшка

побѣжалъ за мною, схватилъ меня за руку, привелъ въ мою комнату, самъ ушелъ, заперъ двери, приспавилъ къ нимъ двухъ человекъ и не велѣлъ меня выпускашь. Такимъ образомъ два дни сижу я заключенной въ моей горницѣ. Онѣ человека, которой приносилъ мнѣ кушанье, услышалъ я радостную вѣсть, что Лордъ вчера ввечеру крупно говорилъ съ Графомъ, и, выходя съ нимъ изъ кабинета, просилъ его впредь оставить его въ покоѣ. За что онъ на него разсердился, не знаю; но онѣ сердца этому радуюсь. Между стѣнъ въ комнату у машушки часто слышанъ шумъ, и Лордъ въ гнѣвѣвъ топаетъ ногами. Любезной другъ! я восхищаюсь надеждою рано или поздно обнять тебя какъ брата моего! Увѣдомь меня, что къ тебѣ пишешь Лордъ; это письмо писано вчера послѣ обѣда. Опиши ко мнѣ еще чтонибудь, пока намъ не лѣзя видѣться., — Я написалъ къ нему, что Лордъ запретилъ мнѣ входъ въ свой домъ; что я лишаюсь моего отца, благодѣтеля, друга, и сердце мое такъ рвется, что я не въ состояннн ничего болѣе сказать ему.

Около часа ходилъ я по горницѣ своей и плакалъ. Когда пріѣхалъ Докторъ,

шорѣ, пошелъ я съ нимъ въ комнату къ моему благодѣтелю и къ ужису своему увидѣлъ его поперегъ постели безъ чувствъ лежащаго. Докторъ пустилъ ему кровь; я шеръ спиртомъ у него вѣски, пульсы — но онѣ ни мало не приходилъ въ себя. По шомъ Докторъ сказалъ мнѣ, что всякая помощь со стороны его будетъ бесполезна, и самъ уѣхалъ. Я послалъ за Паспоромъ и бѣгалъ по комнатамъ какъ сумасшедшій. Когда Паспоръ началъ читать молитвы, умирающій открылъ глаза: я было обрадовался, бросился къ нему — но онъ въ ту же минуту спалъ кончась. Я пришелъ въ испугленіе, споялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и не спускалъ съ него глазъ. По шомъ спалъ на колѣни, взялъ его въ свои объятія и держалъ до той минуты, какъ онъ уже испустилъ духъ. Сѣвъ на кресла, разсматривалъ я лице умершаго, на которомъ изображалось нѣкоторое улыбное спокойствіе. Я не могъ плакать и погружался въ глубокомъ размышленіи, которое окончилось совершеннымъ забвеніемъ. Очувствовавшись, увидѣлъ я себя лежащаго на постелѣ; хотѣлъ встать, но не могъ — силы мои истощались

отъ сильнаго внутренняго движенія и отъ долговременной бессонницы.

Баронъ Т*, узнавъ о смерти моего друга, пріѣхалъ ко мнѣ, изъявлялъ искренное свое сожалѣніе о кончинѣ его, утѣшалъ меня, предлагалъ мнѣ свои услуги, и, видя слабость мою, взялъ на себя попеченіе о погребеніи его. Во весь шопъ день былъ я въ ужасной шоскѣ. Около полуночи закрылись глаза мои, и я спалъ до самаго полудня. Все еще не было у меня силъ сойти съ постели; но когда пришелъ день погребенія, я вспалъ, одѣлся, оросилъ слезами хладное и блѣдное лице покойнаго и провожалъ на кладбище гробъ его; печальныя пѣсни погребенія усугубляли мое рыданіе. Наконецъ земля сокрыла въ нѣдра свои прахъ моего друга. — Пріѣхавъ домой, чувствовалъ я великую грусть; сердце мое сжималось и обливалось кровію. Все, на что я ни смолрѣлъ — все воспоминало мнѣ потерю мою. Размышляя о послѣднемъ увѣщаніи покойнаго, ощущалъ въ себѣ умиленіе, со слезами молился Богу и поручалъ Ему судьбу мою.

На другой день поушру, когда я разбираалъ бумаги покойнаго и плакалъ, вдругъ отворились двери, и вошелъ ко мнѣ

мнѣ — Лордъ Р* съ сыномъ своимъ. Я изумился. Подошедши ко мнѣ, онѣ меня обнялъ и сказалъ: „Я беру живое участіе въ вашей горести; пусть слезы мои будутъ тому доказательствомъ. . . . Простите меня, что я написалъ къ вамъ такое грубое письмо; гнѣвъ зашмѣвалъ тогда разсудокъ мой. Прошу быть по прежнему другомъ нашему дому. Пойдемте ко мнѣ; — оприте слезы свои, или проливайте ихъ въ объятіяхъ нашей семьи. Простите меня, простите и забудьте все прошедшее! — Я былъ въ замѣшательствѣ, благодарилъ его за возобновленіе милости своей ко мнѣ, и увѣрялъ, что никогда не забывалъ и не забуду, кто я и кто онѣ. Пожалуйте не говорите со мною такимъ оскорбительнымъ для меня языкомъ, сказалъ онѣ: право я не имѣю того щеславія, которое могли вы приписать мнѣ по письму моему; повторяю, что я писалъ его въ горячности, теперь чистосердечно разкаиваюсь и прошу у васъ прощенія., — Искренность, одушевлявшая слова его, меня очень пронула. Я увѣрялъ его со слезами, что сердечно почитаю и люблю его, и ни мало на него не сержусь. Вы докажете мнѣ это тогда, сказалъ онѣ,

когда поѣдете со мною. Я просилъ у него позволенія оспаться часа на два дома, говоря, что мнѣ надобно написать въ Германію нужное письмо, и что я непременно буду къ нему обѣдать. Хорошо, отвѣчалъ онъ: я оставляю у васъ сына и карету, самъ пойду домой пѣшкомъ и буду васъ дожидаться; сынъ мой не помѣшаетъ вамъ писать и между шѣмъ можетъ вамъ кое-что рассказать.

Когда Лордъ ушелъ, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на Сира Карла, и ожидалъ отъ него объясненія. „Дай Богъ, сказалъ онъ, чтобы щастливая перемѣна въ мысляхъ моего башюшки могла утѣшить тебя въ горести твоей! Онъ скоро раскаялся, что далъ слово Графу выдать за него сестру, не спрося на то ея согласія; слезы ея и машушкины мучили его. Ему уже досадно было, что Графъ приступалъ къ нему и безпрестанно швердилъ, что онъ надѣется на его слово; что родительское повелѣніе конечно заставишь Софію повиноваться, и что онъ со временемъ вѣрно бы приобрѣлъ ея любовь. Лордъ съ негодованіемъ слушалъ, когда онъ безстыдно себя бранилъ; когда же онъ сказалъ нѣчто обидное и на щетъ машушки, то онъ обрадовал-

довался, нашедши причину побранишься съ нимъ и навсегда освободишься отъ его упрековъ, прося его никогда уже къ намъ въ домъ не ѣздить. Между тѣмъ онъ все еще шумѣлъ съ мапушкою, говоря, что она Графу подала поводъ думать о себѣ дурно, и принудила его противъ воли разорвать съ нимъ знакомство. Наконецъ, видя, что его гнѣвъ увеличивается мапушкину болѣзнь, пересталъ сердиться, спалъ къ ней ласкается и просилъ у нее прощенія. Сестру также разцаловалъ и сказалъ, что онъ передъ нею виноватъ. Со мною помирился и выпустилъ меня изъ моей комнаты; однакожь велѣлъ мнѣ быть дома. На другой день онъ самъ началъ говорить о себѣ: признался, что Графъ выдумывалъ на себя лжи, и что онъ обидѣлъ себя своимъ письмомъ. Когда мапушка тебя хвалила, онъ уже соглашался съ нею. Узнавъ о кончинѣ Профессора Л*, пришелъ онъ къ мапушкѣ съ печальнымъ лицомъ и уведомилъ ее о своемъ несчастіи. Она и сестра заплакали; онъ и самъ плакалъ, и сказалъ, что поѣдетъ къ тебѣ, будетъ у тебя просить прощенія и конечно вмѣстѣ съ тобою домой возвратишься. По томъ, приказавъ мнѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, поѣхалъ къ тебѣ.,,

Я чувствовалъ въ сердцѣ своемъ нѣкошорое радостное движеніе. Лордъ, когда я пріѣхалъ къ нему, встрѣпилъ меня въ переднихъ комнатахъ и повелъ въ спальню къ Лади, которая еще не вставала съ постели. Вошедши, поцаловалъ я руку у Лади и Софіи, и не могъ удержаться, чтобы не заплакать, видя у нихъ въ глазахъ слезы. Лади въхваляла достоинства покойниковы. Софія говорила, что она многому отъ него научилась. Онъ былъ мой отецъ, сказалъ я, мой благодѣтель, наставникъ и другъ. вообразите же, что я, лишась его, чувствовать долженъ! Они всѣ вмѣстѣ старались меня утѣшать. Я пробылъ у нихъ весь шотъ день. Лордъ сказалъ мнѣ, что онъ со всемъ домомъ поѣдетъ въ деревню, какъ скоро Лади оправится, и неопстудно просилъ меня ѣхать съ ними. Я отговаривался, не хотѣвъ такъ скоро удалиться отъ того мѣста, гдѣ погребенъ прахъ моего друга. Присоедините вашу просьбу къ моей, сказалъ Лордъ супругѣ и дочери своей: какъ намъ оставить его здѣсь? Повѣрьте, продолжалъ онъ обороняясь ко мнѣ, что мы всѣ васъ любимъ и раздѣляемъ съ вами горестъ вашу. Всѣ спали меня просить ѣхать

Ѣхашь съ ними въ деревню. Я былъ очень пронушъ и согласился исполнить волю ихъ. — На другой день опять приѣхалъ ко мнѣ Лордъ съ Карломъ и взялъ меня съ собою. Люди спало гораздо лучше, и они собирались Ѣхашь черезъ два дни. До самаго отпѣзда я съ ними не разскавался, и только что ночевалъ дома.

Наконецъ поѣхалъ я съ ними въ деревню. Нѣжныя ласки ихъ утѣшали меня въ моей печали. Часто говорилъ я съ Софіею о покойномъ благодѣтелѣ моемъ, плакалъ и видѣлъ изъ глазъ ея капающія слезы. Какъ вы чувствительны! говорилъ я ей съ восхищеніемъ. Видя вашу чувствительность, отвѣщивала она, не лзя никому не пронуться. Часто погружался я въ глубокую задумчивость, размышлялъ о совѣшъ, которой далъ мнѣ Профессоръ Л* при смертн своей — размышлялъ и шрепешалъ. Маѣ уѢхашь изъ Англїи, думалъ я, и оставить навсегда шѣхъ людей, которыхъ любовь ко мнѣ составляетъ теперь все мое утѣшенїе? За чѣмъ я возвращусь въ Германїю? Нѣтъ у меня тамъ ни родственниковъ, ни друзей; ничто меня шуда не призываетъ. Покойникъ боялся, что любовь моя

кѣ

къ Софіи можетъ превратиться въ жестокую страсть, которая лишитъ меня спокойствія, возмутивъ всю душу мою; но изслѣдывая свое сердце, нахожу, что эта любовь совсѣмъ не есть та гнусная страсть, которая унижаетъ человѣка и лишаетъ его разсудка. Я чувствую къ Софіи одну нѣжную дружбу, которая можетъ только умножить мое счастье. У меня былъ другъ, но — я лишился его. Сердце мое осиротѣло; ему надобно сыскать другое сердце, которому бы оно могло во всемъ открываться и все сообщать. Чувствительное Софіино сердце удобно къ нѣжнѣйшей дружбѣ; и ты, духъ моего наставника и отца, конечно бы не оскорбился, если бы я навсегда соединился съ Софіею и остался бы жить въ ея обществѣ! Я рассказалъ бы ей все то, что отъ тебя слышалъ; мы бы всегда о тебѣ говорили, и на гробѣ твоёмъ поклялись бы исполнять мудрыя твои наставленія. Ты думалъ единственно о моемъ счастьи: и такъ конечно бы благословилъ ты союзъ мой съ нею — союзъ, которой бы сдѣлалъ меня счастливымъ. — Такія мысли питали мою любовь къ Софіи; однакожь я не смѣлъ открыть ей моего сердца.

Однажды Сирѣ Карлѣ позвалъ меня прогуливаться. Мы шли оба задумавшись. По шомѣ сказалъ онѣ: „Пора тебѣ, любезной другѣ, умѣрить свою печаль. Я увѣренѣ, что ты любишь сестру мою; думаю, что и она тебя любитѣ. Башюшка опмѣнно тебя ласкаетѣ; а матушка давно уже сказала свои мысли. Всѣ обстоятельствова для тебя благопріятны. Объяснись, и — ты конечно будешь щасливѣ.“ Нѣтъ, отвѣчалъ я, никогда не осмѣлюсь присупинить къ такому объясненію, которое можетѣ имѣть для меня весьма несчастныя слѣдствія. Ты, другѣ мой, узналѣ, что я люблю Софію; но надѣюсь, что ты эпова никому не откроешь и не захочешь погубить меня. Пуснѣ матушка твоя, по любви своей ко мнѣ, и согласилась бы признашь меня своимѣ сыномѣ; но согласится ли на это когда нибудѣ твоей родитель? Конечно нѣтъ; онѣ уже это и сказалѣ. Если бы я дерзнулѣ у него шребовать Софіиной руки, то онѣ получилѣ бы полное право сказать, что я забылѣ себя, и какѣ неблагодарнаго выгнать изѣ своего дому. А Софія . . . никакѣ не могу ласкаться, чтобы она любила меня и захотѣла со мною соединиться нераз-

ры-

ривнымъ союзомъ . . . Нѣтъ, узнавъ мое желаніе, она бы презрѣла меня. — Я замолчалъ, и Сиръ Карлъ не сказалъ мнѣ ни слова. Когда мы возвратились въ домъ, онъ повелъ меня въ комнату къ Лади, кошарую мы нашли одну. Она посадила меня подлѣ себя и начала со мною говорить. Сиръ Карлъ, прошедши раза два по комнатѣ, подошелъ къ ней, взялъ у нее руку, поцаловалъ ее и сказалъ: ма-пушка! онъ любитъ сеспру; я писалъ въ немъ надежду бытъ нѣкогда ея супругомъ; онъ не смѣетъ открыться въ чувствахъ своихъ ни Софіи, ни бабюшкѣ, ни вамъ; мнѣ надлежало рѣшиться говорить за него. Я пришелъ въ ужасное замѣшательство и не смѣлъ поднять глазъ. Лади пожала мою руку и сказала, что она за щастіе почтешъ отдать за меня свою дочь. Въ самую сію минушу вошелъ Лордъ. Я вспалъ и не зналъ, куда смотрѣть и гдѣ спать. Лордъ удивился, видя меня въ такомъ смятеніи. Лади обняла его, и указывая на меня, спросила: ты любишь его? Какъ моего сына, ошвѣчалъ Лордъ, ласково взглянувъ на меня. — „Не правда ли, что онъ имѣетъ великія достоинства?„ — Такія, какія желаю имѣть моему Карлу. — „Не правда ли, что

Что

что теперь не назвалъ бы ты моего намеренія *безумнымъ*, есѣли бы мнѣ вздумалось выдать за него Софію? — Лордъ посмотрѣлъ на меня, подошелъ ко мнѣ и съ улыбкою сказалъ: „Будь веселѣе, любезной другъ! Я уже объ этомъ думалъ; и есѣли Софія тебя любитъ — есѣли ты согласишься на мое предложеніе, то съ теперешняго же часа буду называть тебя своимъ сыномъ, Я бросился передъ нимъ на колѣни, не находилъ словъ къ выраженію чувствъ моего благодарнаго сердца, и насилу могъ сказать, что я на все соглашусь; но что не знаю, удостоиваетъ ли меня Софія своей любви. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, отвѣчалъ Лордъ: это теперь откроется. Карлъ! позови сестру. — Софія черезъ минушу вошла. Я встрѣтилъ еѣ такимъ взоромъ, по которому ей можно было отчаспи угадать, чего я отъ нее ожидаю. Послушай, Софія, сказалъ Лордъ, взявъ ее за руку: я люблю Барона какъ душу свою; онъ тебя любитъ, очень любитъ; доброе сердце и разумъ его замѣняютъ въ моихъ глазахъ и знанность и богатство; есѣли прежде думалъ я не такъ, то не зналъ еще хорошо Барона: — скажи же мнѣ чисто-

Часть. XV. Но. 32. Е сер-

сердечно и прямо, любишь ли ты его и хочешь ли выйти за него за мужъ? Я съ препеномъ ожидалъ отвѣта. Нѣжной румянецъ покрылъ Софіны щеки; она была въ замѣшательствѣ и съ робостію взглянула на мать. Теперь ошъ себя все зависитъ, сказала Лади: Баронъ, славъ твоимъ супругомъ конечно не разлучитъ насъ съ тобою, останетса навсегда жить съ нами въ Англіи, и. . . . Вотъ одно условіе, перервалъ Лордъ, на которое надобно ему согласитса. Вотъ то предложеніе, говорилъ онъ мнѣ, которое я хотѣлъ вамъ сдѣлать: что вы скажете? Я отвѣчалъ ему дрожащимъ голосомъ, что во всю мою жизнь буду почитать его ошцемъ своимъ, а Лади матерью; что Англія ошвынѣ будетъ моимъ опечесствомъ, еспли Софія. . . . Я взглянулъ на нее и замолчалъ. Лордъ обнялъ меня и принуждалъ Софію опвѣствовашь. Вижу, вижу, примолвилъ онъ, что сердце твое не совсѣмъ нечувствительно къ достоинствамъ эпова любезнова молодова человекка: о чемъ же долго думаешь и начшо томишь его мучительною для него неизвѣстностію? Наконецъ Софія сказала тихимъ голосомъ, что воля ея согласна съ волею родителей ея,

и

и что она — любитъ меня. Я пришелъ въ восхищеніе, упалъ передъ нею на колѣни, схватилъ и цаловалъ руку ея, рыдалъ, благословлялъ ее и говорилъ, что посвящаю ей всю жизнь мою, копорую она дѣлаешь блаженною. Лордъ, Лади и Сиръ Карлъ обнимали меня и Софію, и всѣ мы плакали. Лордъ сказалъ, что онъ не хочетъ отсрочивать нашей свадьбы, и что Софія черезъ три дни будетъ моею супругою. Я былъ въ безпрестанномъ восторгѣ; всѣ сіи три дни не отходилъ отъ Софіи, не спускалъ съ нее глазъ, чинилъ у нее н: лицѣ чувства ея сердца и восхищался. Наконецъ передъ олшаремъ произнесли мы обѣщъ любить другъ друга вѣчно.

Я едва вѣрилъ своему щасшію; боялся, чтобы оно не было одною восхищительною мечтою легкаго сна. Я думалъ только объ одной Софіи, ею жилъ и дышалъ; забылъ покойнаго моего друга, забылъ самаго себя. Около двухъ мѣсяцовъ не принимался ни за книгу, ни за перо. Софія часто просила меня заняться чпеніемъ; но я почиалъ такія прозьбы за недостатокъ въ нѣжности, и съ ласкою выговаривалъ ей, что она любитъ меня не такъ, какъ я люблю ее. На

выговоры мои ошебчала она всегда слезами, которыми заспаивала меня самого плакать и просить у нее прощенья.

Однажды спросила у меня Софія, не говорилъ ли со мною о чемъ нибудь Профессоръ Л* при смерти своей. Этотъ вопросъ поразилъ меня. Я задумался. Размышляя, какъ покойной Л* спарался пипать во мнѣ охоту къ наукамъ, просвѣщашъ мой разумъ и занимаешъ всегда душевныя силы мои, и какъ я отсталъ тогда отъ всѣхъ полезныхъ своихъ упражненій и былъ въ бездѣйствіи, чувствовалъ я угрызеніе совѣсти, стыдъ и горькость. Софія, видя, что я былъ въ смятеніи, не повторяла своего вопроса. — Съ того времени началъ я опять читать книги; однако не находилъ уже въ чтеніи такого удовольствія, какъ прежде. Вообще разумъ мой сталъ гораздо шупѣе, такъ что я совсѣмъ не могъ читать нѣкоторыхъ метафизическихъ книгъ. Я узналъ, что сердце мое обмануло меня; что къ Софіи чувствовалъ я не нѣжную дружбу, но спраспную любовь, которая помрачила прежнюю чистоту души моей. Часто былъ у меня печальной видъ. Софія спрашивала меня о причинѣ моего

уны-

унынія, а я всегда опвѣчалъ ей, что воспоминаніе смерти моего благодѣтеля наполняетъ голову мою горесными мыслями.

Къ зимѣ прїѣхали мы въ Лондонъ. Я всегда почти былъ дома; иногда ѣздилъ только къ Барону Т*, коимъ я познакомился съ нашимъ домомъ, и вмѣстѣ съ Софією въ Театръ.

Однажды, когда были мы въ Театръ, представляли Шекспирова Юлія Цезаря. При Брутовой рѣчи:

— — — We must die, Messala:
With meditating that she must die once,
I have the patience to endure it now.

[То есть: Мы должны умереть, Мессала! Думая, что она когда нибудь умереть должнаствовала, я терпѣливо сношу смерть ея нынѣ] Софія, взглянувъ на меня съ нѣжностію, спросила, какъ ли бы я снесъ смерть ея, какъ Брушъ снесъ смерть Порціи? Сей вопросъ, болосъ и взоръ ея, весьма меня пронули. Я не могъ ничего опвѣчать ей, а только съ горячностію цаловалъ у нее руку. Она ошвернулась отъ меня и опирала плаш-

комъ слезы, капавшія изъ прекрасныхъ глазъ ея. Съ самаго сего часа возбудилось въ сердцѣ моемъ печальное предчувствіе, которое по помѣ почти безпрестанно безпокоило меня. Мнѣ казалось, что я скоро лишусь Софіи; и сія мучительная мысль погрузила меня наконецъ въ глубокую меланхолію. Я долженъ былъ открытъ Софіи свое предчувствіе. Она утѣшала меня ласками своими и съ нѣжностію шутила надъ моимъ суевѣріемъ; однакожь я, прошиевъ воли своей, пилалъ въ себѣ горестныя мысли, которыя не давали мнѣ ни читать, ни писать, ни же спать покойно. Я не могъ насмотрѣться на Софію, и часто долженъ былъ скрывать слезы свои, чтобы не огорчить ея чувствительнаго сердца. — Приближалось время важной перемѣны въ жизни моей — время, въ которое мнѣ надлежало живо почувствовать плѣнность всѣхъ удовольствій, основываемыхъ человекомъ не въ собственномъ своемъ сердцѣ, но на чемъ нибудь вѣншемъ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ жена моя родила мнѣ сына; но я не могъ имъ радоваться, видя мать его въ великой слабости, которая часъ отъ часу умножалась. Черезъ два дни послѣ родинъ Ме-

дики сказали, что жизнь ея въ опасности. Вообразите мой ужасъ! . . . Я бросился къ постелѣ ея, спеналъ и рыдаль. Софія безпрестанно на меня смотрѣла, и видно было, что она чувствуешь приближеніе смерти своей. Пока она еще говорить могла, то просила меня быть мужественнымъ и не огорчать ее отчаяніемъ своимъ. Во второмъ часу по полуночи спало ей очень дурно. Вѣ были въ слезахъ. Предъ свѣтомъ начала она опходить. Мнѣ казалось, что я вмѣстѣ съ нею умираю; кровь во мнѣ хладѣла, пульсы бились пише — и когда Лади закричала: ея нѣтъ уже на свѣтѣ! я упалъ и думалъ умереть; однакожь мнѣ сдѣлался только обморокъ. Я пришелъ въ себя единственно для того, чтобы оаянь изъ себя выпши. Обнямалъ умершую, хотѣлъ изъ сердца своего влишь жизнь въ ея сердце и жаромъ своимъ сообщить теплому охладѣвшему пѣлу ея; но все было напрасно — въ тѣлѣ Софіиномъ не было уже души ея.

Софію повезли погребать въ деревню. Мнѣ не лзя было самому туда ѣхать; для того что я занемогъ сильною горячкою и дней тринадцать былъ безъ чувствъ. Опомнившись, услышалъ я къ

усугубленію моей горести, что Лади за три дни передъ шѣмъ умерла отъ паралича. Ко мнѣ пришелъ Лордъ. Онъ былъ ужасно блѣденъ и худъ; и сколь горестъ ни сѣдала сердце его, однакожь онъ спарался меня утѣшать. Принесли ко мнѣ сына. Видъ младенца, совершенно похожаго на мать свою, размягчилъ мое сердце; лаская его, проливалъ я утѣшительныя слезы. — Дней черезъ семь вспалъ я съ постели, и мы поѣхали въ деревню. Тамъ, на гробъ дражайшей моей супруги, молилъ я Всевышняго о подкрѣпленіи силъ моихъ; шамъ, чипая утѣшителя несчастныхъ, благодѣтельнаго Йонга, рѣшился я бытъ мужемъ. Спала повязка съ глазъ моихъ; разсѣялась окружающая меня пѣма — я въ восхищеніи осмошрѣлся и восхвалялъ благость Божію.

Я и Лордъ, которой былъ всегда унылъ, не выѣзжали изъ деревни; но Сиръ Карлъ, которой искалъ утѣшенія своего въ забавахъ шумнаго города, часто бывалъ въ Лондонѣ. Тамъ влюбился онъ въ дочь Лорда М* и съ согласія родителей своего на ней женился. Лордъ Р* послѣ того переѣхалъ жить въ Лондонъ, не выѣзжавъ изъ деревни около чешы-

четырёхъ лѣтъ. Любя меня какъ своего сына, не хотѣлъ онъ со мною разстаться и неосмелуно просилъ меня жить въ Лондонѣ, шакъ что я наконецъ долженъ былъ согласиться туда переѣхать; однакожь всякой годъ мѣсяца на три ѣздилъ я въ деревню. Воспитаніе сына болѣе всего меня занимало. Я самъ училъ его многимъ языкамъ, и весьма успѣшался прилѣжностію и понимливостію его. — Лордъ Р*, чувствуя слабость своего здоровья, написалъ духовную, въ которой отказалъ мнѣ пятнадцатъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Сей почтенной спарець, черезъ годъ послѣ того, скончался въ нашихъ объятіяхъ. Мы погребли его подлѣ гроба супруги и дочери его. Сирѣ Карлъ съ фамиліею своею и я цѣлой годъ по помѣ жили въ деревнѣ.

Сыну моему минуло четырнадцатъ лѣтъ; пришло время ему учиться наукамъ. Я рѣшился ѣхать съ нимъ въ Германію и учить его въ Лейпцигскомъ Университетѣ, предпочитая его Англійскимъ публичнымъ училищамъ. Простившись съ моимъ шуриномъ и оросивъ слезами гробъ моей супруги и Профессора Л*, поѣхалъ я въ Германію. Тамъ возобновилъ я прежнія знакомства, а осо-

бливо въ Лейпцигѣ, гдѣ старые друзья мои съ радостію меня приняли. Сынъ мой учился шесть лѣтъ. По томъ поѣхалъ я съ нимъ въ Швейцарію и въ Италію. Изъ Италіи возвратились мы опять въ Швейцарію и пріѣхали въ Цирихъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ Лф*. Великія знанія и доброе сердце его такъ меня къ нему привязали, что я всякой день старался быть съ нимъ вмѣстѣ, болѣе по тому, что разговоры наши были полезны для моего сына. Прогуливаясь въ одинъ день по окрестностямъ Цирихскимъ, пришелъ я на то мѣсто, гдѣ мы теперь сидимъ. Видъ, открывшіися мнѣ съ этова возвышенія, привели меня въ восхищеніе. Вдругъ почувствовалъ я сильное желаніе, естли можно, провести тушъ всю жизнь мою. Я узналъ, кому принадлежало это мѣсто, купилъ его и построилъ домикъ. — По томъ поѣхалъ я съ сыномъ въ Вѣну, и былъ представленъ Князю К*, который удостоилъ меня и сына моего своей милости, и предложилъ ему самое то мѣсто, которое нѣкогда мнѣ предлагаемо было. Сынъ мой, по совѣшу моему, съ благодарностію принялъ такое милостивое предложеніе и всступилъ въ должность,

кошо-

которая открыла ему пространное поле для оказанія своихъ дарованій. Я оспавилъ его въ Вѣнѣ, возвратился въ Цирихъ и поселился въ уединенномъ своемъ домикѣ.

Здѣсь посвящаю жизнь мою наукамъ. Безконечность великихъ дѣлъ Творца нашего обогащаетъ меня всякой день новыми существенными познаніями. Я не выдумываю никакихъ системъ, а довольствуюсь разсматриваніемъ частей той великой системы, въ которой все находится между собою въ точнѣйшей связи; той прогрессіи, той постепенности, по коей восходитъ Натура въ строеніи животныхъ отъ безымяннаго червячка, которой въ дватцать семь милліоновъ разъ менѣе сырнаго червя, до совершеннѣйшей швари — отъ органовъ жизни Полипа до органовъ жизни Оранг-Утанга. Удивляюсь измѣненію, возвышенію и утонченію матеріи; удивляюсь духу, оживляющему сію матерію. Небесныя пространства, усѣянныя тысящами солнцевъ, которыя освѣщаютъ опдаленные отъ насъ міры, суть для меня восхищительное зрѣлище. Но главнѣйшій предметъ моего вниманія есть человекъ, чудеснѣйшее и славнѣйшее твореніе

реніе міра нашего. Разсмащривая нрав-
ственную натуру его, которая ошли-
чаетъ его отъ всѣхъ прочихъ живошнихъ,
вижу цѣль здѣшняго бышя его и радуюсь;
разсмащривая его натуру вообще, вижу,
что она еще можетъ достигнушь боль-
шаго совершенства — увѣряюсь, что
нѣкогда достигнушь его, и радуюсь. Все,
все вѣщаетъ мнѣ о премудрости, бла-
гости и всемогуществѣ Творца нашего —
и человекъ и червь, и солнце и ашомы.

Такимъ образомъ вѣ шихой радо-
сти пекутъ дни мои. Сынъ мой всякой
годъ приѣзжаетъ ко мнѣ и живетъ со
мною мѣсяца по два. Шуринъ мой, для
свиданія со мною и съ сыномъ моимъ,
два раза былъ вѣ Швейцаріи; впрочемъ
всякой мѣсяцъ получаю отъ него письма.
Изъ Англійскаго Банка присылаютъ ко
мнѣ проценты съ пятнашцаши тысячъ
фуншовъ стерлинговъ, которые при от-
ѣздѣ изъ Лондона я положилъ вѣ него.
Четвертую часть изъ процентовъ посы-
лаю къ сыну, другую четверть издержи-
ваю на книги и на небольшія домашнія на-
добности, а половину отсылаю вѣ разныя
больницы и раздаю бѣднымъ. Почтенной
другъ мой Лф * часто посѣщаетъ меня,
и мы по нѣскольку часовъ проводимъ съ
нимъ

нимъ въ утѣшительныхъ разговорахъ. Я нишу, имѣя въ предметъ пользу моихъ сочеловѣковъ, и сочиненія свои издаю въ свѣтъ. Благословляю память Профессора Л*, копорой былъ первымъ орудіемъ къ устройенію истиннаго моего щастія. Время отъ времени болѣе чувствую цѣну его наставленій. Наприм. онъ всегда говаривалъ, что не обуздывая спрасней, не исправляя сердца, не лзя быть мудрымъ и слѣдственно щастливымъ: я испыталъ истину этова, и живо помню, какое зашмѣніе сдѣлалось въ душѣ моей, когда я покорился спрассти. Во всѣ часы жизни моей благодарю Бога, Которому угодно было озарить меня лучемъ свяшой Истины, и съ веселіемъ ожидаю того времени, въ которое Онъ повелитъ мнѣ скрыться изъ здѣшняго міра и явиться шуда, гдѣ сіяетъ Истина свѣтомъ живѣйшимъ. — —

Мудрой пустынникъ окончалъ свое повѣствованіе, за копорое Г. Девисъ весьма благодарилъ его. Я входилъ въ нѣкоторыя подробности [сказалъ онъ по шомъ Англичанину] единственно для того, чшобы живѣе изобразить вамъ сердце молодаго человѣка. — Они ходили прогуливались и весь вечеръ проговорили о нау-

наукахъ. Г. Девисъ не видалъ, какъ настала ночь. Пустынникъ удержалъ его у себя ночевать, и поутру, прощаясь съ нимъ, подарилъ ему нѣкопорыя изъ своихъ сочиненій, славныхъ въ ученомъ свѣтѣ. Г. Девисъ, выпрося у него позволеніе посѣщать его и пользоваться его наставленіями, возвратился въ Цирихъ, будучи весьма доволенъ своею прогулкою.

БЛАГОДѢЯНІЕ.

Спарецъ, нищій и дряхлой, едва передвигалъ трепещущія ноги свои, шедши въ знойной день по большой дорогѣ; голодъ и жажда томили его. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ онъ маленькую тѣнистую рощицу и въ концѣ ея прекрасной домикъ, въ которомъ раздавались голоса веселящихся людей. Спарецъ обрадовался. Здѣсь утолять голодъ и жажду дряхлаго, думалъ онъ: здѣсь прохладной бальзамъ тѣни освежитъ утомленное тѣло мое. — Онъ подходитъ къ окну домика и видитъ семь или восемь человѣкъ видящихъ за бога-

богатымъ обѣденнымъ споломъ. „Сыны щастія и радости! восклицаетъ нищій: удѣлите отъ изобилія своего бѣдному собрату вашему, лишенному самаго нужнаго пропитанія!„ — Три раза надлежало ему повторить сіи слова, копорыя заглушаемы были шумомъ веселящихся, довольно уже виномъ разгоряченныхъ. Наконецъ услышали голосъ нищаго: шумъ прерывается — гости нахмурились, а хозяинъ вскочилъ со стула, посмотрѣлъ въ окно, и увидя спарика, тяжкими бользнями обезображеннаго, закричалъ: „какой уродъ! Дайте этому наглому собрату копѣйку, и отпните его прочь.„ Безжалостныя люди безжалостнаго Господина отогнали отъ окна бѣднаго, разругавъ его и давъ ему копѣйку. Нищій пролилъ слезы, и сшедши шаговъ пятьдесятъ, упалъ отъ слабости; хотѣлъ съомъ прервать въ себѣ чувство голода и жажды, но сонъ бѣжалъ отъ глазъ бѣднаго. Въ самую сію минушу подбѣгаетъ къ нему крестьянской мальчикъ, смотритъ на него съ жалостію и зовешъ его въ свою хижину. Отдохни у насъ, старичокъ! говоритъ онъ: естли ты хочешь ѣсть, то матушка моя тебя накормитъ и постелитъ тебѣ подъ большимъ

шимъ дубомъ мягкую постелю, гдѣ солнце жечь тебя не будетъ. Старикъ посмотрѣлъ на мальчика, посмотрѣлъ на небо, благодарилъ Бога и силился спастъ на ноги. Мальчикъ взялъ его подъ руку и довелъ до своей хижины. Вотъ тебѣ гость, сказалъ онъ матери своей: бѣдной старичокъ лежалъ на солнцѣ и насилу могъ встать. Добродушная крестьянка посадила старика на лавку, обширала бѣлымъ плашкомъ лице его, покрывшее потомъ и пылью, напоила, накормила и успокоила его. Чувствительной старикъ, пробудившись отъ крѣпкаго сна и чувствуя возобновеніе силъ своихъ, спалъ на колѣни и возсылалъ ко Всевышнему теплое моленіе, да изліетъ Онъ дары Свои на сію благодѣтельную крестьянку и сына ея, и проститъ жестокосердаго богача, такъ немилосердо съ нимъ поступившаго.

О вы, надѣленные въ избыткѣ благами міра сего! будьте милоспивы къ бѣднымъ и докажите благодареніями своими, что вы любите челоуѣчество!

Конецъ сочиненія мѣ Госпожи Добролюбовой.

СИСТЕМА МІРА.

Госпожа Тихова, будучи вдовою около шрехъ лѣтъ, поѣхала жить въ свою подмосковную деревню, гдѣ былъ у нее прекрасной маленькой домикъ. Всегдашнюю горестъ ея о кончинѣ супруга облегчали только старанія, копорыя прилагала она о воспитаніи своей дочери, единственнаго залога нѣжности его. Она вышла за мужъ весьма молода; и родители ея, изчисляя сокровищи, копорыя отдавалъ за нею въ приданое, думалъ, что имѣя великое богатство и нѣкопорыя пріятныя дарованія, можешъ она съ честію показаться въ свѣтъ. Будучи всегда занята множествомъ дѣлъ и живя въ шумномъ разсѣяніи, не разсуждалъ онъ, что въ спокойнѣйшей жизни дочь его будетъ имѣть болѣе нужды въ помощи обработаннаго разума и сердца, и что чѣмъ лучше успеетъ онъ въ выборѣ для нее супруга, тѣмъ нужнѣе будутъ ей сіи выгоды для пріобрѣшенія его почтенія и сохраненія любви его. Мысли столь простиыя не приходили ему въ голову, и самыми полезнѣйшими изъ родительскихъ попеченій занимался онъ всего менѣе.

Ставъ супругою человека почтеннаго, имѣвшаго чувства нѣжныя, разумъ просвѣщенной, знанія основательныя и вкусъ опмѣнно хорошій, Гж. Тихова скоро почувствовала худыя слѣдствія сего небреженія. Стараясь поправить его въ разсужденіи себя самой, рѣшилась она наиболѣе избѣгать его въ разсужденіи своей дочери. Городскія упражненія никогда совершенно не отвращали ее отъ сего предпріятія; но въ уединеніи, въ которое удалилась она отъ горести по смерти своего супруга, было ей уже свободно произвести его въ дѣйство. Она воспользовалась первыми лѣтами дѣтства Надеждина и старалась сама учиться всему тому, чему нѣкогда учить ее хотѣла. Ея прилѣжность, хорошая память, точность и проницательность ея разума, такъ хорошо способствовали намѣренію нѣжнаго сердца ея, что наконецъ узнала она совершенно древнюю и новую Исторію, всеобщую Географію, начала Геометріи, и получила нѣкоторыя общія понятія о Натуральной Исторіи и Физикѣ. Чтобы быть въ состояніи самой учить дочь свою, пріобрѣтала она сіи разныя знанія единственно посредствомъ хорошихъ начальныхъ книгъ. Такимъ образомъ

зомъ стараяся найти для самой себя способъ пріятнѣйшій и надежнѣйшій, сегова знакомилась она съ тѣмъ, которой былъ наилучшій для характера Надеждина ума. Тонкость и живость ея, съ самаго ея младенчества, обѣщали много хорошаго, что въ послѣдствіи и подтвердилось. Надежда, вступивъ только еще на принашчатой годъ, начинала уже признавательностью и успѣхами своими награждать мать свою за тѣ попеченія, которыя имѣла она о наученіи ея. Дни ихъ текли въ чистѣйшихъ радостяхъ и во взаимныхъ восхищительнѣйшихъ удовольствіяхъ. Избранное общество изъ сосѣднихъ дворянъ, и посѣщенія, которыя иногда принимали они отъ городскихъ своихъ пріятелей, единственно отвлекали ихъ отъ ученія; разнообразіе, которое умѣли они вводить въ сіе ученіе, сажденіе цвѣтовъ и присмотръ за птичникомъ, соспавляли отдохновеніе отъ онаго.

Для того ли, чтобы удалить отъ сердца дочери своей всякое чувство щеславія, или для того, чтобы избавившись отъ пыгостныхъ посѣщеній, Гж. Тихова старалась скрывать свое богатство и выдавала за причину удаленія своего въ

деревню нужду поправитъ шамъ дѣла свои спрогимъ хозяйствомъ. Освободясь отъ скучныхъ мѣлочей и бесполезныхъ издержекъ большаго дома, она имѣла болѣе времени работашъ и болѣе средствъ удовлетворять своей благодѣтельности, тайно разливая вокругъ себя великодушныя вспоможенія. Тишина шакой мирной жизни, ушѣшеніе видѣть дочь свою соопвѣтствующую ея надеждѣ, крѣпкое здоровье, пріобрѣтенное прудолюбіемъ, умѣренностію и презвостію, вселили въ характеръ ея всегдашнее спокойствіе, а въ духъ ея шакое веселіе, что пылкая Надежда находила живѣйшее удовольствіе въ ея сообществѣ. Возрастающая чувствительность сего юнаго сердца была вся устремлена на ея мать и родителя, котораго память старалась Гж. Тихова сохранять прогашельнымъ соболѣзнованіемъ и хвалою добродѣтели его. Надежда, воспитываемая въ искренности и свободѣ невинности, и несокрывавшая ничего отъ нѣжнаго друга своего, удержала въ себѣ сей драгоцѣнной цвѣтъ дѣвской простоты, которая дѣлаетъ разумъ столь любезнымъ. Всѣ ея разсужденія составлялись во время разговоровъ ея съ матерью, и по тому оборотъ ихъ сдѣ-

сдѣлался живѣ и одушевленѣ, какѣ то бываетѣ въ жару разговора; и мысли ея выражались съ ясностію и остропою, съ пріятностію и точностію.

Другѣ дѣтства Гж. Тиховой былѣ Г. Любомудровѣ, братѣ ея, коптой жилѣ въ Москвѣ, занимаясь должностію знатнаго чина и Физическими науками, въ копорыхѣ онѣ весьма успѣвалѣ. Двѣ дочери, кои были еще на рукахѣ у матери своей, и молодой Андрей, вступившій на тринадцатой годѣ, составляли всю его семью. Среди шумнаго города, домѣ его былѣ тихимѣ прибѣжищемѣ добронравія. Сынѣ его былѣ у него всегда въ глазахѣ. Получивѣ отѣ природы живое воображеніе, разумѣ быстрой и смѣлой, свободность, возвышенность и швердость въ чувствахѣ, Андрей имѣлѣ душу тихую и припомѣ удобную къ сильнѣйшимѣ движеніямѣ. Онѣ уже весьма любилѣ славу и все великое. Когда рассказывали ему какое нибудь храброе или великодушное дѣло, грудь его подымалась и пламя блистало въ его взорахѣ. Ожидая отѣ шакого характера чего нибудь великаго, Г. Любомудровѣ чувствовалѣ, что онѣ можетѣ причинить ему

и великія безповойства; однакожь нѣжная дружба, которую имѣла къ нему сынъ его, умѣрляла его страхъ. Онъ заблаговременно привыкъ управляшь имъ ласками. Холодность огорчила бы душу его; одинъ выговоръ былъ бы для него жестокииъ наказаніемъ.

По весьма убѣдительному призыву, полученному ими отъ Надежды, чтобы они были къ празднику, которой она хотѣла дать мапери своей на канунъ дня рожденія ея, они шихонько пріѣхали въ деревню къ Гж. Тиховой. Нечаянной пріѣздъ ихъ увеличилъ удовольствія сего не ожидаемаго праздника: Надежда украшала его своими пріятностями, Андрей оживлялъ своею веселостію. Гж. Тихова проливала слезы, видя такую нѣжную примѣчательность въ своихъ любезныхъ дѣтяхъ. Она была еще довольнѣе на другой день, когда, прогуливаясь на единъ съ братомъ своимъ, могли они свободно разговаривать о своихъ намѣреніяхъ и надеждахъ. Обѣдъ, соединившій ихъ съ милыми дѣтьми, былъ новою сценою новыхъ удовольствій. Послѣ разлуки довольно долговременной, быть вмѣстѣ въ хорошій день, въ мѣстахъ прекрасныхъ, съ предметами, ихъ

сшоль

споль занимающими; нѣжности крови и дружбы; родительскія движенія; воспорги, смѣшанные изъ всѣхъ сладостиѣйшихъ чувствъ природы — вы будете имѣть еще: весьма слабое понятіе о ихъ щастіи, еспли подумаете, что сіи черны могли вамъ изобразить его.

РАЗГОВОРЪ

ПЕРВОЙ.

Когда прохладной вечеръ заступилъ мѣсто жаркаго полудня, они всѣ вмѣстѣ пошли прогуливаться на террасу. Солнце готовилось сокрыться; оно было уже на краю горизонша. Вдругъ Гж. Тихова, перервавъ свой разговоръ съ братомъ, пошла сѣсть на каменную скамью бывшую при входѣ въ большую алею. Г. Любомудровъ подумалъ, что она ослабѣла; пошелъ за нею, будучи въ безпокойствѣ, и спрашивалъ, что она чувствуетъ. Ничего, отвѣчала она съ улыбкою, не спуская глазъ съ запада: я шопчасъ удовлетворю вашему удивленію и любопытству; — дайте шолько сѣсть солнцу.

Г. Любомудровъ и дѣти смотрѣли другъ на друга въ молчаніи и не смѣли перервать его. Солнце потчасъ зашло. Тогда Гж. Тихова вспала и съ веселымъ видомъ сказала: я довольна — въ мірѣ все спройно. Слова мои и внезапной уходъ мой опъ васъ должны васъ удивить; надобно вамъ изъяснить это. Нынѣ, какъ извѣстно вамъ, день моего рожденія. Мнѣ кажется, что въ эпошъ день все въ Нашурѣ бываетъ для меня занимательнѣе. Съ большимъ вниманіемъ разсматриваю я все происходящее вокругъ меня; вездѣ нахожу такіе предметы, копорые возбуждаютъ во мнѣ размышленіе и занимаютъ меня. Въ нынѣшнее утро, хода по саду, старалась замѣчать перемѣны, копорыя могли произойти въ деревьяхъ въ прошедшій годъ. Я видѣла, что иныя лищались уже своей молодости, а другія приходили въ ихъ возрастъ и силу. Первыя дали мнѣ гореспной урокъ, а другія меня утѣшили; — они представили мнѣ въ пріятномъ образѣ удовольствіе видѣть себя снова молодѣющую въ своей дочери.

Надежда поцаловала руку у матери своей и вздохнула.

Вотъ

Вотъ замѣчаніе, сказалъ Г. Любомудровъ, которое нравится мнѣ своею смѣлостію и Философією; а чувство, съ нимъ соединенное, меня весьма прогаешъ. Но не уже ли наблюденія твои простираются до самаго небеснаго свѣтила? Ты можешъ быть любопытствовала узнать, не лишилось ли оно въ какой степеніи своей силы или сіянія своего?

Г ж, Тихова.

Нѣтъ, братецъ, мысли мои такъ далеко не простираются. Прошлаго году, въ самой нынѣшній день, сидѣла я одна на этой скамьѣ и погружалась въ пріятной задумчивости. Я видѣла заходящее солнце, и примѣтила, что оно сокрылось отъ глазъ моихъ за эшимъ дубомъ. Вспомнивъ это, захопѣлось мнѣ посмотрець, точно ли въ томъ мѣстѣ зайдетъ оно и въ нынѣшній годъ. Я бы никакъ не могла думать, чтобы земля въ печеніи своемъ была такъ правильна.

Г. Любомудровъ.

А особливо обтекши въ сіе время болѣе двухъ сотъ десяти милліоновъ Французскихъ миль.

Г ж. Тихова.

Это ужасное пространство заставляет меня болѣе удивляться ея точности.

Г. Любомудровъ.

Она могла бы приписать себѣ такую же лестную похвалу; для того что въ шопѣ же самой день года и въ ту же минуту она находить себя опять на томъ же мѣстѣ наблюдающую ея печеніе.

Г ж. Тихова.

Нѣтъ, брашець, оставимъ пустую гордость спориться съ нею въ разсужденіи большаго порядка. Какъ разумъ ни гордится своимъ спиройнымъ ходомъ и свѣтильникомъ, однакожь слѣпая Планета пойдетъ всегда прямѣе его.

Надежда.

Когда же это такъ, дядюшка, то посмотримъ на звѣзды, которыя начинаютъ показываться. Я чрезвычайно рада, что онѣ могутъ засвидѣтельствовать добродѣтель шара нашего. Хотя мы сами не много и въпрены, однакожь
земля

земля наша не такова ; а можетъ быть , что по ея характеру почтутъ и насъ существами важными , соблюдающими во всемъ порядокъ и стройность .

Г. Любомудровъ.

На самомъ нашемъ шарѣ , любезной другъ мой , надлежало бы намъ начать заслуживать такое хорошее о себѣ мнѣніе , не збожся о томъ , что могутъ думать звѣзды . Впрочемъ это лицемѣріе было бы для насъ совсѣмъ бесполезно . Звѣзды не видятъ земли нашей и не подозреваютъ , чтобы существовали ея жители .

Андрей.

Какъ ! когда мы смопримъ на нихъ , можетъ быть , въ пять сотъ зрительныхъ трубъ , онѣ совсѣмъ и не примѣчаютъ насъ ?

Гж. Тихова.

Вѣрь шеперь Поэтамъ , которые берутся возносить до звѣздъ славу женщинъ !

Г. Любо-

Г. Любомудровъ.

Не будучи легковѣрною, уже ли захочешь быть неснисходительною? Хотя бы когда нибудь эпа лестная ложь и могла обмануть ихъ, однакожь бывала ли она для нихъ оскорбительна? Она имѣетъ свою пріятность, и происходитъ отъ желанія сдѣлать по правдою.

А н д р е й.

Однакожь очень прискорбно, батюшка, быть такъ мало извѣстнымъ во вселенной.

Г. Любомудровъ.

Утѣшься, Андрей! Марсъ и Луна видятъ насъ довольно ясно.

Надежда.

И такъ только они одни свидѣтели бытія нашего?

Г. Любомудровъ.

Меркурій и Венера, находящіеся между нами и солнцемъ, можетъ быть насъ усматриваютъ, естли они не ослѣплены великимъ свѣтомъ, ихъ окружающимъ. Но что касается до Юпитера, Сатурна

и

и Гершеля (*), но я весьма сомнѣваюсь, чтобы они имѣли о насъ хотя малое понятіе.

А н д р е й.

Да хотя бы они и совершенно знали насъ! Мнѣ бы хотѣлось дать себя знать не такимъ Планетамъ, какъ наша.

Г ж. Т и х о в а.

О! я вижу, что Андрей изъ числа тѣхъ гордыхъ людей, которыя презираютъ почтеніе равныхъ себѣ. Тогда они будутъ довольны, когда слава ихъ дойдетъ до Государя и до чужестранныхъ Дворовъ.

А н д р е й.

Правда. Я бы хотѣлъ, чтобы шаръ нашъ извѣстенъ былъ самымъ звездамъ.

Г. Любо-

(*) Такъ именуютъ новую Планету, открытую Гершелемъ, которую называли прежде и нынѣ еще называютъ Ураномъ.

Г. Любомудровъ.

Другъ мой! можно ли желать, чтобы онъ насъ видѣли, когда самой округѣ въ двѣсти десять милліоновъ миль, которой земля ежегодно обшекаетъ — если бы она всего его заняла, надувшись гордостію подобно баснословной лягушкѣ — составилъ бы только одну почку въ про странствѣ.

А н д р е й.

Можно ли!

Г. Любомудровъ.

Мнѣ легко доказать себѣ это въ одну минушу.

На де ж да.

Однакожь, дядюшка, если бы мы такъ разширились, какъ вы говорите, то были бы уже гораздо болѣе солнца. Звѣзды видятъ солнце: слѣдственно онъ бы видѣли насъ еще болѣе.

Г. Любомудровъ.

Послушай, Надежда: видишь ли шамъ внизу, отсюда версты за три, эту горящую свѣчу, которая, думаю, зажжена въ какой нибудь деревнѣ?

Наде-

Надежда.

Вижу, дядюшка.

Г. Любомудровъ.

Деревня гораздо болѣе свѣчи; она освѣщена ея свѣшомъ: видишь ли ты деревню?

Надежда.

Нѣтъ.

Г. Любомудровъ.

И такъ видишь ли, что тѣло, свѣ-
пящееся само собою, можетъ быть изда-
лека видимо; а тѣло гораздо большее,
которое только отбрасываетъ намъ
свѣтъ получаемой отъ него, непримѣн-
но для глазъ нашихъ?

Надежда.

Вижу, дядюшка.

Г. Любомудровъ.

Теперь представь себѣ землю въ под-
линной ея соразмѣрности съ солнцемъ.
Вмѣсто того, чтобы быть болѣе его,
накѣ какъ деревня болѣе свѣчи, въ срав-
неніи

неніи будетъ она по же, что булавочная головка прошивъ зажженного факела. По этому примѣру можешь судить о той блестящей фигурѣ, которую мы составляемъ во вселенной.

Надежда.

Что, братецъ? Видно пришло намъ отказать отъ нашего требованія на почтеніе звѣздъ.

Гж. Тихова.

Я представляю себѣ теперь какогонибудь высококомѣрнаго и значнаго жителя столицы, которой думаетъ, что все Государство смотритъ на него и которому бы пришли сказать, что за сто верстъ въ самомъ дѣлѣ его довольно знаютъ; что и за триста верстъ по случаю произнесено было имя его, но что за пять сотъ верстъ конечно нѣтъ о немъ никакого слуха.

Надежда.

Знаете ли, что? На братцовомъ мѣстѣ было бы мнѣ такъ стыдно, чтобы я и отъ луны спряталась.

Г. Любо-

Г. Любомудровъ.

Поберегись, душенька. Такая гордая чувствительность могла бы намъ дорого стоить.

Надежда.

А что, дядюшка?

Г. Любомудровъ.

То, что если бы спрятались мы отъ луны, то луна въ ту же минуту и сама бы отъ насъ спряталась.

Надежда.

О! мнѣ бы очень жаль было нѣжнаго свѣта ея.

Гж. Тихова.

Признайся, что и я до слабости люблю ее. По скромному и цѣломудренному виду ея кажется, что она сошворена быть солнцемъ женщиной.

Г. Любомудровъ.

Мысль довольно щасливая. Сколько бы прелестныхъ прихотей можно было изъяснить переменами ея фазъ и неравностями ея теченія! — И шакъ

вы видите, друзья мои, что мы ничего не теряемъ, и что земля весьма щастлива и шѣмъ, что получаетъ свѣтъ отъ окружающихъ ее свѣтилъ, безъ тщеславія опличашься отъ нихъ сіяніемъ своимъ.

А н д р е й.

Жаль однако, что мы не свѣтлѣе блистаемъ. Признайшесь, батюшка, что мы на мѣстѣ самомъ удобнѣйшемъ для блистанія.

Г. Любомудровъ.

А по чему почишаешь ты это мѣсто такъ выгоднымъ?

А н д р е й.

Это ничего не мудрено. Надобно только взглянуть на небесной сводѣ. Ясно видно, что онъ сведенъ надъ нашею землею, что звѣзды разсѣяны на немъ въ равномъ разстояніи отъ насъ, и что мы занимаемъ середину вселенной.

Г. Любомудровъ.

Послушай. Помнишь ли тотъ прекрасный видъ, копорой нынѣ поушру
пока-

показывалъ ты мнѣ съ самаго эпова мѣста: эпотѣ холмѣ, эпотѣ лѣсокѣ, эпотѣ вешхой домѣ, до половины развалившійся, и эпу башню, которая, кажется, доспаетѣ верхомѣ своимѣ до самыхѣ облаковѣ?

А н д р е й.

Очень помню, башюшка; а особливо это прекрасное орѣховое дерево, мимо котораго мы вчера ввечеру проѣхали, и котораго орѣхи такѣ меня прельщали. Мнѣ пріятно было смотрѣть на него, хѣпя и издали; попому что отсюда казалось мнѣ, будто оно на самомѣ концѣ горизонта.

Г. Любомудровѣ.

А это не такѣ. Ты долженѣ былѣ видѣть гораздо позади его эту маленькую деревеньку, гдѣ мы разсматривали большой гошической домѣ, отчаспи уже развалившійся. Ты знаешь, что она далѣе его. Мы ѣхали отѣ нее до орѣховаго дерева около четверти часа.

А н д р е й.

Правда; но я въ этомѣ не виноватѣ. Въ такомѣ отдаленіи не лзя точно на-

значить разстоянія. Смотри опсюда, всякой бы подумаль, что дерево стоить въ одной окружности съ холмомъ, лѣскомъ, замкомъ и башнею, и что наша терраса въ самой срединѣ полукружія. Я все это разсмотрѣлъ.

Г. Любомудровъ.

Что ты говоришь? Что считаешь ты, сестрица, опсюда до башни?

Гж. Тихова.

Около девяти верстѣ, брашець.

Г. Любомудровъ.

А до холма?

Гж. Тихова.

Верстѣ шесть.

Г. Любомудровъ.

А до лѣску?

Гж. Тихова.

Менѣ двухѣ верстѣ. Я туда хожу пѣшкомъ.

Г. Любомудровъ.

А я по времени дороги думаю, что до замка опсюда будетѣ двѣ версты съ
поло-

половиною, а до орѣховаго дерева не болѣе четырехъ сотъ сажень. Но что же! всѣ эти предметы, одни шакъ удаленные, другіе сполько впередъ подавшіеся, представляются въ одной окружности? всѣ эти споль неравныя пространства составляютъ горизонтъ круглой? и наша гьерраца находится точно въ срединѣ всего? — Андрей не будешь ли это шакъ и въ разсужденіи этой весьма правильной овальности небеснаго свода, въ разсужденіи этихъ звѣздъ, которыя, кажется, укрѣплены всѣ на одной поверхности, и наконецъ въ разсужденіи насъ, думающихъ, что мы находимся въ самомъ средоточіи этого прекраснаго павильйона?

А н д р е й.

На это сказать мнѣ нечего. Если глаза обманываютъ меня въ небольшомъ разстояніи, то они еще болѣе обманутъ меня въ такомъ великомъ ошдаленіи. Но чтобы мы не были точно въ срединѣ подъ небомъ, я все еще не могу вѣрить, и былъ бы готовъ биться объ закладъ, что нѣтъ ни двухъ дюймовъ лишнихъ ни въ шу, ни въ другую сторону.

Г. Любомудровъ.

Посмотримъ. Передъ обѣдомъ были мы вгоспяхъ у здѣшняго священника.

А н д р е й.

О! это самой честной человѣкъ! Онъ далъ мнѣ прекрасную грушу.

Г. Любомудровъ.

Ну, какъ же послѣ эшова сомнѣвались въ его честности! Но дѣло идетъ не о садѣ его, а о колокольнѣ. Помнишь, какъ онъ хвалилъ намъ перспективу, кошорая видна тамъ съ галереи? Мы взошли туда. Что же?

А н д р е й.

Церковь ниже, а колокольня не выше этой террасы. Я видѣлъ это по опшвѣсу.

Г. Любомудровъ.

И такъ опшуда видно не далѣе того, до чего видно съ этой террасы?

А н д р е й.

Ни мало не далѣе, башюшка. Все точно то же. Я увидѣлъ всѣ тѣ же предметы,

мешы, въ такомъ же разстояніи, и все на концѣ горизонша, такъ какъ и отсюда.

Г. Любомудровъ.

По этому колокольня составляла центръ всей окружности?

А н д р е й.

Да, бапюшка.

Г. Любомудровъ.

И такъ здѣсь ты уже не въ центрѣ; потому что кругъ не можетъ имѣть двухъ центровъ.

А н д р е й.

Да мы отъ церкви не далеко.

Г. Любомудровъ.

Однакожь до нее будетъ отсюда шаговъ двѣсти.

А н д р е й.

Но это ничего не значитъ противъ великаго отдаленія, въ которомъ было все то, на что мы смотрѣли.

Г. Любомудровъ.

И такъ, когда изъ двухъ разныхъ пунктовъ весьма отдаленные предметы ка-

жупся вѣ одинакѣмѣ разстояніи, по промежуткѣ, раздѣляющій пункты, долженѣ бытъ всегда невеликѣ, такѣ какѣ бы они составляли только одинѣ пунктѣ? Такѣ что ли, другѣ мой?

А н д р е й.

Точно такѣ, батюшка. Вы очень хорошо поняли мою мысль, и я очень доволенѣ вашею догадкою.

Г. Любомудровѣ.

Это меня ободряетѣ. Теперь пойдѣмѣ далѣе. Вы съ сестрою знаете, что земля обтекаетѣ около солнца кругѣ. Я начерчу его здѣсь на песокѣ. Видите ли? Этомѣ свалѣ называющѣ Эллипсою, такѣ какѣ вамѣ сказывали. Хорошо — вопѣ она. Ее можно еще ясно видѣть отѣ свѣта восходящей луны. Вѣ кругѣ положу я шляпу, кошорая будетѣ представлять солнце.

А н д р е й.

Ну, правду сказать, не худое солнце, и припомѣ черное! — Постойте, постойте!

(Бѣжитѣ изо всей силы къ дому.)

Г. Любо-

Г. Любомудровъ.

Куда ты, Андрей?

*А н д р е й (издалека, не
останавливаясь).*

Я топчасъ прибѣгу.

Н а д е ж д а.

Что понадобилось моему въспреннему
братцу?

Г. Любомудровъ.

Подождемъ и посмотримъ, заслужи-
ваешъ ли онъ брань.

А н д р е й.

*(Возвратясь черезъ двѣ минуты
съ слугою, которой принесъ
головню).*

Не заставилъ ли я васъ долго ждать?
Петръ! положи, пожалуй, головню на мѣ-
сто шляпы. Это солнце, думаю, спо-
итъ вашего, бапюшка. Вы бы проспу-
дились, смотря на него. Надѣньте шляпу:
теперь сыро.

Г. Любомудровъ.

Благодарю тебя, мой другъ, за лю-
безное твое примѣчаніе. Эта головня

можетъ намъ служить еще и на другое. Постой, Петръ. Теперь, дѣти, не ходите ли предпринять пупешествія около солнца, чтобы лучше разсмотрѣть кругъ?

(Надежда и Андрей обходятъ около головни).

Хорошо. Петръ! возьми теперь головню и поди на конецъ алеи. Оттуда покажи ее намъ.

Петръ (уходя).

Слышу, сударь.

Надежда.

Чего ходите вы, дядюшка?

Г. Любомудровъ.

Увидишь. Ну, дошелъ ли до своего мѣста, Петръ?

Андрей.

Смотрите, онъ уже оборотился къ намъ. Ахъ! какъ мала спала головня!

Г. Любомудровъ.

Я очень радъ, что вы это замѣтили. Поди сюда. Стань на этой споронѣ круга.

Андрей.

А н д р е й.

Хорошо; да солнце-то у насъ унесли.

Г. Любомудровъ.

Оно теперь намъ не надобно. Положи, что оно сѣло. Только ночью можно видѣшь звѣзды. Головня будетъ звѣздою. Посмотри на нее хорошенько, чтобы увѣришься въ ея величинѣ и отдалснй.

А н д р е й.

Я ужь довольно смотрѣлъ на нее.

Г. Любомудровъ.

Ступай же шиконько по круглой чертѣ, представляющей кругъ печенія земли, и смотри безпрестанно на головню, представляющую звѣзду. Далѣе! — Увеличилась ли звѣзда въ глазахъ твоихъ, или приблизилась ли къ тебѣ?

А н д р е й.

Нѣтъ, батюшка; она все такава же и тамъ же.

Г. Любомудровъ.

Поди еще далѣе по кругу, до мѣста прошивоположнаго тому, откуда ты пошелъ.

шелъ. Тутъ останопись. Ну, что наша звезда?

А н д р е й.

Она не перемѣнилась.

Г. Любомудровъ.

Какъ! она не кажется тебѣ ни болѣе, ни ближе? Ты вѣдь къ ней гораздо подвинулся.

А н д р е й.

Какъ не такъ! Она съсюда можетъ быть въ двухъ шагахъ, а я приблизился къ ней только длиною диаметра эпова круга, кошорой около шести фушовъ.

Г. Любомудровъ.

И такъ шесть фушовъ почти ничего не значатъ въ разсужденіи отдаленности головни? И безъ сомнѣнія они бы еще менѣе значили, естли бы мы удалились отъ головни версты за три, до того, наприм. чтобы она представилась намъ въ величинѣ искры?

А н д р е й.

А н д р е й.

Тогда весь кругъ былъ бы непри-
мѣшною точкою. Сдѣлаемъ опытъ въ
большомъ, башюшка.

Г. Любомудровъ.

Надобно себя удовольствовать. Я
дамъ тебѣ диаметръ въ шестьдесятъ шесть
милліоновъ Французскихъ миль, т. е. ді-
аметръ подлиннаго круга земли; а вмѣ-
сто головы, представлявшей звѣзду, даю
тебѣ подлинную звѣзду.

Н а д е ж д а.

Ну! ну!

А н д р е й.

Это такъ говорится. Посмотримъ,
посмотримъ!

Г. Любомудровъ.

Дай намъ немного собратъся съ
мыслями.

Я сказалъ тебѣ, помнится, *понявъ*
хорошо мысль твою, что когда изъ двухъ
разныхъ пунктовъ отдаленные предметы
кажутся всегда въ одинакомъ разстояніи,
то промежутокъ, раздѣляющій пункты,
дол-

долженъ быть невеликъ, такъ какъ бы они составляли только одинъ пунктъ.

А н д р е й.

Точно такъ — слово отъ слова.

Г. Любомудровъ.

Не забудь съ своей стороны, что ты самъ сказалъ; а именно, что нашъ маленькой кругъ, начерченной здѣсь на песокъ, былъ бы непримѣшную почкою въ разсужденіи опдаленія, въ которомъ надлежалобъ быть головнѣ, чтобы величиною казаться ей только съ искру.

А н д р е й.

Помню, и не опираюсь.

Г. Любомудровъ.

Извѣстно, что діаметръ круга земли содержишь въ себѣ шестьдесятъ шесть милліоновъ Французскихъ миль. И такъ земля, будучи на концѣ эшова діаметра, бываешь къ одной звѣздѣ шестидесятью шестью милліонами миль ближе, нежели на другомъ концѣ.

А н д р е й.

Конечно.

Г. Любо-

Г. Любомудровъ.

Ну, естли землѣ изъ двухъ споль разныхъ пункшовъ, не смопря на ея дальній переходѣ опѣ одного кѣ другому, эша звѣзда показывается всегда вѣ одинакомѣ разстояніи; естли, не смопря на ужасную величину эшой звѣзды, кошорую скоро докажу вамѣ, она никогда не представляется ей болѣе блестящей почки: шо два конца діаметра круга ея, не смопря на раздѣляющій ихѣ промежуткѣ, должны бытъ почипаемы какѣ бы за одинѣ пунктѣ, и весь пространной кругѣ будетѣ не болѣе эшова пункта, спавшаго непримѣшнымѣ вѣ разсужденіи безчисленнаго опдаленія, вѣ кошоромѣ звѣзда всегда опѣ него находится?

Надежда.

Что скажетѣ шеперь бѣдной Андрей?

Г. Любомудровъ.

Но естли эшопѣ великой кругѣ естѣ ничшо иное, какѣ непримѣшная почка вѣ разсужденіи опдаленія звѣзды, шо что же будетѣ вѣ разсужденіи сего самаго опдаленія земной шарѣ, кошорой самѣ естѣ ничшо иное, какѣ почка вѣ простран-

спранствѣ своего круга? Подумаешь ли тогда эта гордая планета, что небесной сводѣ сотворенѣ единственно для того, чтобы надѣ нею сгибались павильономѣ; что звѣзды разбѣяны по этому шапру вѣ равныхѣ разспоянїяхѣ для представленїя ей великолѣпной картины, и что она достойна занимать средину вселенной, гдѣ она едва ли примѣтна?

А н д р е й.

Надобно почувствовать правду; но меня ужасно огорчаетъ малость наша.

Г ж. Т и х о в а.

А мене еще гораздо болѣе огорчаетъ то, что всѣ славные Философы древности утвердительно поспавляли нашу бѣдную планету вѣ средоточїи вселенной. Я вижу, что вѣ самые злые вѣки Философїи люди были наполнены гордостїю и безумствомѣ.

Г. Любомудровѣ.

Пифагорѣ вынесѣ изѣ Индїи и изѣ Египта лучшїя понятїя. При жизни своей заключалѣ онѣ ихѣ во внутренности школы, основанной имѣ вѣ Италїи. Ученики его, послѣ его смерти, сообщили ихѣ

ихъ Греціи. Сей великой мужъ полагалъ въ срединѣ нашего міра солнце, около котораго вращаются планеты такимъ образомъ: Меркурій, Венера, Земля съ своею Луною, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Правда, что онъ ошибся въ разсужденіи ихъ разстоянія и величины; но ни Геометрія его временъ, ни орудія астрономическія, не были доведены до такой степени совершенства, какъ нынѣ.

Гж. Тихова.

Слава Богу, что сыскался такой мудрецъ! — Что же, послѣдовали ли его системѣ?

Г. Любожудровъ.

Какъ можно было принять ея такимъ народамъ, которымъ одни изъ ихъ ученыхъ сказывали, что земля плоска какъ столъ, а небеса полукружной сводъ, состоящій изъ матеріи швердой; — другіе, что солнце есть огненная куча, не много поболье Пелопонеса; что кометы состояются отъ случайнаго совокупленія многихъ блудящихъ звѣздъ; что звѣзды суть ничто иное, какъ скалы или горы, оторванныя отъ земли возмущеніемъ ээира, которой ихъ воспа-

лилъ; — иные, что онъ воспаменяющся ввечеру, а поушру потушающъ; но что солнце, которое естъ огненное облако, воспаляется поушру и ввечеру потушающъ; и что разныя солнцы и луны освѣщающъ наши разныя климаты? И шакъ естли солнце, по шакимъ предразсужденіямъ, было у нихъ менѣе земли: то какъ же было уступитъ ему средоточіе мира?

Гж. Тихова.

Народъ достоинъ былъ шакого имени; но Философія никакъ не заслуживала своего.

Г. Любомудровъ.

Пшоломей, видя, что всѣ шакія мнѣнія охотно принимались въ его времена, и основываясь на обманчивомъ свидѣльствѣ нашихъ чувствъ, легко могъ увѣрить себя и другихъ, что понятія Пифагоровы были мечты; что земля естъ средоточіе всѣхъ движеній, какъ планетъ и солнца, разпредѣленныхъ въ ихъ классъ, шакъ и звѣздъ съ стеклянными небесами, которыя онъ сотворилъ. Эша система держалась болѣе четырнадцати вѣковъ, принимая въ себя время отъ времени нѣкошорыя новыя нелѣпости, кошорыя выдумывали послѣдовашели ея,

что-

чтобы защититься отъ самыхъ затруднительнѣйшихъ возраженій.

Гж. Тихова.

Это уже близко подошло и къ нашему вѣку.

Г. Любомудровъ.

Только за двѣсти лѣтъ передъ симъ Коперникъ вывелъ насъ изъ заблужденія; но оно еще и послѣ эпова времени владычествовало подъ другимъ видомъ.

Гж. Тихова.

Пожалуй, братецъ, расскажи все. Мнѣ хочется знать всѣ наши заблужденія.

Г. Любомудровъ.

Хотя Коперникъ, возстановя систему Пифагорову, которую я уже предложилъ вамъ, изъяснилъ посредствомъ ее непреоборимыя затрудненія той, которую онъ опровергъ: однакожь Тихо-Брагъ, величайшій Наблюдатель своего вѣка, шѣмъ не менѣе силился снова присвоить землѣ славу владычества.

Гж. Тихова.

И такъ онъ возобновилъ только Птолемеевы понятія?

Г. Любомудровъ.

Была опмѣна. По его мнѣнію уже не всѣ планеты ходили вокругъ земли; но только одна луна ей оставалась. Солнце, взявъ себѣ въ проводы прочія планеты, обращалось около ее въ годъ и присоединялось ко свитѣ звѣздъ, чшобы воздать ей, въ двацать четыре часа, шѣ же почести.

Гж. Тихова.

Я не вижу, по чему эта перемѣна лучше. Мнѣ бы казалось, что весьма безразсудно думать, будто такому множеству великихъ шѣлъ опредѣлено такъ скоро вращаться около земли, которая столько мала.

Г. Любомудровъ.

Ты очень хорошо чувствуешь недостатокъ этой системы. Но какъ она впрочемъ очень остроумна и была подкрѣплена великимъ именемъ начальника своего, то могла бы всегда одерживать верхъ, ешлы бы Галилей съ помощію телескопа не утвердилъ существеннаго порядка въ планѣ вселенной, порядка, открышаго Пизагоромъ и Коперникомъ; ешлы бы Кеплеръ по проницанію своему не предчувствовалъ ея законовъ, и ешлы

ли бы Нюшонъ, прославившійся въ Англіи почти за сто лѣтъ передъ симъ, не доказалъ ихъ со всею силою своего духа и истины.

Гж. Тихова.

Слава Богу! И такъ солнце успокоилось уже посреди нашего міра! Теперь уже я могу по чистой совѣсти сдѣлать свою перемѣну.

Г. Любомудровъ.

Какъ, сестрица! не уже ли и ты хочешь предложить какую нибудь новую систему?

Гж. Тихова.

Нѣтъ, братецъ, я очень довольна вашимъ распоряженіемъ, находя его сообразнымъ премудрости Нашуры. Намѣреніе мое касается до эпова златоцвѣтнаго Феба, которой такъ обманывалъ бѣдныхъ смертныхъ.

Г. Любомудровъ.

Отъ чего происходитъ эпотъ нѣжной гнѣвъ противъ него?

Гж. Тихова.

Какъ! три тысячи лѣтъ заставлялъ онъ насъ кормить его коней амврозією, и только для того, чшобы они горди-

лись и попали ногами на дворъ палатъ его!

А н д р е й.

Да, да, пешушка! Отспавимъ попчасть эпова лѣниваго кучера, пошому чшо онъ не ѣздитъ на колесницѣ свѣша, и опнимемъ у него всю запряжку.

На де ж да.

Я не дала бы ему и шой коляски съ чешырю волами, на кошорой ѣздили Гальскіе лѣнивые Короли.

Г ж. Т и х о в а.

Но опнявъ эпо имя у солнца, какое же другое дадимъ ему?

Г. Любому дровъ.

Есть для него достойнѣйшее имя, самое величайшее, какое шолько кому нибудь давали въ мірѣ. Именемъ побѣдителей назывались Имперіи земли; Астрономы раздѣлили между собою нашего спутника (*); Англійской Философъ пребуемъ

(*) Ричіоли, Ишаліянскій Астрономъ, далъ главнымъ плянамъ луны имена Астрономовъ и ученыхъ, на прим. Платона, Аристошеля, Архимеда, Плинія, Коперника, Тихо, Кеплера, Галилея, и проч.

буешѢ одинѢ цѢлаго свѣшила — я бы назвалѢ солнце *НьютономѢ*.

А н д р е й.

АхѢ, батюшка! когда могу я узнатьѢ эшова великаго человѢка (*)?

Г ж. Т и х о в а.

Ты восхищаешѢ меня такимѢ усердіемѢ кѢ славѢ его.

Г. ЛюбомудровѢ.

КакѢ бы желалѢ я изобразитѢ вамѢ потѢ восторгѢ, кошорой чувствовалѢ я прошедшаго году, разсматривая вѢ КамбриджѢ его спашую! РубильякѢ, Французской рѢщикѢ, изобразилѢ его споящаго вѢ положеніи величественномѢ, смотрящаго

И 4

щаго

(*) Во второмѢ томѢ de l'Histoire de l'Astronomie moderne наши юные чашатели могутѢ нѢкогда удивлятѢся великимѢ НьютоновымѢ открытіямѢ. Сія книга есть одно изѢ славнѢйшихѢ произведеній нашего вѢка, и, кажется, писана при чистомѢ и блестящемѢ свѣтѢ небеныхѢ свѣшилѢ, ДухомѢ, свѣдущимѢ вѢ таинствахѢ небесѢ. — СѢ какою радостію воздаемѢ сію честь Господину Балби, за шо восхищеніе, вѢ кошорое приводитѢ чшеніе его шворенія!

щаго на солнце и показывающаго ему рукою присму, кошорую держитъ другою для раздѣленія лучей его. Я не могъ спустить съ него глазъ. Вознесясь мысленно на ту великую высоту, до кошорой довелъ онъ человѣческія знанія, казалось, слышалъ я гласъ Натуры, взывающей ему при его сотвореніи: „Со времени тѣхъ вѣковъ, въ кошорые человекъ изучаетъ законы мои, онъ всегда не познавалъ ихъ. Время открытъ ему оныя. Тебя раждаю я для возвѣщенія ихъ земнороднымъ. Гряди обновить Астрономію, возвеличить Геометрію и основать Физику. Даю тебѣ сіи науки купно съ духомъ моимъ. Ты повѣдаешь пространство вселенной и простоту порядка, ею управляющаго. Ты возвѣсишь громаду ужасныхъ тѣлъ, мною въ ней разсѣянныхъ; предпишешь ихъ форму, опредѣлишь ихъ величину, измѣришь разстояніе и точно разочтешь самыя неравности ихъ печенія. Посреди ихъ поставишь солнце; скажешь, какою силою оно управляетъ ими, и какъ раздѣляетъ имъ свѣтъ и жизнь. Въ награжденіе тебѣ, поставляю тебя самага, подобно какъ новое свѣшило, среди всѣхъ великихъ мужей, кошорые послѣ тебя явятся въ мірѣ.

мірѣ. Сообщая быстрое движеніе духу ихъ, принудишь его безпрестанно къ своему склоняясь; и съ почтеніемъ будущъ они около тебя вращаться для полученія свѣта. Что же касается до тѣхъ, которые захопятъ отъ тебя удалиться, подобно мяшежнымъ кометамъ, хопящимъ выпти изъ Имперіи Солнца, и перяющимся на нѣсколько вѣковъ во мрачной глубинѣ пространства, но всегда приводимымъ наконецъ къ подножію престола его — они изъ глубины своихъ заблужденій принуждены будутъ къ тебѣ возвратиться. Увидятъ ихъ блестящихъ свѣтомъ преходящимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ печенія ихъ; но приближась къ тебѣ, погрузятся они въ сіяніи лучей твоихъ., —

Въ сію минушу пришли сказать Госпожѣ Тиховой, что готовъ столъ. Надежда и Андрей весьма бы хотѣли, чтобы отсрочили ужинъ, желая долѣе слушать Господина Любомудрова. Чтобы избавиться отъ ихъ докуки, надлежало дать обѣщаніе послѣ ужина еще ишти съ ними прогуливаться.

РАЗГОВОРЪ

ВТОРОЙ.

За ужиномъ разговоръ Господина Любомудрова съ сестрою его былъ весьма веселъ. Они восхищались остроуміемъ дѣшей своихъ и сильною охошою ихъ къ ученію. По шихоньку показывали они другъ другу глазами видъ поспѣшности, съ кошорымъ Надежда и Андрей, не говоря ни слова, брали съ блюдъ кушанья и ѣли, чшобы скорѣе можно было ишши на террасу и начашь тамъ снова прерванной разговоръ. Наши малолѣшныя Философы управились уже и съ десертномъ. Одинъ складывалъ всю салфешку, а другая отъ неперпѣнія вертѣлась на спулъ. Можешь быть Гж. Тихова, забавляясь шакою пріятною сценою, нарочно продолжала ее. Какъ бы то ни было, Надежда, чшобы не потеряшь времени, начала опяшь шупишь надъ гордою досадою браша своего за то, чшо звѣзды его не видяшь. Андрей самъ шупилъ до самаго того времени, кѣ увидѣлъ, чшо шетка и ошецъ его, съ кошорыхъ онъ почши глазъ не спускалъ, уже перестали ѣсть. Тогда, поворошась вдругъ къ Надеждѣ, сказалъ

гром-

громкимъ голосомъ, чтобы всѣхъ заставишь слушать себя: Сестрица! я чиналъ одну исторію, которую мой батюшка и мапущка твоя конечно знаютъ, но которая тебѣ вѣрно неизвѣстна. Я тебѣ расскажу ее. Магомешъ, хотѣвъ армию своей доказать власть свою надъ Нашурою, обѣщаль въ глазахъ ея сдѣлать великое чудо; а именно, велѣть высокой горѣ издали придвинуться и пасть къ ногамъ его. Поушру собираетъ онъ всѣхъ своихъ солдатъ, которые, полагаясь на своего пророка, не сомнѣвались уже, что чудо сдѣлается. Онъ спановится впереди и повелѣваетъ горѣ двинуться. Гора не слушается перваго приказанія его. Магомешъ изумляется. Спрашнымъ голосомъ повторяетъ онъ свое повелѣніе. Гора, какъ ты напередъ еще знашь могла, ни мало не двигается и опъ новаго повелѣнія. Что это! восклицаетъ обманщикъ съ видомъ вдохновеннымъ: гора не хочетъ итти къ намъ? И такъ, друзья мои, спупайте за мною; подемъ къ горѣ . . . . Я не сердитѣ Магомета. Звѣзды не видяшъ насъ; и такъ, сестрица, подемъ сами смощрѣшь на нихъ.

Сказавъ сіе, онъ вдругъ вскочилъ изъ за-стола и побѣжалъ къ дверямъ,
при-

приведя Надежду шушкою своею въ великое замѣшательство. Г. Любомудровъ и Гж. Тихова улынулись, почувствуя тонкость его, и пошли за нимъ въ садъ.

Ночь была тогда самая свѣтлая. На небѣ не было ни одного облака. Луна, показавшаяся на горизонтѣ только на нѣсколько минутъ, сокрылась, и звѣзды, ею затемняемыя, начали сіять во всемъ блескѣ своемъ. Дѣти много разъ удивлялись великолѣпію такого зрѣлища; но ожидая, что скоро удовлетворено будетъ ихъ любопытству, которое сіе зрѣлище всегда вселяло въ нихъ, онѣ разсматривали ихъ тогда съ новымъ восхищеніемъ. Блестящая звѣзда Сиріусъ первая попалась въ глаза Андрею. Онъ хотѣлъ знать ея имя; и когда узналъ его, то закричалъ: здравствуй, Сиріусъ! Эту звѣзду я очень люблю; она гораздо болѣе другихъ.

Надежда.

Я и сама люблю ее за то, что она свѣтлѣе прочихъ.

Г. Любомудровъ.

Можетъ быть, друзья мои, что она сама по себѣ не болѣе и не свѣтлѣе; а кажется такою по тому, что она, ча-
яшель-

яшельно, ближе къ землѣ. Приближась къ намъ такъ какъ солнце, безъ сомнѣнія показалась бы она одинакой съ нимъ величины. Это еще много, что она такъ примѣтна для глазъ нашихъ, будучи по крайней мѣрѣ въ двѣсти тысячъ разъ далѣе.

А н д р е й.

Вы говорите, какъ вамъ захочется, батюшка. Въ двѣсти тысячъ разъ далѣе солнца? Да но чему же могли это узнать?

Г. Любомудровъ.

Не пошакъ ошъ себя, что всѣ спаранія Астрономовъ измѣришь величину звѣздъ, кошорая могла бы сообщить намъ поняшіе о ихъ ошспояніи, были бесполезны. Однакожь самая эта невозможность доказываетъ ужасное ошдаленіе ихъ; пошому что съ довольною точношю умѣли вымѣряшь величину самыхъ ошдаленнѣйшихъ планетъ, между прочими и этой прекрасной планеты Юпитера, кошорую здѣсь видишь.

А н д р е й.

А! это Юпитеръ. Однакожь, батюшка, на взглядъ кажешся Сиріусъ больше.
Естьли

Естьли могли вымѣрять величину Юпи-
пера, то для чего же не лзя измѣрять
и величины Сиріуса?

Г. Любомудровъ.

Прежде, нежели буду отвѣчать тебѣ,
прошу тебя посмотришь въ отворенное
окно на эпу свѣчу, кошорая горитъ въ
залѣ. Видишь ли вокругъ ея огня эштоу
различной свѣшъ, кошорой ее увеличива-
етъ?

А н д р е й.

Вижу, башюшка.

На де ж да.

Точно такъ и солнце, окруженное
лучами, увеличивается ошъ шого въ гла-
захъ нашихъ.

Г. Любомудровъ.

Звѣзды, будучи сами по себѣ шѣла
свѣшлыя, подобно солнцу и свѣчѣ, имѣ-
ютъ также эшо сянїе, кошорое въ гла-
захъ нашихъ увеличиваетъ ихъ гораздо
болѣе, нежели каковыми онѣ въ существѣ
должны намъ казаться, такъ что вели-
чина ихъ, по мнѣнїю Астрономовъ, умно-
жается почти въ девять сошъ разъ.

А н д р е й.

А н д р е й.

О! о!

Г. Любомудровъ.

Скажите мнѣ шеперь: когда луна бываетъ полная, и слѣдовательно блеститъ наиболѣе, могли ли вы примѣшить во-кругъ ея подобное сіяніе?

Надежда.

Нѣтъ, никогда. Ея блескъ не простирается далѣе круга ея.

А н д р е й.

Такъ какъ и блескъ Юпитера.

Г. Любомудровъ.

Откуда же происходитъ это различіе?

А н д р е й.

Я думаю, что Юпитеръ и луна только отбрасываютъ намъ свѣтъ за-емной; а въ эшомъ свѣтъ не бываетъ такого движенія, какое происходитъ въ шѣлахъ блищающихъ собственнымъ огнемъ своимъ.

Г. Любомудровъ.

Не лзя лучше думать. И такъ Юпитерова обширность не увеличивается; и какъ

какъ ни малъ кажется онъ по свосму отдаленію, однакожь наши Астрономы имѣютъ довольно вѣрныя орудія для его измѣренія. Но звѣзды, окруженныя такимъ обманчивымъ сіяніемъ . . . . .

Андрей.

Да развѣ не лзя отдѣлить его отъ нихъ, чтобы видѣть ихъ въ почной ихъ величинѣ?

Г. Любомудровъ.

Это самое производитъ телескопъ, соединяя и собирая въ одну почку всѣ ихъ лучи; но такая почка бываетъ уже весьма мала. И чѣмъ телескопъ совершеннѣе, тѣмъ эшотъ пунктъ, дѣлаясь свѣтлѣе, становится менѣе, до того, что никакъ не лзя и вымѣрять его.

Гж. Тихова.

Но какимъ способомъ по крайней мѣрѣ могли сдѣлать сравненіе между отдаленіемъ солнца и звѣздъ?

Г. Любомудровъ.

Эшотъ способъ найденъ весьма остроумно. Величина и отдаленіе солнца извѣстны по вѣрнымъ правиламъ, которыя въ послѣдствіи изъясню вамъ. Такимъ обра-

образомъ вычислили, какѣ надлежитъ его уменьшить или опдалить, чтобы оно стало такъ мало, какъ Сиріусъ. По элимъ разчетамъ получили понятіе о ужасной опдаленности Сиріуса, которой еще къ намъ ближе другихъ звѣздъ. Но Астрономы по большой части думаютъ, что это опдаленіе должно быть еще гораздо болѣе; ибо сомнительно, чтобы наилучшій телескопъ могъ совсѣмъ опдалить отъ звѣзды излишній свѣтъ ея и показать ее намъ только въ той существенной величинѣ, которую она по такому опдаленію должна имѣть для глазъ нашихъ.

А н д р е й.

О! когда звѣзды такъ опдалены, то мнѣ уже легко повѣрить, что онѣ подлинныя солнцы. Естли бы онѣ имѣли только заемной свѣтъ, то какъ бы лучи ихъ могли дойти до насъ съ такимъ блескомъ и съ такою живостію, прошедши черезъ ужасныя пространства?

Г. Любомудровъ.

Разсужденіе швое очень хорошо. Доказано, что въ нѣсколько миллионѣвъ разъ можно уменьшить свѣтъ звѣзды, удаляя ее отъ нашихъ глазъ, и при всемъ

Часть. XV. Но. 36. I томъ

помѣ она будетъ еще такъ блистать, какъ бѣлая бумага при свѣтѣ луны.

А н д р е й.

И такъ тѣ, которыя кажутся намъ самыми маленькими, еще гораздо далѣе Сиріуса?

Г. Любомудровъ.

Можетъ быть и между ими, во глубинѣ пространства, такой же большой промежутокъ, какъ между Сиріусомъ и солнцемъ.

А н д р е й (съ удивленіемъ).

Что вы говорите!

Н а д е ж д а.

А кажется, что онѣ всѣ на небѣ одна подлѣ другой. Есть и такія, которыя почтешь двойными, когда посмотришь на нихъ.

Г. Любомудровъ.

Я могу вамъ обоимъ отвѣчать вдругъ однимъ примѣромъ. Вы часто смотрѣли изъ оконъ моего дому на множество площадокъ, которыми въ торжественные дни по вечерамъ освѣщается домъ Господина Б*** и Князя М*** Вы знаете, что онѣ

онѣ спавягся всѣ въ равномѣ разспояніи, и что свѣщильни бывають обыкновенно одинаковы.

А н д р е й.

Этому такъ бытъ надобно.

Г. Любомудровъ.

Не замѣнилъ ли ты, Андрей, что плошки, освѣщающія домъ Господина Б * * *, кошорой къ намъ ближе, имѣють свѣшъ пространнѣйшій и живѣйшій, нежели тѣ, кошорыя горятъ подлѣ дома Князя М * * * ?

А н д р е й.

Помню, батюшка.

Г. Любомудровъ.

А ты, Надежда, не могла ли бы думать, что опдаленныя плошки гораздо одна къ другой ближе, нежели ближнія?

Н а д е ж д а.

И очень бы могла.

Г. Любомудровъ.

Это еще не все. Положимъ, что между двумя изъ дальнихъ плошекъ увидѣла бы ты такую же, кошорую бы за-

жгли еще версты за двѣ далѣе. Вы помните сказанное нами передъ ужиномъ, что предметы въ нѣкопоромахъ отдаленіи кажутся въ одинакомъ разстояніи отъ глазъ нашихъ, хотя одни изъ нихъ и гораздо далѣе другихъ?

А н д р е й.

Помнимъ, бапюшка, помнимъ.

Г. Любомудровъ.

И такъ легко представите себѣ, любезныя дѣши, что отдаленнѣйшая площадка показалась бы вамъ поставленною рядомъ съ тѣми площадками, копорыя освѣщаютъ домъ Князя М * * *, и что вы могли бы почестъ ее отдаленнѣйшею единственно по малости ея огня и слабому блеску лучей ея?

Надежда.

Вы правду говорите, дядюшка; это точно отнесши можно къ большимъ и малымъ звѣздамъ. Теперь я понимаю, что онѣ могутъ быть очень далеко одна за другою и при томъ казаться намъ въ одной линіи, только съ тѣмъ различіемъ, что однѣ болѣе, а другія менѣе и слабѣе свѣтомъ. Понимаешь ли это, брашецъ?

А н д р е й

А н д р е й (съ гордою улыбкою).

Понимаю ли, сестрица? Я нашелъ другое сравненіе, которое, безъ хвастовства, въ десять милліоновъ разъ лучше башюшкина.

Надежда.

Могу сказать, что ты очень скромнѣнъ.

А н д р е й.

И конечно; пошому что оно можетъ служить для всего шара нашего, вмѣсто того, что башюшкино было бы понышно только для нашихъ сосѣдей, или по крайней мѣрѣ только для Московскихъ жителей. Къ тому же я заимствовалъ его и не оцѣ земли.

Надежда.

Ну, конечно; это было бы слишкомъ низко для шакого высокаго духа, какъ швой. Но можемъ ли мы понять это небесное сравненіе?

А н д р е й.

Я постараюсь вмѣспить его въ швое понятіе. Не правда ли, что звѣзды, окружающія Юпитера, кажется, такъ же къ намъ близки, какъ и самъ онъ? Ешп-

ли бы луна показалась теперь съ этой стороны, то не почла ли бы ты Юпитера въ одинакомъ отъ насъ разстояніи съ луною? И естли бы около луны было облако, то не правда ли, что она показалась бы такъ же къ намъ близкою, какъ и облако? И такъ облако, луна, Юпитеръ и звѣзды показались бы намъ въ одинакомъ отстояніи? А вѣдь шибъ, сестрица, извѣстно, что отдаленіе ихъ очень различно?

Надежда.

Знаю, братецъ, и при томъ могу увѣрить, что самое большое облако совсѣмъ бы не было видимо въ отдаленіи луны; что луна не примѣтна бы была въ отдаленіи Юпитера, и что Юпитеръ былъ бы еще менѣе видимъ въ отдаленіи звѣздъ.

Г. Любомудровъ.

Браво, друзья мои! Эта война мнѣ очень пріятна. Послѣднія Надеждины слова приводятъ намъ на мысль опять то, что мы прежде сказали, то есть, что звѣзды должны сіять собственнымъ своимъ свѣтомъ, и что этотъ свѣтъ долженъ быть весьма живъ, чтобы дойти

до насъ изъ такого опдаленія, въ которомъ бы Юпитеръ, можетъ быть, тысячу разъ скрылся отъ глазъ нашихъ.

А н д р е й.

О! теперь уже я это вижу. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что звѣзды подлинныя солнца.

Г. Любомудровъ.

И я тоже думаю. Но не уже ли думаешь ты, что всѣ такія солнца сотворены для нашей земли?

Надежда.

Да начтѣ бы онѣ были ей? Естьли бы имъ надобно было приводить въ зрѣлость наши ягоды, такъ бы намъ никогда не ѣдали ни малины, ни вишни.

А н д р е й.

Одинъ только слабой блескъ ихъ можетъ намъ служить. Однакожь луна, даже изъ самаго облака, во сто разъ насъ болѣе освѣщаетъ.

Г. Любомудровъ.

Сверхъ того вы знаете, что нѣкоторые звѣзды можно видѣть только въ

телескопъ: по крайней мѣрѣ эти были бы уже для насъ совсѣмъ бесполезны. И пакъ естли бы всѣ такіа солнцы были для насъ сотворены, по онѣ конечно бы были разположены вокругъ земли нашей въ такомъ же отстояніи, какъ наше солнце.

А н д р е й.

Хорошо, батюшка; покерно васъ благодарю. Съ насъ будешъ и одного. Чѣмъ прогнѣвала васъ моя сестрица, что вы хошите пожечь у нее на лицѣ лиліи? Нынѣшняя Арабка самаго лучшаго агаповаго цвѣша была бы тогда въ сравненіи съ бѣдною моею сестрицею немного желшоватою красавицею.

Н а д е ж д а.

А такимъ щеголямъ, какъ мой братецъ, которые шляпу держашъ прошивъ солнца, вмѣсто того, чтобы попросу надѣшь ее на голову, сколько бы надобно было тогда рукъ и шляпъ, чтобы со всѣхъ сторонъ зацципиться отъ жара?

Г. Любомудровъ.

Но естли всѣ эти солнцы, находясь отъ насъ въ такомъ отстояніи, не могутъ намъ сообщать ни теплоты, ни свѣта;

свѣта; естли, будучи къ намъ ближе, онѣ по вашему смѣшному пснатию сдѣлали бы только нашихъ прѣрасныхъ дамъ Арабками и привели бы въ замѣшательство бережливыхъ щеголей, а по моему нѣскольکو основательнѣйшему опасенію сожгли бы въ минушу всю землю; естли, не въ досаду нѣкоторымъ Философамъ, сотворены онѣ не для того единственно, чтобы веселить наше зрѣніе: то не уже ли тщетно разсыпаны онѣ по вселенной съ такою величественною разпочисельностію?

Надежда.

Это самое приводитъ меня въ недоумѣніе.

Андрей.

Подумаемъ шперь снова. Естли солнце сотворено единственно для того, чтобы сообщать свѣтъ и шеплошу Планетамъ, и естли звѣзды подлинно солнца, то имъ также надлежитъ имѣть свои планеты, чтобы ихъ согрѣвать и освѣщать.

Г. Любомудровъ.

Такое заключеніе назову я философическимъ.

А н д р е й (сѣ усмѣшкою).

Видишь, сестрица?

Н а д е ж д а.

Но не уже ли, дядюшка, всѣмъ этимъ
солнцамъ дадимъ мы Планеты?

Г. Любомудровъ.

Когда каждое изъ нихъ въ особенно-
сти подлинно сотворено для освѣщенія
Планетъ, то ты конечно чувствуешь,
что онѣ и всѣ вообще для того сотво-
рены.

А н д р е й.

Безъ сомнѣнія. Что бы намъ было
въ тѣхъ, которыя бы ничего не освѣща-
ли? Это бы было похоже на то, естли
бы въ большой холодѣ развесити огонь и
не велѣть никому подходить къ нему.

Г. Любомудровъ.

Или естли бы въ пустой улицѣ,
куда ни одинъ человекъ не ходитъ, за-
жечь фонари, только для того, чтобы
представить освѣщенную перспективу жи-
вущимъ въ сосѣднихъ улицахъ.

А н д р е й.

По порядку, батюшка, по порядку!
Нѣтъ солнца безъ Планетъ — хорошо;

но надобно, чшобы не было и Планетъ безъ солнца.

Г. Любомудровъ.

Хорошо, другъ мой. Есльи премудрость Творца нашего не произвела щещно ни одного солнца . . . .

Надежда.

То благоспъ Его конечно не могла оспавить и ни одной Планеты вѣ нещасной шемношѣ. Теперь я очень довольна.

Андрей.

И я также. Теперь вижу, какъ все одно съ другимъ согласуешя. Около нашего солнца ходяшѣ Планеты, а около Планетъ спутники ихъ; и шакъ, есльи другъ мой Сиріусъ ешь солнце, то около его ходяшѣ Планеты съ своими спутниками, равно какъ и вокругъ каждаго солнца.

Надежда.

Я уже не спрошу васъ, для чего мы, видя солнца, не видимъ Планетъ: я помню еще свѣчу и деревню.

Андрей.

Память швоя дѣлаешѣ мнѣ услугу. Теперь я нѣсколько опомщенѣ. Есльи онѣ

онѣ насѣ не видяшѣ, то и мы не удостоиваемѣ ихѣ этой чести, — и мы не видимѣ ихѣ. Хорошо, государи мои, не показывайтесь намѣ! За то миѣ не надобно вамѣ кланяться.

Г. Любомудровъ.

Я не думалѣ бы, чшобы ты такѣ много занимался чинами.

Надежда (кланяясь).

А я, не смотря на то, хочу имѣ опдаться небольшой поклонѣ.

Андрей.

Что ты дѣлаешь, сестрица? Имѣ надобно прежде поклониться намѣ, за то что мы имѣ такѣ хорошо услужили.

Г. Любомудровъ.

Вѣ самомѣ дѣлѣ. Ну, не потчасѣ ли мы увѣрились, что солнцы, кошорыя, кажется, такѣ близки одно кѣ другому, находяшся между собою вѣ величайшемѣ разстоянїи? Надобно, чшобы мїрамѣ ихѣ было просторно. Вы чувствуете, какое великое пространство потребно для великихѣ движенїй солнечной Системы.

Андрей.

А н д р е й.

Намъ легко судишь объ эпомъ по своей Системѣ.

Г. Любомудровъ.

Эпо будетъ самое лучшее сравненіе. Однакожь понялъ ли ты, какъ велико должно быть эпо пространство и не изумляешь ли оно тебя?

А н д р е й.

Меня, бапюшка? Нѣтъ. Послѣ того, какъ вы изъяснили мнѣ безчисленное отдаленіе звѣздъ, я съ такимъ же страхомъ пойду на самой конецъ солнечной Имперіи, съ какимъ бы смѣлой Кукъ, объѣхавъ вокругъ земли, сѣлъ на лодку, чтобы переплыть черезъ Москву рѣку.

Г. Любомудровъ.

Думаю, что Надежда не такъ смѣла.

А н д р е й.

О! сестрица моя столько привязана къ землѣ, что не осмѣлился подняться такъ высоко.

Н а д е ж д а.

Какъ же, братецъ! Развѣ я не читала вмѣстѣ съ тобой, что отъ Планеты

меты Гершеля до солнца будетъ шесть сотъ пятьдесятъ милліоновъ миль? Правда, что она самая послѣдняя.

А н д р е й.

Хорошо; но если ты шутъ остановишься, то я могу еще показать тебѣ дальнѣйшія мѣста.

На д е ж д а.

А какъ же, братецъ?

А н д р е й.

Знаешь ли, что у Юпитера и Сатурна есть спутники или луны, которыя освѣщаютъ ихъ свѣтомъ заемнымъ отъ солнца, чтобы нѣкопорымъ образомъ увеличить потъ слабой свѣтъ, которой они получающъ отъ эпова свѣтила? Гершель ихъ гораздо далѣе. И такъ вѣроятно, что у него есть также спутники, намъ неизвѣстные и можеть быть еще многочисленнѣйшіе. И если послѣдній изъ этихъ спутниковъ находится позади своей Планеты, то вѣдь онъ уже гораздо далѣе отъ насъ? Теперь я на границѣ міра.

Г. Любомудровъ.

Ахъ, другъ мой! хотя бы мнѣ и не хотѣлось уменьшишь славы швоей, одна-
кожь

кожъ я долженъ сказать тебѣ, что ны
еще далеко стѣ этой границы.

А н д р е й.

А что же видите вы еще за шѣмъ
мѣшомъ, гдѣ я остановился?

Г. Любомудровъ.

Можетъ быть другія Планеты, намъ
еще неизвѣстныя. Но будемъ говорить
только о той, которая открыта.

А н д р е й.

Хорошо, батюшка. Я готовъ слу-
шать.

Г. Любомудровъ.

Развѣ ты забылъ Кометы, кошо-
рыхъ печеніе вокругъ солнца свершается
въ нѣсколько вѣковъ?

А н д р е й.

Правда, батюшка; я было совсѣмъ
забылъ ихъ.

Г. Любомудровъ.

Я не буду говорить тебѣ о Кометѣ
1769 года, которой печеніе совершается,
какъ думаютъ, въ пять сотъ лѣтъ;
шѣмъ менѣе о Кометѣ 1680 года, кото-
рая

рая свершаетъ путь свой по миѣннѣю Астрономѣ въ пять сотѣ семдесятъ лѣтѣ. Будемъ говорить только о той, которая въ первой разѣ была примѣчена въ 1264 году и по томѣ въ 1556; которую ожидаютъ въ 1848 году, и которая свершитъ все теченіе въ 292 года.

А н д р е й.

Довольно и этова, думаю.

Г. Любомудровъ.

Изъ того пункта, въ кошоромѣ она бываетъ къ солнцу ближе, нежели во всѣхъ иныхъ, отправимъ ее въ путь, кошорой она совершаетъ почти въ триста лѣтѣ, и раздѣлимъ это число на двое, опложивъ половину на ея удаленіе, а другую на возвращеніе. И такъ около 150 лѣтѣ употребляетъ эта Комета на опхожденіе ошѣ солнца.

А н д р е й.

Это очень ясно; пошому что Гершель только въ 82 года обходитъ свой путь — разность велика.

Г. Любомудровъ.

Гораздо еще болѣе, нежели ты думаешь; пошому что движеніе Кометѣ бываетъ

васть не таково, какъ движеніе Планетъ ш. е. Эллипсою, едва отличною отъ совершеннаго круга, почему бы онѣ всегда были почти въ одинакомъ отстояніи отъ солнца. Оно бываетъ Эллипсою весьма продолговатою, что всякую минушу увеличиваетъ ихъ отдаленіе, пока доходятъ онѣ до того пункта своего криваго пути, откуда солнце принуждаетъ ихъ опять идти къ нему по чертѣ противоположной. Но въ этой столь удаленной точкѣ, въ которой однакожь онѣ покоряются власти солнца, всегда на нихъ дѣйствующаго, онѣ должны быть еще далѣе отъ солнцевъ міровъ сосѣдственныхъ; иначе бы ближайшее солнце принудило ихъ вступитъ въ свою область. И такъ надобно, чтобы за такимъ отдаленіемъ, до котораго Комета доходитъ только во 150 лѣтъ, оставалась еще пространная пустота, служащая границею между тою Системою, отъ которой она зависитъ, и между ближайшею съ этой стороны. Отнеси эту мѣру ко всѣмъ другимъ мірамъ, и почувствуй, если можешь, какъ велико должно быть пространство каждаго изъ нихъ.

Гж. Тихова.

Но развѣ ты, братецъ, полагаешь, что всѣ они такъ велики, какъ нашъ?

Г. Любомудровъ.

Подумай только объ этомъ такъ, какъ Философу думать должно. Какъ осмѣлился человѣкъ утверждать, что область солнца его есть самая пространнѣйшая, когда онъ самъ занимаетъ въ ней только самомалѣйшую часть? Ходъ гордости его довольно чудесенъ. Когда онъ почиталъ всѣ небесныя тѣла сотворенными для него одного, тогда старался онъ отъ вѣка до вѣка увеличивать ихъ; а нынѣ, когда Астрономія доказала, что онъ ему чужды, онъ хочетъ всячески уменьшить ихъ пространство.

Гж. Тихова.

Я не могу ничѣмъ опровергнуть твоего разсужденія; но это ужасное пространство приводитъ меня въ замѣшательство, которое, можетъ быть, ты еще увеличишь. Сколько полагается звѣздъ?

Г. Любомудровъ.

Самые вѣрнѣйшіе и точнѣйшіе Наблюдатели сочли ихъ на нашей Гемисферѣ болѣе

болѣ трехъ тысячъ, а на противоположной десять тысячъ.

Гж. Тихова.

Боже мой! принащать тысячъ солнцевъ? принащать тысячъ міровъ во вселенной?

Г. Любомудровъ.

А звѣзды, едва въ телескопъ усматриваемыя — тѣ, которыя открылъ бы намъ эпошъ инструменшъ, будучи совершеннѣе — тысячи звѣздъ, собранныхъ въ эшихъ маленькихъ облачкахъ, которыя пушъ видны, и которыя называли туманными, и еще въ тѣхъ, которыя усматриваютъ только съ помощію трубъ — миллионы звѣздъ, заключенныхъ во млечномъ пуши . . . Знаю, что такая многочисленность міровъ ужащаетъ воображеніе. При видѣ высокой горы человекъ ощущаетъ тайной ужасъ; мысль о пространствѣ земли изумляетъ его; океанъ и его глубины приводятъ его въ трепетъ: но что же весь эпошъ шаръ въ сравненіи съ горящею массою солнца, которая въ 1400000 разъ болѣе его? А что же будетъ и все пространство, занимаемое огромнымъ солнцемъ, въ сравненіи съ тѣмъ пространствомъ, въ ко-

поромъ плавающъ подвласныя ему шѣла? Но еспьли и само оно — въ то время, какъ его Планеты, окруженныя своими спутниками, ходящъ около его — вращается вмѣстѣ съ другими солнцами, провождаемыми подобно ему своею свисою, около другаго шѣла, сильнѣйшаго всѣхъ ихъ?

Гж. Тихова.

Какъ! наше солнце и солнца всѣхъ міровъ ничто иное, какъ Планеты, блудящія по небесамъ? Однакожь, брашецъ, не одно ли швое воображеніе такъ странствуетъ?

Г. Любомудровъ.

А что скажешь ты, еспьли эшо чаяніе предложено Галлеемъ, достойнымъ предшественникомъ великаго Ньютона, поддерживаемо Господиномъ Ламбертомъ, величайшимъ Геометромъ нашего вѣка, сдѣлалось мнѣніемъ самыхъ лучшихъ нынѣшнихъ Астрономовъ, на прим. Господъ де ла Ланда и Бальи, и мудраго, глубокаго и благочестиваго Разсмашривашеля Нашуры, Воннеша Женевскаго?

Гж. Тихова.

Такія великія имена конечно вселяютъ въ меня почтеніе; но на чемъ основывается это мнѣніе?

Г. Любомудровъ.

Движеніе обращенія вокругъ себя, которое примѣтили въ солнцѣ, могло бы одно сдѣлать его върояпнымъ. Натура сообщила это движеніе всѣмъ тѣламъ, ходящимъ кругомъ около сильнѣйшаго тѣла, ими управляющаго. Она сообщила его спутникамъ, заставя ихъ ходить вокругъ Планетъ своихъ; она сообщила его Планетамъ, заставя ихъ ходить вокругъ солнца: — не уже ли она, будучи въ великихъ законахъ своихъ проста, единообразна и постоянна, сообщила его солнцу тщетно, оставя его пребывать на одномъ мѣстѣ? Всѣ планеты вращаются около себя въ движеніи, несущемъ ихъ вокругъ солнца, чтобы постепенно принимать отъ него тепло во всѣ свои части; а какъ и солнце вокругъ себя вертится, то необходимо ли и оно вокругъ высочайшаго тѣла?

Гж. Тихова.

Это чаяніе кажется мнѣ столько еспешвеннымъ и важнымъ, что я желала

бы утвердить его на нѣкоторыхъ наблюденіяхъ.

Г. Любомудровъ.

Такъ будь же удовольствована. Утверждено уже движеніе трехъ величайшихъ звѣздъ: Сиріуса, Арктуруса и Алдебрана. Весьма вѣрно доказано, что Арктурусъ всякой годъ, подвигаясь къ югу, проходитъ болѣе девяноста милліоновъ миль. По шому ужасному отдаленію, въ какомъ находятся отъ насъ самыя ближайшія звѣзды, переходъ ихъ бываетъ едва примѣненъ черезъ нѣсколько лѣтъ; и такъ не лзя ли повѣрить, что гораздо отдаленнѣйшія звѣзды могутъ такъ же подвигаться и при томъ совсѣмъ непримѣнно для глазъ нашихъ, развѣ нѣсколько вѣковъ сряду будутъ наблюдать ихъ?

Гж. Тихова.

Когда движеніе трехъ большихъ звѣздъ такъ вѣрно, то я не могу тебѣ въ разсужденіи этого ничего возразить. Понимаю, по своему разсужденію, и то, что малѣйшія звѣзды могутъ двигаться, хотя переходъ ихъ, по великому ихъ отдаленію, и долго не будетъ примѣтенъ. Но не довольно ли и того въ доказательство неизмѣримости вселенной, что

что нѣкоторыя звѣзды обшекаютьъ такою кругъ, котораго пространства не можешь представить воображеніе? Начто хошите вы, Астрономы, нарушать покой прочихъ?

Г. Любомудровъ.

Для того, что въ прошивномъ случаѣ мы оскорбили бы Нашуру. Чтобы признашь ея премудрость, надлежало согласиться, что естли звѣзды подлинно солнцы, подобныя нашему, и естли одно изъ нихъ, такъ какъ наше, управляетъ планетнымъ міромъ, то и другимъ надлежитъ производишь такія же дѣйствія: не припищешь ли ей теперь страннаго непостоянства, давая нѣкоторымъ звѣздамъ движеніе, а другія, точно такія же, оставляя неподвижными? Но остерегись, сестрица: покой, которой ты только по слабости даешь имъ, ест для нихъ ужасное разрушеніе.

Гж. Тихова.

Ты ужасаешь меня, брашець!

Г. Любомудровъ.

Посреди всѣхъ солнцевъ, пребывающихъ въ совершенной недвижимости, предположимъ только одно въ движеніи. По-

добно завоевашелю, копорой проходитъ безъ всякаго безпорядка собствєнныя свои области, спремясь опустошашь чужія, --- оно идетъ сперва мирно по своей Имперіи. Но на первыхъ границахъ сосѣдственнаго міра, имѣ находимаго, оно поглотитъ въ свою огненную массу всѣ Планеты этой Системы, по мѣрѣ углубленія своего въ ея предѣлы, и скоро пришетъ къ неподвижному престолу ограбленнаго имѣ солнца, чптобы пожрать его самаго. Отъ эпова разрушится равновѣсіе всеобщей машины. Какъ другимъ Системамъ, державшимся равностію силъ своихъ, прошивишься грабишелю, усиленному похищеннымъ міромъ и спремящемуся съ новою силою въ своемъ печеніи? Подобно какъ пламенная печь пришьгиваетъ легкую солому, оно вовлечетъ въ рѣку пламени своего всѣ міры, копорые попадутся ему на пуши его. Оно будетъ возжигашь пожаръ за пожаромъ — будетъ блудящею печью всей вселенной.

Г ж. Тихова.

И такъ возвратимъ поскорѣ движєніе всѣмъ солнцамъ, копорыя было остановила безразсудность моя; а особливо нашему — какому было ужасному неща-

ща-

щасію я подвергла его! — Ахъ! боюсь шеперь, чшобы его печеніе не замедлилось опъ большой шягосши свиты его.

Г. Любомудровъ.

Успокойся, сесприца. Сила его соразмърна массѣ шѣлѣ, кошорыя оно влечетъ сѣ собою. Земля, будучи шолько вѣ шестидесятъ разѣ болѣе луны, принуждаетъ ее итши за собою; Сатурнѣ ведетъ сѣ собою кольцо свое и спутниковѣ; опъ Юпитера шакже никогда не опстаютъ спутники его. Ештли Планеты своею главною массою принуждаютъ шѣла свиты своей провождать ихъ вѣ обращеніи около солнца, то солнце массою своею, гораздо большею массѣ всѣхъ Кометѣ, Планетѣ и всѣхъ спутниковѣ вмѣстѣ, конечно можетъ ихъ вести за собою вѣ печеніи около великаго свѣшила, превышающаго его своимъ могуществомъ.

Гж. Тихова.

И шакъ господинѣ шакого числа невольниковѣ и самѣ ешть ничшо иное, какъ невольникѣ?

Г. Любомудровъ.

Какъ ни опредѣляй движеніе его, но надобно необходимо, чшобы оно ходило

вокругъ высочайшаго шѣла, средоточія круга его, подобно какъ и само оно есть средоточіе круговъ всѣхъ подвластныхъ ему шѣлъ. Это непремѣнной законъ, которому слѣдуешь Натура во всей Системѣ вселенной. Кометы, шѣ звезды, которыхъ печеніе по нашимъ понятіямъ есть самое неправильнѣйшее, подвержены ему въ самомъ большемъ своемъ удаленіи. Приближаясь почти по прямой линіи къ концу своей Эллипсы, онѣ всегда обтекаютъ кругъ, показанной имъ около солнца.

Гж. Тихова.

По этому для каждаго солнца надлежало сошворить превосходнѣйшее шѣло, чшобы солнцу ходить около его?

Г. Любомудровъ.

У Натуры много лучшихъ средствъ. Многія Планеты съ своими спутниками ходятъ вокругъ одного солнца; многія солнца съ Планетами своими могутъ ходить вокругъ одного превосходнѣйшаго шѣла, и многія превосходнѣйшія вокругъ одного еще превосходнѣйшаго. Эта постепенность Системъ шѣлъ превосходнѣйшихъ, умножаяся величиною и уменьшаяся

яся числомъ, окончается центральнымъ всеобщимъ шѣломъ, на которомъ конечно находится преспелъ высочайшаго Существа, обнимающаго однимъ взоромъ все чудесное Свое швореніе.

Гж. Тихова.

Но при такомъ непоняномъ множествѣ движеній и кругомеченій, какъ предупредишь безпорядокъ?

Г. Любомудровъ.

Такъ какъ эпошѣ славной Адмиралѣ, повелѣвавшій самымъ многочисленнымъ флотомъ. Онѣ состоялѣ изѣ шрехѣ дивизій, составленныхъ изѣ многихъ линейныхъ кораблей, множества фрегатовѣ и безконечнаго числа купеческихъ судовѣ съ шалупами. Однажды захошѣлѣ онѣ сдѣлать общую эволюцію. Онѣ приказалѣ шремѣ Вице-Адмираламѣ ишши на своихъ большихъ корабляхѣ вѣ большомѣ кругѣ около его корабля. Каждой изѣ Вице-Адмираловѣ давалѣ одинѣ приказѣ всѣмѣ линейнымъ кораблямѣ своей дивизіи, каждой линейной корабль многимѣ фрегатамѣ, каждой фрегатѣ многимѣ купеческимъ судамѣ, и каждое купеческое судно всѣмѣ своимѣ шалупамѣ. Имѣ надле-

лежало заняшь великое просиранство, чтобы свободно производить въ дѣйство всѣ повелѣнія, которыя исполнялись съ спрожайшею точностію. Эта эволюція безъ сомнѣнія казалась весьма мудреною послѣднимъ купеческимъ кораблямъ; они видѣли только спранныя и безпорядочныя движенія между всемъ множествомъ плавающихъ шѣлъ. Однакожь ты видишь, сестрица, что она была очень проста. Адмиралу надлежало дать только одинъ приказъ, одинъ знакъ. Шалупамъ надобно было идти только въ разномъ разстояніи вокругъ cadaго изъ купеческихъ кораблей, отъ которыхъ онѣ зависѣли; купеческимъ кораблямъ вокругъ cadaго фрегата, фрегатамъ вокругъ cadaго линейнаго корабля, линейнымъ кораблямъ вокругъ своего Вице-Адмиральскаго, а Вице-Адмиральскимъ вокругъ корабля великаго Адмирала.

Гж. Тихова.

Это сравненіе изъясняетъ мнѣ всю Систему вселенной. Но какъ можно понять эту постепенность превосходнѣйшихъ шѣлъ, для которыхъ огромная величина солнца есть только посредственная мѣра?

Г. Любо-

Г. Любомудровъ.

Развѣ швое воображеніе не сдѣлало уже смѣлѣйшаго шага, вознесясь до ужасной величины самаго солнца, неоспоримо нынѣ доказанной? Это свѣпило, которое древніе почитали нѣскольکو менѣе луны, а земли уже и несравненно менѣе — это свѣпило могло бы составить болѣе 1400000 земныхъ шаровъ, или болѣе 80000000 шаровъ лунныхъ. Какая же поспешность величины можешь теперь остановить себя? Если всякое новое заблужденіе, изъ котораго чловѣкъ выходитъ, просвѣщаетъ его разумъ; если каждая новая степень слабости, которую замѣчаетъ онъ въ своихъ органахъ, возвеличиваетъ его духъ: то для чего же бояться ему дать благороднѣйшее печеніе своему духу и разуму? Прежде употребленія микроскопа, не ограничивалъ ли онъ живошную Натуру послѣднимъ насѣкомымъ, которое могъ онъ еще видѣть глазами? Сколько миллионовъ шварей видѣтъ онъ нынѣ завшимъ насѣкомымъ? Въ каплѣ настоенной воды, которая кажется совсѣмъ прозрачною, видѣтъ онъ море, населенное своими кишками; часть плѣсни какого нибудь плода представляешь ему покрывша

лѣсами горы, копорыя для жишелей ея по же, что для насѣ Альпійскія горы, скрывающія въ облакахъ главу свою. Онѣ видятѣ шакихѣ малыхѣ живошныхѣ, копорыхѣ бышя совсѣмѣ онѣ не подозрѣвалѣ, поядающихѣ другихѣ еще малѣйшихѣ живошныхѣ; видятѣ въ нихѣ органы, спосебныя ко всѣмѣ ихѣ нуждамѣ; видятѣ ихѣ наполненныхѣ тысячами яицѣ, готовыхѣ вылупиться и шѣмѣ размножиться до безконечности родѣ ихѣ. Ештли же у него, пораженнаго такимѣ чудеснымѣ зрѣлищемѣ, выпадетѣ микроскопѣ: шо пусть возметѣ онѣ телескопѣ, и въ первой разѣ усмошритѣ на небесахѣ безчисленное множество неизвѣстныхѣ звѣздѣ, за копорыми скрывается еще въ тысячу разѣ превосходящѣе число другихѣ, коихѣ онѣ никогда не увидитѣ. Гдѣ же теперь въ дерзости своей осмѣлится онѣ ограничить швореніе? Ештли время безконечно для Вѣчнаго, шо почему же пространству и матеріи быть конечными для Всемогущаго? Развѣ одно другаго менѣе досшойно славы Его? Вѣки, копорые мы можемѣ изчислить, въ разсужденіи всей вѣчности сущѣ, можетѣ быть, шо же, что пространства, занимаемыя усмашриваемыми нами милліонами міровѣ, въ разсужденіи пространства безконечности.

Гж. Тихова.

Ахъ, братецъ! какое высокое понятие сообщаешь ты мнѣ о верховномъ Существѣ!

Г. Любомудровъ.

Ты удивляешься только могуществу Его въ числѣ и величинѣ огромныхъ шблб, наполняющихъ вселенную; но какая премудрость, гораздо еще чудеснѣйшая, является въ томъ равновѣсїи, въ которомъ содержатъ ихъ вѣчное согласіе ихъ движеній! Обозри сперва нашу солнечную Систему. Кромѣ семи Планетъ и спутниковъ ихъ, которыя пропекаютъ ее всегда въ ненарушимомъ порядкѣ, посмотри на шестьдесятъ или болѣе Кометъ, которыя круговращаются въ ней во всѣ стороны, и которыхъ всѣ темные шаги ознаменованы. Какое множество ихъ еще не примѣчено нами! Геометрія доказываетъ, что, по формѣ круговъ ихъ, миллионъ такихъ шблб можетъ ходить около солнца безъ всякаго помѣшательства въ своемъ печенїи. Вознесись теперь на крылахъ мысли — пролети всѣ міры, въ которыхъ царствуетъ одинакая гармонія — повергнись у подножія престола великаго Творца, чтобы

бы возрѣшь на ихъ всеобщее теченіе. Такая благородная дерзость будетъ честію, воздаваемою славѣ Его. Лучь ока Его освѣщаетъ тебя. О какое великолѣпное зрѣлище открывається вдругъ глазамъ твоимъ! Звѣзды, которыя отсюда казались тебѣ только неподвижными свѣтильниками, являюся солнцами во всемъ своемъ величіи, въ пишинѣ пекущими со всѣми своими Планетами вокругъ величайшихъ солнцевъ, влекущихъ ихъ съ собою вокругъ другихъ солнцевъ, еще славнѣйшихъ. Какія точныя соразмѣрности между всѣми Провинціями, всѣми Имперіями и всѣми небесными мірами! какое величіе въ правленіи, и въ самой подчиненности! какъ всѣ круги совокупаются безъ всякаго замѣшательства! Какая же могущественная невидимая цѣпь соединяетъ всѣ части безконечнаго цѣлаго? Великій Ньютоуъ открылъ ее намъ. Одна сила взаимнаго влеченія сообщена Творцемъ всѣмъ тѣламъ. Совокупленная съ движеніемъ, полученнымъ тѣлами однажды навсегда при исхожденіи изъ Творческихъ рукъ Его, и размѣренная по соотношенію массъ и разстояній, она есть всеобщій дѣйствователь Натуры. Она стремится соединить все то, что бы

двиг-

мленнаго ими на великолѣпную картину, которую представили имъ. Однакожь Г. Любомудровъ, бояся, чпобы онъ по скорости его рѣчей чего нибудь не забыли, на другой день поштру описалъ на память два разговора прошедшаго вечера. Надежда и Андрей нѣсколько разъ прочисали ихъ. Г. Любомудровъ общалъ имъ послѣ дашь всѣ нужныя объясненія, какія шолько могутъ онъ пожелашь въ разсужденіи *привлекательности*, изъясня имъ движеніе земли вокругъ солнца и движеніе луны вокругъ земли.

НЕПОСТОЯНСТВО.

Зефирень — говоритъ почтенной Ami de l'Adolescence — получилъ отъ природы хорошую память, разумъ острый и проницательной, воображеніе живое, дѣятельное и плодотворное. Кажется, что судьба хотѣла увѣнчать сіи драгоценныя дарованія, давъ ему такихъ родителей, которые по всей своей возможности старались обрабатывать щасливыя природныя способности сына своего. Весьма скоро понималъ онъ всѣ начала первыхъ наукъ, и сверхъ того чувствовалъ уже сильное желаніе учиться такъ называемымъ пріятнымъ искусствамъ.

Однажды, пришедши вгости къ своему пріятелю, засмалъ онъ его рисующаго Римскую голову. Великой характеръ сей головы весьма пронулъ его. Всѣ черты ея, которыя пріятель его оспѣнивалъ на бумагѣ, оживлялись у него въ воображеніи. Увидѣвъ еще нѣсколько подобныхъ рисунковъ, прибитыхъ на стѣнахъ въ кабинетѣ, пришелъ онъ въ такую живую восторгъ, какой долженъ былъ

чувствовать Рафаель, когда в первый раз дали ему карандашъ.

Онъ побѣжалъ домой, и встрѣпивши отца своего на крыльцѣ, бросился къ нему на шею, и просилъ его поспѣшнѣе сыскать ему учителя рисованія. Отецъ его, обрадованной такою сильною охотою, согласился исполнить его прозбу, и пошелъ съ нимъ вмѣстѣ къ самому славнѣйшему. Зефирень хотѣлъ бы, чтобы онъ оставилъ всѣхъ своихъ учениковъ, и только бы имъ однимъ съ утра до вечера занимался. Но какъ онъ не могъ его склонить на такую жертву, то по крайней мѣрѣ наспоилъ въ томъ, чтобы онъ всякой день училъ его часа по два. Ему не понятно было, какъ люди всякой минушны жизни своей не употребляютъ на изученіе такого важнаго искусства.

Учителю надлежало быть къ нему на другой день. Не скажу вамъ, сколько фигуръ начертилъ онъ въ томъ вечерѣ. Всѣ шепради его были покрышы характерными головами. Вы конечно проспите ему, что съ перваго раза не могъ онъ соблюсти той правильности, которая бываетъ знакомъ долговременнаго упражненія въ рисованіи. На примѣрѣ, у иной головы одинъ глазъ былъ пре-

вели-

великой, а другой маленькой; носъ выходилъ иногда на срединѣ лба, а ухо опсправлялось подслушивать ропъ, или ропъ, миновавъ всю округлость щеки, шелъ грызть ухо. Но кромѣ шакихъ небольшихъ ошибокъ, чершежи его были шакъ чисты, какъ шолько можно было думатьъ.

Онъ самъ сшилъ прешолстую шешрадъ изъ самой большой бумаги, какую шолько можно было сыскашь въ городѣ. Скоро все сіе прешранство спало шѣсно для помѣщенія неизчислимага количества глазъ, ушей, рукъ и ногъ, кошорыя рисовалъ онъ подъ руководствомъ своего училея. Инвалидной домъ нашелъ бы шупъ прекрасные образцы для всѣхъ шѣхъ членовъ, кошорыхъ лишены почтенные жилели его. По природной неперпѣливости своей не много сучалъ онъ единообразіемъ сихъ упражненій, кошорыя со всею шочношю надлежало ему продолжашъ, чшобы нашвердить руку свою. За то, оставшисъ одинъ, награждалъ онъ сучную медленность такого порядка, сосшавляя въ мысляхъ своихъ уже большія каршины. На чердакѣ выбѣлили сшѣны: ему вздумалось на нихъ изобразить Римскую Ишторію, кошорую

онъ тогда прочиталъ. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ восемь дней онъ начертилъ углемъ презрѣдное собраніе Трибунскихъ головъ, бюстовъ славныхъ Консуловъ, Дикшаторовъ пѣшкомъ, Императоровъ верхомъ; и я увѣренъ, что если бы имена подписать подъ фигурами, дабы сдѣлать ихъ совершенно похожими: то Аншикваріусъ конечно бы нашелъ тайну сочинить на сію галерею множество важныхъ примѣчаній.

Онъ предпринялъ начертать въ такомъ же духѣ ходъ Исторіи нашей Монархіи; но черезъ нѣсколько дней слуги стерли всю работу его, увѣряя, что сіи Римскіе Герои пугаютъ кошекъ, ни мало не устрашая мышей. Такое несчастіе не много ослабило склонность его; а досада видѣть себя еще весьма далеко отъ пріятеля своего, котораго онъ надѣялся перегнать въ самые первые уроки, еще болѣе отвратила его отъ рисованія. Скоро уже сталъ онъ бояться замарать руки свои карандашемъ, и, чиня его, изломать свой ножичекъ. Учителю его, которому сперва такъ трудно было умѣрять его ревность, стало тогда еще гораздо труднѣе возобновлять ее. Напрасно рассказывалъ онъ ему чудесныя дѣйствія живописи и зани-

мателъные анекдоты изъ жизни великихъ Аршисповъ. Онъ привелъ къ нему одного молодого ученика, возвратившагося изъ Рима, и заставилъ его рассказывать Зефиреню красоты тѣхъ великихъ картинъ, которыя онъ разсматривалъ въ Италіи. Сей ученикъ, изъясняя свое удивленіе, употреблялъ Италіянскія слова, которыя по его мнѣнію могли скорѣе, или лучше выразить мысль его. Лишь только сіи звуки, новые для ушей нашего Зефиреня, были имъ услышаны, онъ вдругъ разсудилъ, что гораздо пріятнѣе говорить живымъ языкомъ, нежели рисовать головы, которыя, какъ бы ни были онъ *выразительны*, никогда говорить не могутъ. Тотчасъ побѣжалъ онъ сообщить такое разсужденіе отцу своему, которой съ сожалѣніемъ видѣлъ его отъказывающагося отъ сего пріятнаго искусства, которому прежде желалъ онъ учиться съ такою сильною охотою; но онъ не хотѣлъ прошивиться сей новой охотѣ, и на другой день, вмѣсто учителя рисованія, пришелъ къ Зефиреню учитель Италіянскаго языка.

Надобно отдать ему ту справедливость, что успѣхъ и твердость его въ первые дни были весьма велики. Прони-

цательность его побѣждала всѣ трудности Грамматики. Онѣ влюбился въ сей пріятной и гармонической языкѣ, и безпрестанно говорилѣ имѣ со всѣми людьми въ домѣ, не думая, понимаютѣ ли они его. Повариху называлѣ онѣ *Vostra Signoria*, а приворопника *Сог пію*. Ишалиянской переводѣ Телемека начиналѣ онѣ понимать такѣ же, какѣ и подлинникѣ. Когда искалѣ онѣ въ библиотекѣ опца своего книгу труднѣйшую, попался ему въ руки Гишпанской *Донѣ Кишотшѣ*. *Донѣ Кишотшѣ*, другѣ первыхѣ его упражненій въ чпеніи! О какѣ бы пріятно было чувствоватѣ всю соль удивительныхѣ пословицѣ его простосердечнаго конюшаго на природномѣ языкѣ ихѣ! Стоялѣ ли важныя Меншоровы разсужденія оспрыхѣ Санжиныхѣ опвѣшовѣ? И Калипса, оспавленная Улиссомѣ, не смотря на всѣ пріятности очарованнаго оспрова ея, можешѣ ли насѣ такѣ заниматѣ, какѣ несравненная Дулцинея, для копорой любовникѣ ея опправился покорятѣ Царшва? Такое предпріятіе пребовало мужества. Надлежало безпрестанно сражатѣся съ неизвѣстными словами, подобно какѣ рыцарѣ Печальнаго Образа сражался со spadaми и вѣпренными мѣль-

ни-

ницами. Однакожь онѣ вышелѣ изѣ сей первой компаніи съ такою же славою, какѣ и Рыцарь. Но — сказать ли вамѣ? еще прежде, нежели Герой во второй разѣ оставилѣ Манху, Зефирень оставилѣ Гишпанской языкѣ, чптобы приняться за Англійской, копорой опячь скоро промѣнялѣ на Нѣмецкой. Такимѣ образомѣ черезѣ годѣ изѣяснялся онѣ на чепырехѣ живыхѣ языкахѣ; но каждой зналѣ шакѣ мало, и шакѣ мѣшалѣ ихѣ вѣ своихѣ разговорахѣ, что надлежало для него составить Аудиторію изѣ депушатовѣ сихѣ чепырехѣ націй, копорые переводили бы другѣ другу шо, чпто бы каждой изѣ нихѣ вѣ несвязныхѣ его періодахѣ могѣ понять по опривкамѣ.

Искусство вѣ шѣлесныхѣ упражненіяхѣ придаетѣ, кажется, новую красочу обработанному разуму, и самыя пространнѣйшія знанія не могутѣ вѣ глазахѣ Публики извинить неловкости. Зефирень имѣлѣ вѣ томѣ непріятной опытѣ. Опецѣ его вѣ день своихѣ именинѣ давалѣ небольшой балѣ, на копоромѣ, не смотря на свою ученость, смѣшалѣ онѣ всѣ танцы. Онѣ захопѣлѣ учиться танцовашь по правиламѣ сего искусства. Но шолько лишь начали по-

казывать ему на менуша, вскружили ему голову анпрша. Во всякой урокѣ хопѣлъ онѣ учиться пому, чему точно не надлежало еще учить его. Всегда жадно желая того, чего еще не зналъ, и презирая то, что уже выучилъ, ничего не могъ онѣ порядочно удерживать въ своей памяти. Ему не было нужды до музыки; и когда играли менушѣ, онѣ начиналъ прыгать конпр-танцы — за что всѣ молодые дѣвицы называли его несноснымъ.

Желая какъ нибудь заслужить ихъ благосклонность, вознамѣрился онѣ учиться музыкѣ, чтобы аккомпанировать ихъ въ пѣніи, или на клавесинѣ. Но какимъ инструментомъ начать? Всего бы лучше учиться на всѣхъ вдругъ; но отецъ его не захотѣлъ уже сего и оставилъ ему только свободу избирать. Среди своихъ сомнѣній, рѣшился онѣ для опыта выбрать скрипку; и только черезъ шесть мѣсяцовъ вздумалось ему приняться за флейшу, когда онѣ уже изрядно началъ перебирать струны и съ легкостью управлять смычкомъ.

Между тѣмъ непоспоянство его мыслей и вкуса весьма огорчало отца его, хотя по ослабленію родительскаго сердца,

ца,

ца, приписывалъ онъ сей порокъ одной молодости его. Желая, чтобы сынъ его чрезъ наблюденія и опыты скорѣе возмужалъ въ душѣ своей, рѣшился онъ отправить его путешествовать по Европѣ. Зефиреню того и кошѣлось. Описанія путешественниковъ были для него всегда пріятнѣйшимъ чтеніемъ; и онъ тысячу разъ въ воображеніи своемъ переносился въ описанныя ими земли. Все то, что я, возвратясь изъ Англіи, рассказывалъ ему о благопріятномъ пріемѣ, котораго меня тамъ удостоили — картины, въ которыхъ я, изъ благодарности, представлялъ сію землю, славную своимъ земледѣльствомъ, фабриками и коммерціею; гдѣ наслаждающіяся столь прогательнымъ зрѣлищемъ, видя всѣ Королевскія и челоуѣческія добродѣтели сидящія на тронѣ, а вокругъ ихъ Красоту, Юность и Пріятности — письма къ достойнымъ друзьямъ моимъ, которыхъ ему я предложилъ: къ Господжѣ де ла Фишѣ, Господамъ Люку, Вилькесу и Гуштону, и фамиліи Бурней (*), которую

(*) Можетъ быть нѣкоторымъ пріятно будетъ узнать, что въ домѣ, въ которомъ

рую столь любитъ Природа, соединяя въ ней любезныя качества съ великими дарованіями — наконецъ усердное мое желаніе, мною передъ нимъ и передъ всѣми изъявляемое, чшобы сія нація была съ нашею въ мирѣ и соединилась шѣснымъ союзомъ, чшобы взаимно обогатиться свободно мѣною своихъ произведеній и знаній: — всѣ сіи изображенія и чувства, воспламеняя отъ природы жаркое и живое воображеніе его, возбудили въ немъ жела-

---

поромъ прежде жилъ Нютонъ, и въ кошоромъ еще и нынѣ находишь его Обсерваторія, живешь нынѣ Масъ Бурней, сочинительница *Эвелины и Сесилии*. Сіе жилище есть, кажется, храмъ великаго Духа, откуда, открывъ намъ прежде таинства великихъ движеній во вселенной, черезъ сто лѣтъ опять приходитъ онъ столь же ясно открыть намъ глубочайшія движенія сердца чловѣческаго.

Г. Докторъ Бурней, отецъ дѣвицы Бурней, извѣстенъ во всей ученой Европѣ по своей изящной *Исторіи древней и новой музыки*, въ кошорой пріятность слога и занимательность анекдотовъ соединяются съ остроумными идеями и полезными видами.

желаніе начать свое пушешествіе съ сего славнаго острова; и шрудно описать шу радость, которую произвело въ немъ наступленіе времени, назначеннаго для его спѣзда, подѣ предводительствомъ умнаго и привязаннаго къ его фамиліи гофмейстера.

Надобно прѣхать по симъ прекраснымъ дорогамъ Графства Кенпскаго, дорогамъ, усѣяннымъ хорошими деревнями и окруженнымъ богато обработанными землями, или пріятными садами, чтобы составишь себѣ понятіе о томъ впечатлѣніи, какое сдѣлалъ сей видъ въ сердцѣ нашего молодаго пушешественика. Быспроша его мыслей не отвѣщивовала еще всему шому, что являлось ему въ семъ послѣдствіи занимательныхъ картинъ. Важное зрѣлище шудолюбія возвышало душу его, а пріятные образа довольствія и плодородія вливали нѣжныя чувства въ его сердце. Безпрестанной воспоргѣ провождалъ его до самыхъ воротъ Лондона, въ которой вѣхалъ онъ ввечеру, и гдѣ представилися ему еще восхищительнѣйшіе по лѣпамъ его предметы: многочисленное спеченіе народа на пространныхъ улицахъ, вездѣ освѣщенныхъ. Въ первые дни послѣ своего при-

прибытія осматривалъ онъ разныя части сего пышнаго города. Великолѣпіе публичныхъ мѣспъ, украшающихъ его съ одной стороны; безчисленное множество кораблей, представляющихъ въ другомъ концѣ на величественной рѣкѣ, мчащей мимо его струи свои; гордая громада мостовъ, черезъ нее идущихъ и въ великолѣпномъ видѣ смыкающихся съ окрестностями города; внутри блестящее украшеніе лавокъ — сіи широкіе ходы для пѣшихъ, гдѣ всегда видишь себя окруженнаго двумя прелестнѣйшими предметами одушевленной Природы: прекрасными дѣтьми и женщинами, украшенными прохладностію и чистотою прострой, но хорошей одежды — — какія чувства всѣ сіи красоты должны были въ первой разѣ возбудить въ пламенномъ и удобномъ къ восторгу сердцѣ, когда онъ болѣе года были безпреспаннымъ предметомъ моего удивленія, и когда онъ и по сіе время представляющія памяти моей еще въ такихъ живыхъ образахъ!

Зефирень не чувствовалъ такъ долго ихъ впечатлѣнія. Удовлетворивъ алчному своему любопытству, ощущалъ онъ только скуку и непріятность пресыщенія. Гофмейстеръ его, примѣтя сіе, предложилъ

жилъ ему обѣхать примѣчательнѣйшія мѣста провинцій. Чрезмѣрно обрадованной Зефирень, вмѣсто всякаго отвѣта, просилъ его тотчасъ послать за почтовыми лошадьми, чтобы на другой день безъ всякой остановки выѣхать.

Я не буду слѣдовать за ними по всей дорогѣ ихъ, бояся васъ упоминь. Я останавлиюсь съ ними только на минушу въ Ричмондѣ и Виндзорѣ, потому что сіи два мѣста будутъ нѣкогда драгоценныя памяти вашей по удивительнымъ стихамъ, вдохнутымъ ими въ двухъ великихъ Поэтовъ, Томсона и Попа, которые прославили ихъ. Онѣ еще шѣмъ пріятнѣе для моей памяти, что воспоминаютъ мнѣ хорошаго Короля, просвѣщеннаго друга всѣхъ наукъ и всѣхъ искусствъ, разведшаго въ Ричмондѣ прекрасныя сады, и великую Королеву, которая проводилъ въ Виндзорѣ большую часть года, стараяся нѣжностію своею увѣнчивать щастіе своего супруга, и матерьними попеченіями и добродѣтелями быть достойною пламенной любви дѣшей своихъ и всего своего народа, знающаго цѣну такой Королевы.

Вездѣ представлялись Зефиреню тѣ же занимательныя картины, которыя
споль-

сполько восхищали его при его прибытіи въ Англію; вездѣ находилъ онѣ вещи достойныя занимать его взоры и душу: но онѣ по своему характеру желалъ единственно того, что было не въ его силахъ, и радовался шѣми мѣстами, отъ которыхъ онѣ удаленъ былъ. Въ Англіи всего болѣе занимала его небесная Италія, такъ что одно имя ея приводило его въ восхищеніе. Посреди Товега искалъ онѣ Капишолію, а въ Графствѣ Корнваллискомъ Калабрію. Гофмейстеръ его ищощилъ всѣ средства, чтобы излѣчить его отъ сего безпокойства; но наконецъ побоялся онѣ, чтобы лѣкарства его, вмѣсто всякой пользы, не довели Зефиреня до чахотки, и потому рѣшился вмѣстѣ съ Зефиренемъ просить отца его позволить имѣ ѣхать въ сію Италію, которая была послѣднею цѣлію желаній молодого Зефиреня, подобно какъ нѣкогда была она цѣлію бѣгущихъ Троянѣ.

Кромѣ переѣзда изъ Кале до Англійскаго берега, Зефирень ѣздилъ все сухимъ путемъ, и уже около двухъ мѣсяцовъ капался по большимъ дорогамъ; почему въ мореплаваніи думалъ онѣ найти гораздо болѣе удовольствія, нежели во всякомъ путешествіи по швердой землѣ.

терпѣніе, или лучше сказать, всячески обнаруживать свою нетерпѣливость до самой пристани.

Щасливая сила воображенія, удаляющая отъ насъ въ сладостныхъ мечтахъ надежды всякое воспоминаніе горестей нашихъ! Зефирень забылъ на берегу всѣ свои огорченія. Наконецъ прибылъ онъ въ сію славную страну, сокровищницу всѣхъ богатствъ Натуры и искусства. Ошдохнувъ два дни въ Ливорнѣ, отправился онъ во Флоренцію. Ему извѣстно было, что славная галерея сего города удерживала шумъ пупешественниковъ долѣе, нежели они кошѣли. Ему показали тѣхъ любопытныхъ, копорые жили тамъ мѣсяцовъ по шести, не смотря на то, что всякой день собирались выѣхать. Сіе не показалось ему страннымъ при первомъ взорѣ на великолѣпное собраніе рѣдкихъ произведеній. Можетъ быть дошелъ бы онъ съ симъ мнѣніемъ и до конца галереи, естли бы вдругъ не представилась его воображенію церковь Св. Петра въ Римѣ и библіотека Вапиканская. Сіи два предмета занимали его цѣлой день, безмѣрно увеличиваясь въ головѣ его. Желая узнать точно, что

надле-

надлежишь думать о ихъ огромности; ввечеру спалъ онъ просить своего Гофмейстера ѣхать самимъ осмотрѣть ихъ. Не хочу я слушать о сихъ вѣчныхъ примѣчателяхъ, которымъ и цѣлаго вѣка едва не мало ли для изслѣдованія каждой чудесности. Зефирень черезъ три дни увѣрился, что ни одна примѣчанія достойная вещь въ древней столицѣ міра отъ него не укрылась. Онъ еще нашелъ время поскорѣе уложить свой чемоданъ, чтобы ѣхать въ Неаполь, гдѣ быль ему весьма хотѣлось. Однакожь не особливия красоты сего города возбуждали въ немъ живое любопытство; съ нѣкотораго времени видѣлъ онъ уже много великолѣпныхъ городовъ: но всѣ города, которые онъ видѣлъ, возносились на поверхности земли; на прошивъ того Геркуланумъ и Помпея были погребены въ ея нѣдрахъ. Тогда могли занимать его одни подземные города. Романическая плодотворность его воображенія разнымъ образомъ представляла ему по ужасное приключеніе, которое привело ихъ въ сіе состояніе. Сошедши туда, онъ весьма удивился, что іпакъ спрашно хотѣлъ видѣть кучу развалинъ и праха; пошому что онъ іпамъ ничего

инаго не видалъ, не смотря на изящные
оспатки, временемъ сохраненные. Дру-
гой нашелъ бы по крайней мѣрѣ нѣко-
шорое средство къ утѣшенію, удивляясь
въ Неаполѣ наилучшей Европейской при-
стани; но Зефирень не могъ ее видѣть,
не сравнивая ее въ мысляхъ съ пристан-
ями въ Амстердамѣ, въ Бурдо и
Константинополѣ, которыми онъ оп-
давалъ преимущество для того, что
былъ удаленъ отъ нихъ. Что касается
до огнедышущей горы, которая возвы-
шается надъ городомъ и увеличиваетъ
красоту его рѣдкаго положенія, беспре-
станно грозя покрыть его пепломъ и
огнемъ, ею выбрасываемымъ: то не
утверждаютъ ли всѣ путешественники,
что Элиѣ надлежитъ опдать преимуще-
ство передъ Везувіемъ? И несчастныя
слѣдствія послѣдняго ея изверженія не на-
полнили ли всѣхъ величайшимъ удивле-
ніемъ и ужасомъ, какой только Вулканъ
возбудить можетъ? И пакъ въ сей пре-
красной землѣ, которую столь хотѣлось
ему сбѣхать, осмѣивался только одинъ
городъ, коего видъ могъ наградить его
за всѣ труды, понесенные имъ въ путе-
шесствіи; а именно, чудесная Везеція,
возвышающаяся среди каналовъ, которые
бы-

бывающъ всегда покрыты гондолами, и чрезъ которые идущъ пять сотъ мостовъ. Правда, что ему надлежало для сего проѣхать Италію почти во всю длину ея; но его смѣлое воображеніе, преодолевавшее всѣ препятствія, сблизало разстоянія, и Зефирень, уложивъ свое платье и прочее, тотчасъ отправился къ Венеціанской области.

Я боюсь, друзья мои, чтобы вы не стали уже подозрѣвать Гофмейстера его въ чрезмѣрной снисходительности, видя его съ такою слабостію соглашающагося на всѣ замыслы своего питомца. Для оправданія его принужденъ я открыть вамъ фамиліную шайну, надѣясь на вашу молчаливость.

Зефирень, во время всего путешествія своего, обыкновенно писалъ письма къ отцу своему, которой всегда замѣчалъ, что сынъ его чувствовалъ отвращеніе отъ тѣхъ мѣстъ, откуда къ нему писалъ письма, а тѣ, куда онъ отправлялся, представлялись ему въ восхищительнѣйшемъ образѣ. По сему можно было видѣть ясно, что каждая земля, наполняя его прежде пріятными на-

деждами, производила въ немъ послѣ, когда онъ прїѣзжалъ въ нее, неудовольствіе и скуку. Си замѣчанія, и тѣ, которыя сообщалъ ему Гофмейстеръ, и которыя подтверждали ихъ справедливость — такъ какъ и вы, зная уже все, конечно бы то засвидѣтельствовали — увѣрили его, что Зефирень былъ не такого характера, или не въ такомъ разположеніи, чтобы надежащимъ образомъ воспользоваться симъ путешествіемъ. Однакожь онъ не хотѣлъ, опоздавъ его вдругъ назадъ, подать ему поводъ когда нибудь жаловаться, что симъ отзывомъ не дали ему научиться тому, чему надежало учиться въ путешествіи. Онъ только совѣщовалъ Гофмейстеру не прощившись тѣмъ приходямъ сына своего, которыя могутъ ускорить его возвращеніе въ отечество. Такимъ образомъ Зефирень, видѣвъ мимоѣздомъ Венецію, Туринъ, Швейцарію и Голландію, всегда съ одинакою послѣдствіемъ и вѣтренностію, по новому чувству непоспояльства ничего болѣе не желалъ, какъ возвратиться въ свою отчизну, прежде того времени, которое онъ самъ назначилъ для своего путешествія.

Отецъ всегда отецъ; по чему вы можете вообразить, какъ отецъ Зефиреневъ обрадовался, увидя его. Но для чего не могу я описывать вамъ сихъ восторговъ, сего радостнаго изступленія сердца родительскаго въ ту минушу, въ которую возвратился ему сынъ достойный живѣйшей нѣжности? Для чего не могу представить ихъ обнимающихся, безмолвныхъ отъ восхищенія и заливающихся слезами — отца гордящагося новыми совершенствами, видимыми имъ въ сынъ; а сына въ живѣйшей радости спарающагося ихъ показывать отцу, какъ залогъ благодарности за любовь его? Какъ бы я былъ щасливъ, если бы могъ представить вамъ сію трогательную сцену, хотя бы и долженъ былъ чувствовать слабость своего изображенія! И родители ваши и вы ощутили бы величайшее удовольствіе, нашедши тутъ простое выраженіе тѣхъ чувствъ, которыми сердца ваши взаимно наполнены. Отъ одного Зефиреня зависѣло всѣмъ намъ доставить сію радость, лучше воспользовавшись тѣми попеченіями, которыя имѣли о наученіи его въ первыя лѣта его дѣтства. Чего бы недоставало ему въ его воспитаніи для обрабощанія своихъ способностей

и усовершенствованія знаній, естли бы онѣ имѣли мужество сражаться съ непостоянствомъ своего характера и съ слабостію и прилѣжностію всему учиться? Въместо сего непостояннаго вкуса, коптой заставлялъ его переходить отъ одной науки къ другой, и преодолевать трудности, соединенныя съ ихъ началами, никогда не давая ему времени чувствовать пріятность успѣха въ нихъ; вмѣсто сихъ мимолетныхъ мечтаній, которыя столь великолѣпно въ глазахъ его украшали отдаленныя предметы единственно для того, чтобы предметы видимые представляли въ самомъ худомъ видѣ; вмѣсто сихъ неудовольствій и сего отвораченія, копторя безпрестанно онѣ долженѣ были чувствовать, видя вблизи всегда въ слабѣйшихъ чертахъ тѣ образа, копторыхъ красоту и живость вдали онѣ увеличивалъ — какое множество чистыхъ удовольствій и сладостнѣйшихъ пріятностей могло бы наполнять сердце его! Не говоря уже о семъ столь нѣжномъ удовольствіи, копторое чувствуетъ хороший сынѣ, превзойдя надежду своей фамиліи, представимъ только одно личное благополучіе, копторое было бы частію его, и копторое по глубочайшему и постояннѣйшему

му чувству природы содѣлало бы
щастливымъ и отца его.

Съ самаго дѣтства видѣли вы его
съ равною живостию любившаго науки
и пріятныя искусства, учившагося онымъ
съ неукрощимою ревностию, думавшаго
схватить все вдругъ, и боровшись пре-
жде мужественно съ самыми спрашѣйши-
ми трудностями, уступавшаго имъ въ
ту самую минузу, когда надлежало ему
быть побѣдителемъ. Съ помощію сихъ
природныхъ способностей, и будучи обо-
дряемъ похвалами своихъ родителей, онъ
бы могъ, имѣя немного поболѣе власти
надъ собою, постепенно пріобрѣсти все
то, что бы могло придать величайшую
пріятность жизни его. Разумъ его, за-
благовременно приведенной науками въ
зрѣлость, и охоша къ пріятнымъ искус-
ствамъ, которыя служили бы ему оудо-
хновеніемъ отъ важнѣйшихъ трудовъ,
предохранили бы молодость его отъ без-
покойствъ, ея печеніе возмущающихъ,
и отъ скуки, изсушающей ее въ самомъ
ея цвѣтѣ. Зная правила всѣхъ изящныхъ
искусствъ и привыкнувъ въ нихъ упраж-
няться, не могъ бы онъ въ своемъ путе-
шествіи ни на что смотрѣть равно-

душно. Превосходныя произведенія во всякомъ родѣ, предсавлявшіяся взорамъ его, удовлетворяли бы любопытству его и обогащали его новыми знаніями. Большее число предметовъ, имъ обозрѣваемыхъ, разпространяло бы кругъ разума его; онъ приобрѣлъ бы болѣе точности, разсматривая ихъ различія и отношенія, и проникъ бы глубже въ сердце человѣческое, наблюдая нравы и характеры жителей разныхъ странъ, которымъ бы пріятно было видѣть въ молодомъ чело-вѣкѣ, знающемъ языкъ ихъ, сильное любопытство осматрѣть ихъ землю, и которые конечно бы постарались во всемъ предупредить его желанія весьма лестнымъ для него образомъ, и оказывали бы ему всякое уваженіе. Будучи принятъ въ лучшія общества, онъ научился бы пріятной учтивости и сему ласковому обхожденію, которое, будучи соединено съ достоинствами существенными, обезоруживаетъ зависть и заставляетъ чело-вѣка любить и почитать. Возвращаясь въ свое отечество, вездѣ бы по слѣдамъ своимъ оставлялъ онъ сожалѣніе о своемъ удаленіи, и возбудилъ бы въ сердцахъ всѣхъ друзей своихъ живѣйшую радость о своемъ возвращеніи, а въ родителяхъ самую

самую основательнѣйшую надежду на его благополучіе.

Какъ далекъ былъ тогда Зефирень отъ сего щасливаго положенія, въ которое споль естественно, казалось, надлежало ему прийти по своимъ обстоятельствамъ! Во всѣхъ городѣхъ, мимо которыхъ онъ пролетѣлъ споль быстро, говорилъ онъ только съ одними шрапширщиками, у которыхъ на минушу успокоивался отъ своего полета. Слабыя знанія, имъ пріобрѣтенныя, не могли принести никакой пользы его согражданамъ. Отецъ его видѣлъ, что намѣренія его совсѣмъ не исполнились; а друзья его . . . . Но могъ ли онъ по своему непостоянству къ кому нибудь привязаться? У Зефиреня друзей не было, Несчастной! какъ я жалѣю о немъ, помышляя, о любезной Гарашѣ! что въ шакія же молодыя лѣта началась между нами сія дружба, которая никогда ни на минушу не перемѣнялась, и которая нынѣ, подобно какъ въ первомъ жару своего рожденія, могла бы насъ заставить смѣшать жизнь нашу и наше имѣніе и все раздѣлить пополамъ! Какъ люблю я вспоминать сіи пріятныя минушы нашей молодости,

доспи,

доски, въ которой одинакой вкусъ и одинакія чувства сближали сердца наши во всемъ, что могло соединять ихъ! Какъ быспро текли дни въ ученіи и откровенныхъ разговорахъ нашихъ! Не было такого удовольствія и огорченія, котораго бы оба мы равно не чувствовали. Будучи сосѣдами въ городѣ и въ деревнѣ, въ цѣлыя восемь лѣтъ не было почти ни одного дня, въ которой бы спремленіе бытъ вмѣстѣ насъ не соединяло. Какихъ слезъ стоила намъ разлука наша! Пріѣхавъ прежде себя въ столицу, съ какимъ жаромъ желалъ я, чтобы и ты былъ тамъ же! и какую радость, черезъ три года, почувствовали мы, когда опять увидѣлись! Если нынѣ въ разговорахъ нашихъ какое нибудь обстоятельство приведетъ намъ на память сіи пріятныя и столь частыя прогулки вдоль прекрасной рѣки, на сихъ высокихъ пригоркахъ, гдѣ имѣя въ рукахъ Геснера, Томсона, Сентъ Ламберта, наслаждались мы вдругъ всѣми прелестями дружбы, Поэзіи и Природы: то какъ радостно для насъ находить себя всегда въ томъ же разположеніи и успокоиваться на швердой надеждѣ, что оно не перемѣнится до гроба нашего!

О вы, юные чипашели мои, предъ которыми излилося мое сердце! вы конечно простите мнѣ сіе стремленіе, котораго не могъ я удержашь. Ахъ, естли бы имѣли вы шакого друга, какого я имѣю! Естли бы вы шакъ любили его и взаимно были имѣ шакъ же любимы, какъ я! И развѣ не имѣю я нѣкотораго права говорить съ вами о шомъ, что мнѣ пріятно? Развѣ напрасно дали вы мнѣ шо имя, подѣ которымъ я представилъ вамъ сіе сочиненіе? Нѣтъ, все шо, что одного изъ насъ шрогаешъ, не можешъ быть впредъ для другаго незанимательно. Мы соединены такими узами, которыя не могушъ быть разрушены ни съ вашей, ни съ моей стороны безъ порочной неблагодарности. Естли мои попеченія обработывать ваше сердце и разумъ стояшъ чего нибудь въ глазахъ вашихъ, шо и я съ своей стороны не обязанъ ли въ разсужденіи васъ нѣжнѣйшею благодарностію? Пасхухи и несчастные любовники населяли до нынѣ уединенное жилище мое; но къ симъ шрогапельнымъ предметамъ вы пришли присоединить еще предметы пріятнѣйшіе: Благодаря васъ, вижу я въ Природѣ одну улыб-

улыбку, одну живую радость. Съ какимъ удовольствіемъ зрю себя окруженнаго вашими прелесными лицами, на которыхъ въ такихъ прекрасныхъ чертахъ изображаются веселіе, невинность и чистосердечіе! Вы всегда въ воображеніи моемъ подлѣ меня находишесь. Отъ васъ заимствую я сіи простыя естественныя выраженія и сіи нѣжныя или великодушныя чувства, которыя изъ очей вашихъ слезы извлекаютъ, и которыя впечатлѣваютъ въ юныя ваши мысли характеръ благородства и возвышенности. Да каждой изъ васъ украсится цвѣтомъ надежды, съ которымъ представляю васъ Опечеству нашему! Не обманется ожиданіе его. Нѣтъ, вы не будете такъ дурны, какъ сіи люди, которыхъ я читалъ исторію. У нихъ не было такого друга, которой бы велъ ихъ къ добру путемъ удовольствія; а вы имѣете такого, которой должность сію почитаетъ за величайшее щастіе въ жизни своей. И такъ помните его всегда; но чтобы помнить его такъ, какъ онъ желаетъ того, шо да соединится память его съ вашими добродѣтелями! Уже въ мысляхъ получаю сію лестную награду.

Нынѣ

Нынѣ слышу я, что вы имя мое повпо-
ряете въ играхъ своихъ; ожидаю, что
впредь будете сказывать его дѣшамъ ва-
шимъ, сидящимъ у васъ на колѣняхъ; и
вижу васъ ласкающихъ своихъ внучатъ,
приходящихъ къ вамъ въ спаросни ва-
шей лепешать — имя вашего друга.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XV Части.

	Стран.
<i>Продолженіе Исторіи Герцогини Ч**.</i>	3
<i>Пустынный.</i> - - - -	27
<i>Благодѣяніе.</i> - - - -	94
<i>Система Міра.</i> - - - -	97
<i>Непостоянство.</i> - - - -	179

Д Ъ Т С К О Е
Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ь XVI.

М О С К В А,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1788.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

Предувѣдомленіе.

Слѣдующее повѣствованіе извлечено изъ Журнала Господина С. В. Пренписа [Прапорщика въ восемьдесятъ четвертомъ пѣхотномъ полку], которой опубликованъ имъ въ Лондонѣ въ 1782 году, и котораго вышло въ осьмнадцать мѣсяцевъ пять изданій. Сохраняя со строгою точностію исторію несчастій, имъ претерпѣнныхъ, я почелъ за должность придать имъ новую занимательность живѣйшимъ описаніемъ приключеній и одушевленнѣйшею картиною тѣхъ положеній, въ которыхъ онъ оказалъ столько силы разума и мужества. Желательно бы было, чшобъ какой нибудь Писатель Философъ изъ великаго числа путешественниковъ выбралъ такихъ, которыхъ приключенія

Часть XVI, No. 40.   А 2   могли

могли бы произвести полезнѣйшія впечатлѣнія въ юныхъ сердцахъ, приводя въ сильное движеніе ихъ воображеніе и прогая ихъ чувствительность. Изображеніемъ дѣятельности, постоянства, а иногда и самой щасливой дерзости, надлежитъ имъ показывать шѣ источники, которые человекъ всегда находить въ самомъ себѣ, будучи въ самомъ опчаяннѣйшемъ положеніи. Такое чтеніе, заблаговременно приготавливая ихъ къ самымъ особливымъ приключеніямъ, могущимъ возмутить печеніе жизни человеческой, сообщило бы имъ, нѣкоторымъ образомъ, первой въ томъ опытъ, и оживило бы ихъ благороднымъ рвеніемъ сносить ихъ съ твердостью.

Юнымъ моимъ Читателямъ безъ сомнѣнія пріятно будетъ узнать, что по свидѣтельству Лорда Далримпла, Генералъ-Адъютанта Генерала Клипсона, и по усердному ходатайству Господина Фишера, бывшаго тогда помощникомъ Секретарскимъ въ Американскомъ Департаментѣ, Господинъ Пренсисъ получилъ всевозможное награжденіе за прешерпѣнное имъ и за всѣ свои убытки.

О П И С А Н І Е

*Кораблекрушенія на Королевскомъ
Островѣ, иначе называемомъ Капъ-*

Бретонѣ.

Получа депеши отъ Генерала Гал-
диманда, правителя Канады, кошо-
рые надлежало мнѣ доставить Генералу
Клиншону, сѣлъ я 17 Ноября 1780
году на небольшую бригантину, плы-
вщую изъ Квебека въ новой Йоркѣ. Мы
вышли вмѣстѣ съ легкимъ судномъ,
которое отправлялось въ то же мѣсто,
и на кошоромъ посланъ былъ дубликатъ
депешей. Доплывъ внизъ по рѣкѣ Св.
Лавренція до порша, называемаго мѣ-
стечкомъ Св. Паприкія, были мы задер-
жаны въ сей пристани противнымъ вѣ-
тромъ, которой продолжался шесть дней.
Зима уже начиналась; и рѣка отъ жестока-
го холода скоро покрылась подлѣ береговъ
шолстымъ льдомъ. О естли бы угодно
было Небу продолжить сей вѣтръ еще
нѣсколько дней! Воспрепятствовавъ совер-
шенно ходу нашему, онъ спасъ бы насъ
отъ несчастій, которыхъ повѣствованіе
начинается съ исторією нашего плаванія.

Не доходя еще до устья рѣки, примѣтили мы, что въ бригаинѣ была небольшая печь. Лишь только вошли мы въ заливъ, печь сія умножилась; и не смотря на то, что безпрестанно работали двумя насосами, на днѣ бригаинины было воды всегда на два фута. Съ другой стороны холодъ усилился, ледъ скоплялся вокругъ нашего корабля, и мы боялись, чтобы онъ совсѣмъ не окружилъ насъ. На кораблѣ было только девятнадцать человекъ, изъ которыхъ шестеро были пассажиры, а прочіе худые матросы. Что касается до Капитана, отъ котораго надлежало намъ ожидать помощи въ такомъ опасномъ положеніи, то онъ, вмѣсто попеченія о сохраненіи корабля, во все время пилъ въ своей каютѣ, ни мало не думая о нашемъ спасеніи.

Сильной вѣтрѣ не упихалъ, и вода поднялась на днѣ корабля уже на четыре фута. Тогда холодъ и усталость опняли надежду у матросовъ. Всѣ согласно рѣшились переспать работать. Они бросили насосы и показывали великое равнодушіе въ разсужденіи своей участи, говоря, что лучше хомятъ потонушь съ кораблемъ, нежели истощать свои

свои силы бесполезною работою въ такомъ опчаянномъ положеніи. Надобно признаться, что они нѣсколько дней чрезмерно прудились и ни мало не ошдыхали. Бездѣйствительность Капитана довершила ихъ опчаяніе. Однакожь посредствомъ ободреній и обѣщаній, и давъ имъ весьма кспати по спакану вина, чтобы сколько нибудь согрѣшь ихъ, удалось мнѣ преодолѣть ихъ упрямство. Отъ перерыва въ работѣ вода поднялась въ корабль еще на футъ; но дѣятельность ихъ такъ оживлялась жаромъ вина, которое велѣлъ я подносить имъ черезъ полчаса, что они работали съ удивительнымъ напряженіемъ силъ и прилѣжностію, и воды оспалось только на три фута.

Тогда было 3 Декабря. Вѣтръ не уменьшался, но еще, казалось, со дня на день усиливался. Щели въ корабль часъ отъ часу увеличивались; а ледъ, прилипавшій къ нему по бокамъ, умножалъ его стягоспъ и затруднялъ ходъ его. Надобно было безпрестанно отбивать сей ледяной черепъ которымъ онъ покрывался. Судно, шедшее за нами, не только не могло намъ подать никакой помощи, но находилось еще въ жалоспнѣйшемъ со-

стояннѣ, по неискusstву кормчаго нашедши на камни прошивъ Орѣховаго оспрова. Большой снѣгъ, вѣ по время выпавшій, совсѣмъ сокрылъ его отъ глазъ нашихъ. Все наше сообщеніе состояло вѣ пушечныхъ выстрѣлахъ, копорые черезъ полчаса были взаимно дѣлаемы. Скоро къ сожалѣнію нашему не услышали мы отъвѣта на сей сигналъ. Судно попонуло со всѣми людьми, копорыхъ было числомъ шестнашцать; а намъ даже не лзя было и видѣть сего несчастія, чтобы постараться спасти ихъ.

Горестъ, произведенная вѣ сердцахъ нашихъ симъ несчастнымъ жребіемъ, скоро обратилась на самихъ насъ отъ новой опасности, намъ представившейся. Море было весьма бурно, снѣгъ шелъ большой, холодъ спановился несносенъ, и всѣ люди пришли вѣ уныніе. Когда все было вѣ семъ положеніи, вдругъ бошманъ закричалъ, что мы не далеко отъ оспрововъ Магдалины, ужасной громады камней, изъ копорыхъ одни возвышаются надъ моремъ, а другіе подъ водами его сокрываютъ еспрые верхи свои, уже погубившіе многіе корабли. Менѣе, нежели чрезъ два часа, услышали мы сильной шумъ вольъ, разбивающихся о сіи камни

камни; и скоро послѣ того увидѣли главной оспровѣ, называемой *Мертвой Человѣкъ*, копорой миновали мы съ великимъ трудомъ. Чувство погибели спало еще живѣе среди множества подводныхъ камней, копорыхъ, казалось, не лзя было избѣжать споль же благополучно: ибо снѣгъ шелъ шакой сильной, что едва можно было видѣть съ одного конца корабля на другой. Трудно изобразить шотѣ страхъ и ужасъ, копорымъ мы были объапы, проходя всю длину сихъ опасныхъ мѣстъ. Но когда совсѣмъ ихъ миновали, лучъ надежды блеснулъ въ сердцахъ мапросовъ, копорые помышляя о прошедшей опасности, увѣрились, что Провидѣніе печется о спасеніи ихъ, и съ новою ревностію принялись за шруды.

Во время ночи море пришло въ сильнѣйшее волненіе; а на другой день около пяти часовъ утра превеликой валъ ударился о корабль, вышибъ задѣлки въ пушечныхъ окнахъ и наполнилъ водою мапросскую каюшу. Яростныя волны разбили корму. Мы спарались зашкнущъ щели изрѣзанною ломшями говядиною; но сіе слабое средство оставалось безъ дѣйствія, и вода заливала насъ болѣе прежняго. Успрашенные корабельные слу-

жищели оставили на минушу насосы; но когда хотѣли опять приняться за нихъ, то они уже шакъ замерзли, что впредь совсѣмъ не лзя было ими дѣйствовать.

Съ сѣй минушы потеряли мы надежду спасти корабль свой, и желали единственно того, чтобы онъ не попонулъ по крайней мѣрѣ до приближенія къ острову Св. Іоанна, или какому нибудь другому острову въ заливѣ, къ которому бы мы могли доплыть на нашей шлюпкѣ. Предавшись совсѣмъ въшпру, мы не смѣли ничего дѣлать, бояся произвести какое нибудь опасное для корабля движеніе. Новая шягость, которую получалъ онъ каждую минушу отъ входящей въ него воды, дѣлала ходъ его медленнымъ; и быспрѣйшія волны, имъ разсѣкаемыя, съ яростію подымались и заливали палубу. Большая каюта, куда мы укрылись, была для насъ весьма слабымъ убѣжищемъ отъ въпра, и едва защищала насъ отъ свирѣпости ледяныхъ валовъ. Всякую минушу боялись мы, чтобы не опорвался у насъ руль и не сломилась мачта. Правда, что рыболовы и дикія ушки, вокругъ насъ лавшія, были знакомъ того, что берегъ отъ насъ не далеко; но самое приближеніе его

его причиняло намъ новой страхъ. Какъ могли мы избѣжать камней, его окружающихъ, будучи не въ состояніи управить бригантину мимо ихъ, ниже видѣть ихъ сквозь густоту снѣга, насъ покрывавшаго? Нѣсколько часовъ были мы въ семъ жалосномъ состояніи; но вдругъ небо прочистилось, и мы увидѣли въ прехъ миляхъ отъ себя землю.

Чувство радости, вдругъ произведенное въ насъ симъ предметомъ, скоро было умѣрено яснѣйшимъ видомъ ужасныхъ скалъ, возвышавшихся вдоль берега, какъ бы для того, чтобы насъ до него не допустить. Бригантина вытерпѣла еще нѣсколько сильныхъ ударовъ отъ большихъ валовъ, которые конечно бы попопили ее, есльи бы грузъ ея былъ не такъ легокъ. Мы думали, что всякая новая волна разобьетъ ее. Наша шлюбка была такъ мала, что мы всѣ не могли въ ней помѣститься; и сверхъ того море такъ волновалось, что пагубно было предасться ярости его на такомъ слабомъ челночкѣ. Казалось, что мы приплыли къ сей землѣ единственно для того, чтобы она была свидѣтелемъ нашей гибели. Однакожь мы подвигались къ ней безпрестанно ближе, и уже были отъ нее не
далѣе

далѣе мили, какъ вдругъ къ восхищенію
 нашему увидѣли между семи грозными
 скалами пологой песчаной берегъ, къ ко-
 торому по теченію воды плылъ нашъ
 корабль; и глубина уменьшалась шакъ не-
 примѣтно, что мы могли, не сѣвъ на
 мѣль, бысть отъ него не далѣе пяти-
 десяти или шестидесяти сажень. Судьба
 жизни нашей должна была рѣшиться
 черезъ нѣсколько минутъ. Наконецъ бри-
 ганшина сѣла на песокъ съ сильнымъ по-
 трясеніемъ. Первой ударъ сшибъ большую
 мачту, но безъ всякаго несчастнаго при-
 ключенія; а руль былъ оторванъ съ та-
 кою силою, что рукояткою его едва было
 не убило до смерти одного матроса.
 Волны, со всѣхъ сторонъ ударявшіяся
 о корабль, совсѣмъ разбили корму, шакъ
 что мы, не находя уже въ каютѣ убѣ-
 жища, принуждены были выйти на палу-
 бу и держаться за снасти, боясь упасъ
 зъ морс. Черезъ нѣсколько минутъ
 корабль не много поднялся; но киль изло-
 мался и весь корабль готовъ былъ раз-
 валишься. И шакъ вся наша надежда бы-
 ла на шлюпку, которую съ великимъ
 трудомъ спушилъ я на море: шакъ она
 была облѣплена со внѣ и внутри широки-
 ми льдинами, которыя надлежало отъ

не отбить. Почти всѣ корабельные служители напились вина, чтобы сколько нибудь освободиться отъ своего ужаса. Я далъ выпить по рюмкѣ живой воды шѣмъ, которые остались шрезвы, и спросилъ, кто хочетъ со мною плыть на шлюпкѣ къ берегу? Море такъ волновалось, что нашей маленькой лодкѣ, казалось, въ минушу пошунуть надлежало. Только бошманъ, двое машросовъ и одинъ молодой пассажиръ, отважились на то. Еще въ самую первую минушу опасности, я завернулъ депеши въ плашокъ и обвязалъ его вокругъ пояса. Не думая тогда ни о какихъ другихъ вещахъ своихъ, схватилъ я топоръ и пилу, и бросился въ шлюпку, а за мною бошманъ и слуга мой, кошорой, будучи благоразумнѣе меня, вынулъ изъ моего сундука сто восемьдесятъ гвиней. Пассажиръ, хотѣвшій спрыгнуть въ лодку, упалъ въ море, и оцѣпенѣвшія отъ холода руки наши едва могли выплести его. Когда оба машросы сошли къ намъ, то самыя шѣ, которые болѣе другихъ не хотѣли плыть къ берегу, стали просить насъ принять ихъ; но боясь, чтобы отъ шягости шакого числа людей и отъ безпорядочнаго движенія ихъ всѣмъ намъ не пошунуть, велѣлъ я отваливать отъ

кора.

корабля. Скоро я долженъ былъ хвалить себя, что заглушилъ въ сердцѣ своемъ гласъ сожалѣнія, которое было бы пагубно для нихъ самихъ. Хотя до земли было не далѣе пятидесяти сажень, однакожь на половинѣ пуши большой валъ залилъ до половины нашу шлюпку, и конечно бы опрокинулъ ее, если бы она была сколько нибудь грузнѣе. Другой валъ съ силою выбросилъ насъ на берегъ.

Радость видѣть себя наконецъ освободившихся отъ тѣхъ опасностей, которыя такъ долго ужасали и мучили насъ, заспавила насъ на минушу: забывъ, что мы избавились отъ одного рода смерти только для того, чтобы по всей вѣроятности подвергнуться другому, еще страшнѣйшему и мучительнѣйшему. Обнимая другъ друга въ первыхъ своихъ восторгахъ, и поздравляя себя съ нашимъ спасеніемъ, не могли мы быть нечувствительны къ шокъ нашихъ товарищей, которые оспались на кораблѣ и которыхъ жалостной вопль слышанъ былъ среди глухаго шума волнъ. Горесть, въ которую приводило насъ сіе чувство, увеличивалась отъ того, что намъ не лзя было подать имъ никакой помощи. Наша шлюпка, выкинутая на песокъ яростны-

ми

ми волнами, не могла уже разсѣкать ихъ спремленіе и доплышь до корабля.

Ночь наступала поспѣшно, и мы скоро почувствовали, что на семъ льдистомъ мѣстѣ можемъ замерзнуть отъ холода. Надлежало ийти по снѣгу, въ которомъ мы вездѣ вязли, до небольшого льску, около двухъ сотъ сажень отъ берега, гдѣ были мы сколько нибудь защищены отъ пронзительнаго сѣверо-западнаго вѣтра. Но у насъ не было огня, чтобы согрѣть охладѣвшіе свои члены, и мы не имѣли никакихъ средствъ развести его. Трупъ, которой мы по оспорожности взяли съ собою, былъ вымоченъ послѣднимъ валомъ, насъ облившимъ. Одно только движеніе, способствуя круговращенію крови, могло спасти насъ. Зная лучше товарищей своихъ свойство сего жестокаго климата, совѣтовалъ я имъ ни одной минутой не быть въ бездѣйствіи, чтобы прогнать сонъ. Но молодой пассажиръ, котораго плащъ, бывшее въ морской водѣ, обмерзло вокругъ его шѣла, не могъ пропитаться усыпительному ощущенію, производимому всегда такимъ чрезвычайнымъ холодомъ, какой онъ чувствовалъ. Напра-

сно я уговаривалъ и принуждалъ его спяшь на ногахъ. Наконецъ мнѣ надлежало оспаившь его въ усыпленіи. Ходивъ около получаса и почувствуя самъ такое сильное понужденіе ко сну, что каждую минушу готовъ былъ упасть на землю для удовлетворенія оному, пришелъ я опять на то мѣсто, гдѣ лежалъ сей молодой человѣкъ. Я положилъ руку на лице его, и почувствуя, что оно совсѣмъ охладѣло, велѣлъ ботсману его пощупать. Мы оба думали, что онъ умеръ. Сей несчастной отвѣчалъ намъ слабымъ голосомъ, что онъ еще живъ, но что конецъ его приближается, и усердно просилъ меня, естли я останусь живъ, описатьъ къ отцу его въ Новой Йоркѣ о несчастной его судьбѣ. Черезъ десять минушъ онъ испустилъ духъ безъ всякаго страданія, или по крайней мѣрѣ безъ великихъ конвульсій. Сей случай замѣчаю для того, чтобы показать дѣйствіе жестокаго холода надъ шѣломъ человѣческимъ во время сна, и доказать, что сія смерть не всегда бываетъ сопряжена съ такимъ живымъ чувствомъ боли, какъ обыкновенно полагаютъ.

Сей ужасной примѣръ не могъ заставитьъ другихъ противиться влеченію ко сну

я закричалъ находившимся на кораблѣ товарищамъ, чтобы они привязали къ его краю веревку и спустились по ней одинъ послѣ другаго. Они приняли мое предложеніе. Смотря пристально на движеніе моря и выбравъ для спуска шу мишу, какъ валъ отливался, они сошли всѣ благополучно, кромѣ одного плотника, который не почелъ за нужное такимъ образомъ подвергать опасности жизнь свою, или не въ силахъ былъ сойти съ мѣста, попивавъ во время ночи не много неумѣренно. Общее спасеніе соединено было со спасеніемъ каждого изъ насъ въ особливости, и я вдвое радовался, видя вокругъ себя такое число товарищей своихъ въ несчастіи, которыхъ я за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ почиталъ поглощенными моремъ.

Капитанъ, не сходя еще съ корабля, къ щастію нашему запасся всемъ нужнымъ для разведенія огня. По томъ всѣ мы пошли въ лѣсъ: одни рубили дрова, а другіе подбирали сухія вѣтви, на землѣ лежавшія. Скоро великое пламя поднялось отъ большаго костра, и радостной крикъ нашъ раздался по лѣсу. Терпѣвъ споль долго чрезвычайной холодъ, ни въ чемъ не могли мы найсти такой пріятности,

ности, какъ въ огнѣ. Всѣ старались подойти къ нему какъ можно ближе, чтобы оживить свои оцѣпенѣвшіе члены. Но сіе удовольствіе почти для всѣхъ превратилось въ жестокую боль, какъ скоро жаръ огня проникъ въ ознобленныя части. Только боцманъ и я спаслись отъ того, будучи во всю ночь въ движеніи. Всѣ прочіе, какъ остававшіеся на корабль, такъ и на берегу бывшіе, были прохвачены морозомъ. Страшно описывать тѣ конвульсивныя движенія, которыя производила въ сихъ несчастныхъ чрезмѣрная боль, ими ощущаемая.

Когда мы пересмотрѣли всѣхъ своихъ шоварищей, то я увидѣлъ, что не было одного пассажира, Капитана Грина. Мнѣ сказали, что онъ заснулъ на корабль и совсѣмъ замерзъ. Мы снова начали беспокоиться о плотникѣ, оставшемся на бригантинѣ. Безпрестанно ярящееся море не позволяло намъ послать за нимъ шляпку. Мы принуждены были дожидаться оплива, и наконецъ уговорили его сойти на берегъ такимъ же образомъ, какъ и прочіе; что сдѣлалъ онъ съ великимъ трудомъ, будучи въ крайней слабости и ознобивъ почти всѣ части тѣла своего.

Настала ночь, и мы провели ее не много лучше прошедшей. Однакожь, не смотря на спараніе наше разводить всегда большой огонь, много перпѣли мы ошѣ жестокости вѣтра, которой дулѣ прямо на насѣ. Густопа деревѣ едва защищала насѣ ошѣ снѣга, сильно валивагося на нашѣ огонь, какѣ бы для того, чшобы потушить его. Вымочивѣ плащье наше сѣ той стороны, которая была кѣ огню, оспавался онѣ на спинѣ у насѣ кучами, копорья безпреспанно надлежало сбивать, не давая имѣ замерзнуть. Пронзительное чувство голода — новое бѣдствіе, до того часа намѣ неизвѣстное — присоединилось кѣ чувству холода, споль для насѣ тяжкому.

Прошли два дни, вѣ которые всякую минуцу мучило насѣ воспоминаніе прошедшихѣ нашихѣ несчастій и ожиданіе еще ужаснѣйшихѣ. Наконецѣ вѣтрѣ и море, совокупно недопускаяшіе кѣ намѣ корабль нашѣ, снова силились разбить его. Сіе узнали мы по шреску, сѣ копорымѣ онѣ разрушался. Мы побѣжали кѣ берегу и увидѣли часть груза плывущую по морю, которую кипящая вода вынесла изѣ его отверзшіи. Кѣ щастію волны принесли кѣ берегу многое изѣ сего груза.

груза. Взявъ длинные шесты и веслы съ нашей шлюпки, пошли мы вдоль по берегу и вышаскивали все то, что могло быть намъ полезно. Такимъ образомъ удалось намъ спасти нѣсколько ядокъ съ соленою говядиною и довольное количество луку, которой взятъ былъ Капитаномъ для продажи. Мы старались ловить и доски, опорвавшіяся отъ корабля, которыя могли намъ служить для построенія хижины. Ихъ собрали много, и отнесли въ лѣсъ, чтобы потчасъ начать строеніе. Сіе предпріятіе не легко было произвести въ дѣйство. Не многіе изъ насъ были въ состояніи работать. Однакожь щастливой успѣхъ того дня оживлялъ нашу бодрость, и пища, которую мы достали, подкрѣпила силы наши такъ, что къ исходу дня могли мы довольно построить. При свѣтѣ огня нашего можно было намъ и ночью продолжать работу свою; и около десяти часовъ вечера была готова хижина наша, длиною въ двадцать футовъ, а шириною въ десять, которая, будучи въ разныхъ мѣстахъ поддерживаема деревьями, могла противиться силѣ вѣтра, но была не такъ плотна, чтобы совершенно защитить насъ отъ холода.

Слѣдующіе два дни были употреблены или на усовершенствованіе нашего строенія, или на собраніе, во время прилива, того, что приплывало къ намъ съ корабля, или на опредѣленіе мѣры, по какой намъ употреблять запасъ свой. Не лзя было спасти хлѣба, совершенно размокшаго въ морской водѣ. Положили, чтобы каждому человѣку, больному и здоровому, давали въ день по четверти фунта солонины и по четыре луковицы, пока еще не изойдетъ лукъ. Сія слабая пища едва могла сохранять насъ отъ смерти; однакожь мы не могли увеличить своей мѣры, не зная, какъ долго надлежало намъ жить на семъ пустомъ берегу.

Перваго-надесять Декабря, въ шестой день послѣ нашего кораблекрушенія, въспрѣ упихъ и далъ намъ волю спустить на воду шлюпку и ѣхать на корабль посмотрѣть, не осталось ли въ немъ чего нибудь. Большую часть дня надлежало употребить на обрубиваніе толстаго льду, покрывавшаго мостъ и сходы внизъ. На другой день удалось намъ вытащить небольшую кадку, въ кошорой было сто фунтовъ солонины, два ящика съ лукомъ, три съ бушылками Канадскаго бальсама, одинъ съ папашами,

ями, бутылку съ масломъ, весьма полезымъ для ранъ многихъ мапросовъ, другой шопоръ, желѣзной горшокъ, два кошла, и около двѣнадцати фунтовъ свѣчь. Сіе драгоцѣнное приобрѣшеніе привело насъ въ состояніе въ слѣдующій день прибавить чешыре луковицы къ нашей ежедневной порціи.

Четвертаго-надесять числа были мы еще на кораблѣ, и взяли парусы, изъ которыхъ одна часть служила намъ для закрытія нашей хижины, чтобы не проходилъ въ нее снѣгъ. Въ самой сей день раны шѣхъ, которые не терлись снѣгомъ, начали гнить. Съ ногъ, рукъ и съ другихъ больныхъ членовъ ихъ, сходила кожа съ нестерпимою болью. У плотника, вышедшаго на берегъ послѣ всѣхъ, опшвалилась большая часть ногъ; а въ ночи на пятое-надесять число пришелъ онъ въ бѣшенство. Въ семъ состояніи пробылъ онъ до другаго дня, въ которой смерть избавила его отъ мучительнаго существованія. Черезъ три дни умеръ нашъ младшій ботсманъ такимъ же образомъ, лишившись ума за нѣсколько часовъ до смерти; а на другой день случилось то же самое съ мапросомъ. Мы покрыли ихъ шрупы снѣгомъ и вѣшьями,

не имѣя ни заспуа, ни кирки, чтобы вырыть имѣ могилу; но хотя бы они и были у насъ, однакожь земля такъ глубоко промерзла, что и сіи инструменты не могли бы ее взять.

Всѣ сіи пошери, послѣ кошорыхъ ошалоь насъ только чешырнатцашь человекѣ, были для насъ не весьма гореспны, какъ въ разсужденіи умершихъ, такъ и въ разсужденіи самихъ насъ. Въ бѣдспвенномъ состояніи своемъ почитали мы смершь болѣе благодѣяніемъ, нежели наказаніемъ; и когда возбуждалась въ насъ споль естественная любовь къ жизни, то каждой изъ насъ долженъ былъ шоварищей своихъ почитатъ за враговъ, кошорые, будучи вооружены голодомъ, хопѣли его смерши. Еспьли бы въ самомъ дѣлѣ нѣкошорые не лишились жизни, то скоро были бы мы приведены въ спрашную необходимость умереть отъ голода, или умерщвлять и пожиратъ другъ друга. Но хотя мы и не дошли еще до сего ужаснаго состоянія, однакожь намъ не лья было думать, чтобы какой нибудь новой нещасной случай могъ еще умножить наше бѣдспвіе. Беспреспанное чувство сильной спужи и мучишельнаго голода; боль ранъ, умножаемая теплотою огня;

огня; стenanіe, спpаждущихъ; беспорядокъ и нечистота, которые не только другихъ, но и самихъ насъ заставляли собою гнушаться; всѣ сіи картины опчаянія, насъ окружающія, и ожиданіе медленной и жестокой смерти, въ мѣстахъ пустыхъ, въ удаленіи отъ родственныхъ и друзей, отъ сладостнаго ихъ успѣшенія — вотъ слабое изображеніе бѣдствій, чувствованныхъ сердцемъ нашимъ каждую минушу въ теченіе долгихъ дней и безконечныхъ ночей!

Часто ходили мы съ ботсманомъ искать въ сей сторонѣ слѣдовъ человѣческихъ. Мы не могли ходить далеко, и возвращались всегда безъ успѣха. Однажды рѣшились мы итти гораздо далѣе по берегу замерзшей рѣки. Отъ времени до времени попадались намъ въ глаза слѣды лося и другихъ звѣрей; почему мы весьма жалѣли, что у насъ не было ружей и пороху для стрѣльбы. Слабая надежда польстила намъ. Шедши по указанію нѣкоторыхъ деревъ, надрубленныхъ съ одной стороны шпоромъ, пришли мы на такое мѣсто, гдѣ недавно надлежало бытъ Индійцамъ; для того что ихъ Вигвамъ былъ еще тупъ, и кора, на то употребленная, казалась еще свѣжею.

Лосиная кожа, развѣшенная на шесту, подтвердила наше чаяніе. Мы обходили съ поспѣшностію всѣ окрестности, но тщетно. По крайней мѣрѣ мы съ удовольствіемъ думали, что въ семъ мѣстѣ были шаманскіе жилища или путешественники, и что они могли скоро опять прийти сюда. Занимаясь сею мыслью, вырубилъ я большой шестъ, воткнулъ его на берегу рѣки, и привязалъ къ нему кусокъ березовой коры, обрѣзавъ ее на подобіе руки, указывавшей пальцемъ въ ту сторону, гдѣ была наша хижина. Я почелъ за нужное взять съ собою лосиную кожу, чтобы дикіе по своемъ возвращеніи могли понять, что какія нибудь люди были въ семъ мѣстѣ послѣ ихъ, и узнать, куда они пошли. Приближеніе ночи принудило насъ идти обратно въ жилище наше; и мы удвоили шаги, чтобы товарищамъ нашимъ скорѣе сообщить такія пріятныя вѣсти. Хотя сіе открытіе должно было по справедливости возбудить въ нихъ не великую надежду, однакожь рассказанное мною ихъ весьма обрадовало — такъ благодѣтельное побужденіе Nature заставляетъ несчастныхъ пользоваться всею ихъ, что можетъ облегчить чувство ихъ страданія!

Нѣсколь-

Нѣсколько дней безпрестанно ожидали мы Индійцовъ. Мало помалу сія сладостная надежда ослабѣвала, а наконецъ и совсѣмъ исчезла. Нѣкоторые изъ нашихъ больныхъ, между прочими и Капишанъ, начинали въ сіе время приходиться въ силу, и запасъ нашъ видимо уменьшался. Тогда объявилъ я свое намѣреніе отправиться на шлюпкѣ вдоль по берегу со всѣми шѣми, которые могли управлять ею, чшобы искать какой нибудь помощи. Сіе предложеніе было всѣми вообще принято; но когда пришло дѣло къ исполненію онаго, то представилось новое затрудненіе, а именно: какъ исправить шлюпку, которую волны съ такою жестокостію о песокъ ударяли, что она разсѣлась во всѣхъ смычкахъ? Конопати было довольно для задѣлки щелей; но къ несчастію не было смолы для залишя ихъ. Чѣмъ же замѣнишь сей недостатокъ? Долго не могли мы ничего придумать; но вдругъ вздумалъ я употребить на сіе Канадской бальсамъ, нами спасенной. Легко было сдѣлать опытъ. Я влилъ его нѣсколько бушелокъ въ желѣзной горшокъ и поставилъ на большой огонь. Снимая его часто съ огня и давая ему засыхать, сдѣлалъ я

его довольно густымъ. Въ сіе время поварищи мои оборотили шлюпку и скоро очистили ее отъ песку и льду. Я велѣлъ конопачить всѣ щели, и заливая ихъ бальсамомъ, увидѣлъ, что онъ наилучшимъ образомъ производилъ желанное дѣйствіе.

Сей первой успѣхъ одушевилъ насъ живѣйшею ревностію къ продолженію нашихъ приготовленій. Кусокъ полотна, прикрѣпленной къ шесту, которой могъ по произволению подыматься и опускаться, долженъ былъ служить намъ парусомъ, и могъ при шикомъ и благопріятномъ вѣтрѣ облегчать работу нашихъ гребцовъ. Еще не многіе изъ матросовъ были въ силахъ сносить тѣ трудности, которыя мы предвидѣли въ такой экспедиціи. Для сего выбрали меня, Капитана, ботсмана, двухъ матросовъ и моего слугу. Оставшійся запасъ раздѣленъ былъ по числу людей на четырнадцать равныхъ частей, и чрезвычайныя труды, нами предпринимаемые для общей пользы, ни мало не могли увеличить части нашей въ разсужденіи тѣхъ, которые покойно оставались въ хижинѣ. Съ сею бѣдною порціею, въ день по четверти фунта солины, которой, по сей мѣрѣ, надле

жало

жало спастъ на шесть недѣль; на слабомъ челночкѣ, злипомъ ненадежною жидкостію, которой малѣйшею волною, легчайшимъ порывомъ вѣтра могъ быть опрокинутъ, и ошъ малѣйшаго камня разбиься на мѣлкія части; среди ужасныхъ громадъ плавающихъ льдинъ; вдоль берега неизвѣстнаго, усыпаннаго камнями, и въ самое жесточайшее время года — надлежало пуспиться въ море и производить въ дѣйство такое предпріятіе, которое могло бытъ вдохнуто однимъ слѣпымъ опчаяніемъ. Но мы были въ такомъ положеніи, что благоразумнѣе было подвергнуться всѣмъ возможнымъ опасностямъ при самомъ слабомъ блескѣ надежды, нежели по слабодушному недѣйствію предаться почти неизбѣжной гибели въ томъ состояніи, въ которомъ были мы оставлены всею Натурою.

Наступилъ 31 годъ. Мы намѣрены были отправиться на другой день, т. е. вшораго Генваря. Сильной сѣверо-западной вѣтрѣ задержалъ насъ до полудня четвертаго числа. Когда онъ утихъ, мы положили въ шлюпку свой запасъ, нѣсколько фуншовъ свѣчъ и всѣ шѣ мѣлочи, которыя могли бытъ намъ полезны, и простились съ своими товарищами,

щами, не зная, увидимся ли когданибудь. Мы отплыли еще не болѣе осьми миль, какъ вѣтрѣ, обращая къ юго-востоку, воспрепятствовалъ намъ въ пути и принудилъ насъ греблю войти въ широкій заливъ, копорой былъ для насъ благопріятнымъ убѣжищемъ на ночное время. Прежде всего вынули мы свой запасъ и выпасили шлюпку на берегѣ, чпобы морскія волны не могли ее захватить. По томъ развели огонь и нарубили дровъ сколько, чпобы достало ихъ до утра. Самыя мягчайшія сосновыя вѣшви упошребили мы на постелю, а изъ большихъ сдѣлали на скорую руку родъ Вигвама, чпобы скольконибудь укрышся отъ холода и вѣтра. Во время нашего бѣднаго ужина примѣшилъ я на берегу нѣсколько ошломковъ, принесенныхъ приливомъ, копорые, казалось, были обрублены топоромъ; увидѣлъ и довольно длинныя шесты, обдѣланные нѣкогда человѣческою рукою. Однакожь мы не видали никакихъ иныхъ слѣдовъ обитаемости. Въ двухъ миляхъ отъ насъ видѣнъ былъ пригорекъ безъ лѣсу, гдѣ примѣтны были нѣкоторыя знаки обработанности. Я уговорилъ двухъ изъ товарищей итти туда прежде

окончания дня, чтобы осмотрѣть отшуда большую часть сей земли. Шедши вдоль залива, мы нашли рыбацью лодку, какія употребляются въ Терра-Нова; она была до половины сожжена, и остатки ея лежали въ песокѣ. Сей предметъ подалъ намъ новую надежду и заставилъ насъ поскорѣе добираться до пригорка. Взошедши на вершину его, съ какою радостію увидѣли мы на другой сторонѣ нѣскогорья зданія, до которыхъ было по крайней мѣрѣ не далѣе тысячи геометрическихъ шаговъ! Не смотря на нашу усалость, скоро перешли мы сіе разстояніе. Сердца наши сильно бились отъ надежды и радости; но сіи сладостныя чувства скоро исчезли. Тщешно ходили мы по всѣмъ зданіямъ: онѣ были пусты. Сіи зданія были магазины для пригошвленія шпокѣша, которые по видимому уже нѣсколько лѣтъ были оставлены. Однакожь печальной плодъ сего поиска былъ тотъ, что мы болѣе ушвердились въ надеждѣ найти какое нибудь человѣческое жилище, продолжая плыть вокругъ острова.

Вѣтрѣ, превратившійся въ сѣверо-западной, не далъ намъ плыть на другой день; ибо мы боялись, чтобы льдины, несомыя въ волнахъ, не разбили нашей шлюпки.

шлюпки. Три дни продолжался онъ съ равною жестокостію. Проснувшись ночью, весьма я удивился, слыща одинъ пронзительной ревъ его, бсзъ обыкновеннаго глухаго шума морскихъ волнъ. Я разбудилъ боцсмана и сказалъ ему о семъ. Будучи любопытны знать причину пого, мы побѣжали къ берегу. Луна освѣщала насъ лучами своими; и при печальномъ свѣшъ ея вездѣ увидѣли мы морскія воды неподвижныя въ цѣпяхъ льда, возвышавшагося по разнымъ мѣстамъ въ высокихъ громадахъ. Какъ изобразишь чувство горести, произведенной въ сердцахъ нашихъ симъ видомъ? Мы не могли ни далѣе плыть, ни возвратиться въ свою хижину, которая могла бы насъ лучше защищать отъ увеличившагося холода; и не знали, какъ долго надлежало намъ пребыть въ семъ несчастномъ состояніи. Два дни мучились мы сими горестными мыслями. Наконецъ, девянаго числа, вѣтръ ушихъ. На другой день подулъ онъ съ юго-востока, и съ такою силою, что весь ледъ, которой держалъ насъ въ заливѣ какъ въ осадѣ, съ великимъ шумомъ взломался и былъ унесенъ въ море; и въ чешыре часа по полудни совсѣмъ его не видно было вдоль берега.

Разрушивъ цѣпи, насъ удерживавшія, пиранъ воздуха чрезмѣрною яростію своею сковалъ для насъ другія. Черезъ два дни онъ ушихъ. Легкой западной вѣтерокъ повѣялъ вдоль берега. Мы спустили на воду свою шлюпку, распустили парусы, и опплыли уже довольно далеко, какъ увидѣли впереди въ нѣсколькихъ миляхъ весьма возвышенную землю. Казалось, что берегъ составлялъ до того мѣста сплошь непрерывной поясъ крутыхъ скалъ, что ни какъ не возможно было покуситься пристать къ нему, не доплывъ до сего отдаленнаго мыса. Однакожь опасно было такъ далеко пускаться. Въ шлюпкѣ показалась печь, такъ что двумъ чловѣкамъ надлежало безпрестанно выливать воду. Но чему могли мы грѣсть только двумя веслами; и слабость, въ которую мы приведены были горестями своими и недостаткомъ въ пищу, едва позволяла намъ выдерживать сію легкую работу. Что бы съ нами сдѣлалось, если бы вѣтръ сдѣлался сѣверо-западной? Шлюпка наша необходимо бы разбилась о камни. Къ счастью мы уже не уважали никакой опасности, и вѣтръ такъ помогъ мужеству нашему, что около одиннадцати часовъ ночи приплыли мы

кѢ мысу. Но какѢ мѣсто для пристани было не удобно, то мы принуждены были итти вдоль по берегу до двухѢ часовѢ утра, вѢ которое время вѣтрѢ усилился и ошнѣлъ у насѢ свободу искать лучшаго мѣста. Мы должны были сойти, или лучше сказать, взлѣзть сѢ великимѢ трудомѢ на каменистой берегѢ, не могли шлюпки своей укрыть отѢ волнѢ, грозившихѢ разбить ее о камни.

Мы приспали вѢ мѣлкомѢ заливѢ, заключенномѢ со стороны земли чрезвычайными горами, а сѢ моря откритомѢ сѢверо-западному вѣтру, отѢ котораго ничто не могло насѢ защитить. ВѣтрѢ, поднявшійся 13 числа, бросилѢ нашу шлюпку на каменной бугорѢ и разбилѢ ее во многихѢ частяхѢ. Сие приключеніе было только преддверіемѢ кѢ новымѢ бѣдствіямѢ. Будучи окружены скалами, по которымѢ никакѢ не лзя было пробраться вѢ лѣсѢ, чтобы искать шамѢ убѣжища; не находя никакого покрова, кромѢ паруса, совсѣмѢ обмерзшаго; и будучи нѣсколько дней заваливаемы снѣгомѢ, копорой вокругѢ насѢ выпалѢ глубиною на три фута, не имѣли мы для разведенія огня ничего, кромѢ вѣтвей и ошломковѢ, которые по случаю были

были выброшены на берегъ. Въ семъ жалостномъ состояніи пребыли мы до 21 числа. Тогда погода стала лучше; но мы не могли уже шбмъ воспользоваться. Какъ починить шлюпку, совсбмъ разбишю? Размысливъ о разныхъ средствахъ, приходившихъ намъ на умъ, и отвергнувъ ихъ за невозможность, рбшились мы искать своего спасенія сб другой стороны.

Хотя не возможно было перелбзть черезъ скалы, со всбхъ сторонъ насъ окружавшія, однакожь, будучи принуждены совсбмъ оставить шлюпку, вздумали мы ийти по крайней мбрб вдоль берега по льду, которой могъ насъ поднять. Мы сб боцманомъ рбшились сблать опытб, и потчасб пошли. Прошедши нбскольکو миль, пришли мы къ устью рбки, окруженной песчанымъ берегомъ, гдб бы мы могли спасти свою шлюпку и жить гораздо лучше, еслы бы намъ удалось прежде шупб пристать. Сіе открытие, возбудивъ въ насъ сожалбніе, не далеко распространяло надежду нашу. Правда, что опшуда легко было пройти въ лбсб; но надлежало ли наудачу далеко заходить въ дикихъ мбстахъ, чшобы сыскать какое нибудь жилище? Какимъ

образомъ проходить сквозь черную густоту лѣса? А особливо, какъ итти по снѣгу, которымъ земля была покрыта на шесть футовъ, и которой могъ быть размяченъ самомалѣйшею опшпелью? По возвращеніи нашемъ признано было за единственное средство то, чшобы взять и нести на себѣ запасъ нашъ и всѣ полезныя намъ вещи, и итти вдоль по берегу, гдѣ лучше можно было надѣяться найти наконецъ нѣкошорыя семейства рыбаковъ, или дикихъ. Казалось, что по времени надлежало еще быть морозамъ; и какъ вѣтръ сдулъ большую часть снѣга, лежавшаго на льду подлѣ берега, то мы могли надѣяться итти вѣ день по осьми или по девяти Англійскихъ миль, какъ ни были истощены силы наши.

Сіе рѣшеніе было утверждено единогласно. Мы совсѣмъ приготовились къ путешеству, и намѣрены были отпра- виться поутру 24 числа; но вѣ пред- шедшей ночи вѣтръ вдругъ оборотился къ юго-востоку, и пошелъ при томъ силь- ной дождь, такъ что черезъ нѣсколько часовъ сей снѣжной черепъ, которой на канунъ казался столь твердымъ, совсѣмъ растаялъ, и ледъ вездѣ отсталъ отъ береговъ. Открылось болѣе дорогъ къ

выходу изъ сего несчастнаго мѣста, гдѣ мы заключены были. Среди горестныхъ своихъ размышлений иногда посматривали мы на шлюпку, которую часто покушались изрубить на дрова, не ожидая отъ нее никакой услуги. У насъ было еще сполько конопати, что можно было задѣлать всѣ новыя щели; но бальзамъ Канадской весь изошелъ на ежедневныя наши подѣлки, и намъ совсѣмъ не приходило на умъ, чѣмъ бы замѣнить его.

Между тѣмъ на третій день опять спало холодно. Жестокоспъ спужи ночью вселила мнѣ въ голову мысль, которую по наступленіи дня спѣшилъ я произвести въ дѣйство; а именно, лишь въ законопаченныя щели воду и давать ей путь замерзать до нѣкоторой толщины. Товарищи мои презирали мою выдумку и съ шрудомъ согласились помогать мнѣ. Но сіе простое средство удалось мнѣ сверхъ моего чаянія. Всѣ дыры были симъ образомъ такъ крѣпко задѣланы, что водѣ, казалось, никакъ не лзя было пройти, пока такіе морозы продолжались.

На другой день, 27 числа, сдѣлали мы въ шомъ щастливой опыщѣ. Хотя шлюпка спала очень шяжела, и весьма

трудно было править ею отъ большаго количества льду, копорымъ она была облѣплена, однакожь въ день опплыли мы около десяти Англійскихъ миль. Почему она спала намъ драгоцѣннѣе, и мы постарались греблю приставить къ самому безопаснѣйшему для нее мѣсту. Большой льдъ, бывшій не далеко отъ берега, доставлялъ намъ двѣ выгоды, копорыхъ мы уже столько ночей не имѣли: слабое убѣжище отъ холоднаго вѣтра и изобильное количество дровъ для разведенія большаго огня, согрѣвавшего насъ во время сна. Сіе двоякое удовольствіе было для насъ весьма сладостно. У насъ изошелъ почти весь шрутъ; и такъ чтобы замѣнить его, сжегъ я часть своей рубашки, копорую не перемѣнялъ съ самаго того времени, какъ сошелъ съ корабля.

На другой день пошелъ сильный дождь, и ледъ на нашей шлюпкѣ весь распаялъ. Такимъ образомъ къ горести нашей лишились мы выгоды хорошаго дня, въ копорой бы могли мы оплыть нѣсколько Французскихъ миль. Надлежало дожидаться мороза; а нетерпѣніе и горечь нашу умножало то, что солонины оставалось у насъ на каждаго человѣка только по два фунта съ половиною.

Мора-

Морозить спало не прежде 29, и по послѣ полудня; и приготоуленія наши были такъ продолжительны, что до ночи не могли мы опплыть болѣе пяши Англійскихъ миль. Сильной вѣтрѣ, захва- шившій насъ на другой день при самомъ началѣ нашего пуши, принудилъ насъ оспановиться, не давъ опплыть болѣе двухъ миль. Оштепель продержала насъ на берегу еще сутки, т. е. до перваго Февраля. Вѣ сей день холодъ былъ такъ великъ, что мы могли починить свою шляюпку; но плавающихся льдинъ было такое множество, что одному изъ насъ надлежало безпрестанно разбивать ихъ шестомъ, и съ великимъ шрудомъ могли мы до ночи переплыть двѣ мили.

Плаваніе наше было гораздо шастливѣе третьяго числа. Вѣтрѣ дулъ для насъ самой попушной. Хотя вѣ шляюпкѣ была печь, и намъ надлежало выливать воду, однакожь сперва плыли мы съ помощью веселъ вѣ часъ по полшоры мили, а по томъ и по двѣ съ помощью одного наруса. Около двухъ часовъ по полудни опкрылся намъ весьма высокой мысъ, ко- торой, казалось, былъ отъ насъ не далѣе трехъ миль. Чрезвычайная его вышица обманула насъ вѣ разсужденіи разстояніа.

Печши уже ночью доплыли мы до него. Приближаясь къ нему, увидѣли мы, что шлюпка наша перемѣнила ходъ свой, такъ что мы принуждены были опустить парусъ и приняться за веслы. Вътрѣ дулъ отъ берега. По слабымъ силамъ нашимъ не могли мы ему противиться; и естли бы не помогъ намъ приливъ отъ сѣверо-востока, которой нѣсколько выдерживалъ его усиліе, то онъ могъ бы насъ унести навсегда въ открытое море.

Намъ опасно было пристать къ берегу, окруженному скалами. Надобно было съ великимъ страхомъ греблею плыть вдоль берега подлѣ камней до пяти часовъ утра. Тогда уже силы наши совсѣмъ истощились, и не могши далѣе грести, забыли мы весь страхъ и рѣшились пристать. Самъ Богъ помогъ намъ въ семъ, и не случилось ничего несчастнаго, кромѣ того, что шлюпка наша, до половины водою наполненная, была выброшена на берегъ. Дѣсь былъ не далеко; однакожь мы съ трудомъ дошли до него и расклали огонь, чтобы согрѣться и высушить свое платье. Усталость и бессонница привели насъ въ такое разслабленіе, что мы не могли удержаться отъ сна,

сна, когда разгорѣлся нашъ огонь. Мы принуждены были по очереди будить другъ друга, боясь, чтобы онъ не угасъ, когда бы мы все вдругъ уснули, и чтобы въ семь уснленіи не замерзнуть. Проснувшись и примѣчая мѣсна, могъ я увѣришься въ томъ, что думалъ во время пуши; а именно, что сіе острое возвышеніе земли, до коего мы доплыли, есть Сѣверной мысъ Королевскаго острова, кошорой съ Королевскимъ мысомъ на островѣ Терра-Нова отдѣляетъ заливъ Св. Лавренція.

Радостная увѣренность, что мы находимся на обитаемомъ островѣ, могла бы намъ подать надежду наконецъ помощь, естли бы мы, продолжая свое путешествіе, могли пропитаться во все сіе время; но запасъ нашъ почти весь изошелъ; а сіе приводило насъ въ отчаяніе. Намъ представлялась только одна близкая смерть, или ужасныя средства къ ея отдаленію. Мы съ горестію обращали глаза другъ на друга, и казалось, что каждой гошовъ былъ назначить жертву въ удовлетвореніе своему голоду. Уже нѣкоторые изъ насъ согласились поручить сей выборъ рѣшенію слѣпаго жребія; но къ щастію произведеніе въ дѣйство се-

го предложенія было опложено да самой крайности.

Между тѣмъ, какъ мои поварищи выбрасывали изъ лодки песокъ, которымъ волны наполнили ее, и конопатали въ ней дыры, поливая ихъ водою и давая ей замерзать, пошли мы съ ботсманомъ вдоль по берегу искать устрицъ, копорыхъ раковины валялись по разнымъ мѣстамъ. Къ несчастію онѣ были всѣ пустыя. Мы почли бы себя весьма благополучными, естля бы нашли какіе нибудь трупы звѣрей, не совсѣмъ сѣбденныхъ хищными птицами; но всѣ сіи ошашки были покрыты снѣгомъ. Мы не могли найти для себя ни самой грубѣйшей пищи. Не довольно того, что судьба привела насъ на пустой берегъ; но къ умноженію нашего злощастія случилось сіе въ самое жестокое время года, когда не только земля не производила ничего въ пищу намъ, но и животноя, населяющія тѣ двѣ степи, копорыя питаютъ человека, спрятались въ свои пещеры или норы, чтобы укрыться отъ жестокаго холода, опустошающаго сіи жестокіе климаты.

Я боялся бы произвести мучительное чувство въ тѣхъ сердцахъ, копорыя до сего

сего времени нѣжно сожалѣли о нашей участи, естли бы изобразилъ бѣдствіа, которыя терпѣли мы въ слѣдующіе дни, во всей ихъ ужасности. Пинаясь одними сухими плодами шиповника, найденными подъ снѣгомъ, и сальными свѣчами, которыя сохранили мы для самой крайности; помимые успалостію при самомъ малѣйшемъ напряженіи силъ; удерживаемые въ пуши нашемъ или льдомъ, или дождемъ, или вѣтрами; ободряемые иногда слабою надеждою, и по томъ оцять приходившіе въ жестокое отчаяніе; терзаемые горестнымъ чувствомъ всѣхъ сихъ бѣдствій, угнѣтавшихъ насъ ежеминутно и днемъ и ночью: — вотъ по положеніе, въ которомъ были мы до 17 числа. Въ сей день, пришедши въ крайнюю слабость, вышли мы на берегъ въ послѣдній разъ, рѣшася умереть въ семъ мѣстѣ, естли Небо не пошлетъ намъ какой нибудь нечаянной помощи. Мы не въ силахъ были поставитъ шлюпку свою въ безопасномъ мѣстѣ. Вынувъ изъ нее всѣ свои инструменты и парусъ, служившій намъ кровомъ, мы предали ее ярости волнъ. Собравъ послѣднія силы свои, сгребли мы снѣгъ съ того мѣста, на которомъ рѣшились расположитъся, и обклатили имъ

вокругъ, чѣобы посадишь шутъ сосновыя вѣшви, копорыя могли бы намъ служишь защитою; а по томъ нарубили дровъ столько, сколько могли, чѣобы было что жечь, бояся скоро припши въ несостояніе работашъ шпоромъ.

Нѣсколько горстей шиповныхъ ягодъ, разваренныхъ въ снѣжной водѣ, соспавляли всю нашу пищу въ шечніе первыхъ дней. Наконецъ и онѣ всѣ изошли; и мы были рады тому, чѣо могли замѣнишь ихъ морскими шравами, копорыя росли на берегу. Варя ихъ нѣсколько часовъ, чѣобы онѣ сколько нибудь стали помягче, положилъ я въ сію похлебку одну изъ двухъ оставшихся у насъ свѣчь. Сей опшратительной бульюнъ и жесткіи шравы ушполили нашъ голодъ; но черезъ нѣсколько минушъ почувствовали мы ужасную шоску, не могши очиспишь своего желудка. Сія шоска продолжалась около чешырехъ часовъ; послѣ чего почувствовали мы облегченіе, но пришли припомъ въ совершенное разслабленіе.

Однакожь на другой день надлежало прибѣгнутьъ опять къ той же пицѣ, копорая произвела такое же дѣйствіе, но только не съ такою силою. Испрашивъ по-

послѣднюю свѣчу, мы должны были черезъ
 при дни довольствоваться жесткими и
 грубыми правами, которыя всегда съ ве-
 ликимъ отвращеніемъ подносили мы ко
 ршу. Въ сіе время ноги наши стали
 пухнуть. Сія опухоль распроспранилась
 по всему шѣлу, такъ что не смотря на су-
 хость нашу, можно было при малѣйшемъ
 гнѣшеніи вдавливать палецъ въ кожу глу-
 биною на дюймъ и болѣе, и знакъ видѣнъ
 былъ еще черезъ часъ. Казалось, что
 глаза наши свѣпились изъ глубокихъ ямъ.
 Безпорядочное соспояніе крови нашей и
 холодные инеи привели насъ въ такую
 недвижимость, что мы едва могли по оче-
 реди доползати до огня, почти угасшаго,
 и раздувати его, или собирали нѣкото-
 рыя сухія вѣтви, по снѣгу разсѣяныя.
 Тогда - по помышленіе о моемъ опцѣ,
 провождавшемъ меня среди самыхъ вели-
 чайшихъ опасностей, весьма живо про-
 нуло сердце мое, соединясь съ помышле-
 ніемъ о погибели моей. Я воображалъ
 себѣ, какъ сей нѣжной родитель сперва
 ожидаетъ отъ меня писемъ и безпокоит-
 ся; по томъ, не получая обо мнѣ извѣ-
 стія, терзается горестію; а наконецъ
 во всѣ дни старости своей проливаетъ
 слезы о смерти своего сына. Я самъ
пла;

плакалъ о томъ, что умираю не въ объ-
 яшяхъ его, и не получаю отъ него послѣ-
 дняго благословенія. Послѣ сихъ трогательныхъ мыслей, прерванныхъ спенаніемъ товарищей моихъ, пришли мнѣ въ голову мысли варварскія, вдохнушыя въ меня естественнымъ побужденіемъ къ сохраненію жизни. Сіи несчастные товарищи моего бѣдствія, кошорыхъ труды до того времени мнѣ помогали, казались мнѣ добычею, могшею утолить мой голодъ. Такія же чувства чиналъ я и въ ихъ алчныхъ взорахъ. Не знаю, до чего бы довело насъ сіе свирѣпое расположеніе; но вдругъ голосъ человѣческой раздался по лѣсу. Въ ту же самую минушу увидѣли мы двухъ Индійцовъ съ ружьями, которые, казалось, еще не примѣтили насъ. Сіе внезапное явленіе оживило нашу бодрость и силы, такъ что мы встали и пошли къ нимъ со всею возможною для насъ поспѣшностію.

Увидя насъ, стали они какъ вкопанные. Они пристально на насъ смотрѣли, будучи неподвижны отъ удивленія и ужаса. Кромѣ того изумленія, въ которое должно было имъ притти нашедши на семъ пустомъ берегу острова шестерыхъ иностранцевъ, одинъ нашъ видъ могъ устра-

устрашитъ самаго смѣлѣйшаго. Платье наше, лоскутьями висящее; глаза наши, едва видимые подъ опухолью желтыхъ щекъ; ужасная толщина всѣхъ нашихъ членовъ; наша щетинная и кудрявая борода; волосы наши, беспорядочно висящіе по плечамъ: — все сіе составляло страшной предметъ. Однакожь, по мѣрѣ приближенія нашего къ Индійцамъ, радостныя щаспливья чувства изображались на лицахъ нашихъ. Одни проливали сладостныя слезы, а другіе улыбались отъ радости. Хотя сіи мирные знаки должны были немного успокоить Индійцовъ, однакожь они не показывали ни малой охоты къ намъ приближиться; но гнусной образъ нашъ могъ извинить ихъ холодность. Я подошелъ къ тому, которой былъ ко мнѣ ближе, и съ видомъ покорности протянулъ ему руку. Онъ взялъ и потрясъ ее отъ всего сердца: образъ привѣтствія у сихъ дикихъ людей.

Потомъ начали они разными шлодвиженіями показывать намъ, что берутъ участіе въ нашей жалостной судьбѣ. Я сдѣлалъ знакъ, чтобы они пошли къ нашему огню. Въ молчаніи шли они за нами и сѣли подлѣ насъ. Одинъ изъ
нихъ

нихъ, говорившій испорченнымъ Французскимъ языкомъ, просилъ насъ увѣдомиль ихъ, откуда мы, и какой случай привелъ насъ въ сіе мѣсто. Я рассказалъ ему кратко все наше несчастіе и бѣдствія, нами претерпѣнныя. Примѣшивъ, что повѣсть моя довольно тронула его, спросилъ я у него, не можетъ ли онъ сказать намъ чего нибудь для утоленія нашего голода. Могу, отвѣчалъ онъ; и увидя, что огонь нашъ почти погасъ, вдругъ вспалъ, схватилъ нашъ топоръ, посмотрѣлъ на него и улыбнулся — думаю, для того, что онъ былъ въ весьма худомъ состояніи. Бросивъ его съ презрѣніемъ, взялъ въ руки свой топоръ, бывший у него за поясомъ. Въ минушу срубилъ онъ множество вѣтвей и бросилъ ихъ въ огонь; по томъ взялъ свое ружье, и, не сказавъ ни слова, ушелъ отъ насъ съ своимъ товарищемъ.

Такой внезапной уходъ могъ бы привести въ безпокойство ихъ, которые не знаютъ нрава Индійцевъ; но мнѣ извѣстно было, что сіи люди безъ крайней нужды рѣдко говорятъ. И шакъ я увѣренъ былъ, что они пошли искать намъ пищи; и успокоивалъ усмрашенныхъ товарищей своихъ, говоря, что они къ намъ

намъ скоро возвращаются. Не смотря на великую нашу нужду въ пищу, голодъ не былъ для насъ, или по крайней мѣрѣ для меня, самую величайшею нуждою. Хорошій огонь, копорой развели намъ дикіе, въ сію минушу удовольствовалъ всѣ мои желанія; и перпѣвъ долгое время жестокой холодъ подлѣ нашего всякой часъ погасавшаго огня, грѣлся я съ неописаннымъ удовольствіемъ.

Прошло около трехъ часовъ послѣ ухода Индійцовъ, и огорченные поварищи мои начали перяшь надежду увидѣшь ихъ; но наконецъ показались они плывущіе въ лодкѣ, сдѣланной изъ коры, мимо вдавшейся въ море косы. Скоро вышли они на берегъ, неся большую часть копченаго мяса и пузырь съ рыбимъ жиромъ. Они взяли нашъ горшокъ и въ снѣжной водѣ спали варить мясо; когда же оно сварилось, то они изъ осторожности давали намъ его весьма по немногу, съ небольшимъ количествомъ жира, чтобы предохранить насъ отъ опасныхъ слѣдствій пресыщенія при слабомъ состояніи нашего желудка.

По окончаніи сего меньшаго обѣда, они велѣли мнѣ и двумъ изъ моихъ поварищей съестъ съ ними въ ихъ малень-

кую лодку, въ которой всѣ мы не могли помѣститься. До жилища ихъ было не далѣе трехъ Англійскихъ миль. На берегу встрѣшили насъ прое Индійцовъ и около двѣнацати женщинъ и дѣтей, насъ ожидавшихъ. Привезшіе насъ воропились за товарищами нашими, а другіе повели насъ въ свои хижины, или Вигамы, построеныя въ концѣ лѣса. Хижинъ было только три, по числу семействъ. Сии добрыя люди приняли насъ весьма ласково. Они дали намъ нѣкоторой родъ похлебки; но не смотря на нашу просьбу, не позволяли намъ ѣсть мяса и никакой другой тяжелой пищи.

Я былъ весьма обрадованъ, когда лодка возвратилась и пришли къ намъ прое товарищей нашихъ. Увидясь въ хижинъ дикихъ, послѣ самой короткой разлуки, мы чувствовали то, что ощущаютъ старинные друзья, которые, вздыхавъ долгое время въ разлукѣ, наконецъ обнимаютъ другъ друга въ своемъ отечествѣ. Сей шалашъ казался намъ самымъ пріятнѣйшимъ мѣстомъ. Восхищеніе наше пронуло одну старуху, которая оказывала великое любопытство знать наши приключенія. Я рассказалъ ихъ гораздо подробнѣе тому Индійцу, кошо-

которой могъ разумѣть по Французски; а онъ перевелъ слышанное отъ меня на свой языкъ для прочихъ дикихъ. Во время его повѣствованія имѣлъ я случай примѣшить, что женщины были онымъ весьма пронушы; а по сему живому впечатлѣнію могъ я думать, что съ нами будущъ хорошо обходиться во все время нашего пребыванія у сихъ дикихъ.

Удовлетворя первымъ нашимъ нуждамъ, спали мы помышлять о тѣхъ несчастныхъ, которые оспались на мѣстѣ нашего кораблекрушенія. Судя по тѣмъ бѣдспвіямъ, въ которыхъ мы едва было совѣмъ не погибли, я думалъ, что судьба ихъ могла быть еще ужаснѣе нашей. Но еслили хотя одинъ изъ нихъ оспался живъ, то я готовъ былъ употребить все средства къ его спасенію. Спаяраясь описать дикимъ то мѣсто острова, къ которому мы принесены были, спрашивалъ я у нихъ, не льзя ли подать помощи оставшимся тамъ товарищамъ нашимъ.

Когда я описалъ имъ теченіе ближайшей рѣки и небольшой островъ, находящійся въ недальномъ отстояніи отъ нея устья, то дикіе отвѣчали, что имъ сіе мѣсто весьма извѣстно; что до него

будетъ около 75 Англійскихъ миль; что дороги къ нему черезъ лѣса весьма трудны; что надобно перейти многія рѣки и горы; и что естли они отправацца въ сей пушъ, то имъ надлежитъ ожидать какого нибудь награжденія за свои труды. Не благоразумно было требовать, чибобы они оставили свою ловлю, единственное средство къ прокормленію своихъ женъ и дѣшей, предпринявъ такое трудное путешествіе изъ одной любви къ незнакомымъ. Что касается до опредѣленнаго ими разстоянія, то я вѣрилъ имъ, почитая по собственному своему счету, что вдоль берега опплыли мы не менѣе 110 Англійскихъ миль. Я имъ сказалъ тогда [чего прежде совсѣмъ не приходило мнѣ въ голову], что у меня есть деньги, и что естли они почитаютъ ихъ за что нибудь, то я заплачу имъ за труды ихъ. Казалось, что они были весьма довольны симъ предложеніемъ, и просили меня, чибобы я показалъ имъ деньги свои. Я взялъ кошелекъ у слуги моего и высыпалъ изъ него сто восемьдесятъ гвиней. Сіе золото произвело въ нихъ такія движенія, какихъ я совсѣмъ не ожидалъ отъ народа дикаго; а особливо женщины смотрѣли на него съ чрезмѣрною

ною алчностью: и когда я подарилъ каждому человѣку по гвиней, то они всѣ начали громко хохотать, что означаетъ у Индійцевъ необыкновенную радость.

Какъ бы велики ни были ихъ претребованія, но я ничего бы не пожалѣлъ для спасенія моихъ соотечественниковъ, если бы хотя одинъ изъ нихъ былъ въ живыхъ. Мы уговорились, чтобы имъ на другой день отправились въ дорогу, а мнѣ дать имъ дващцать пять гвиней напередъ, и по возвращеніи ихъ заплашить такую же сумму. Тотчасъ спали они и приготовляли обувь для удобной ходьбы по снѣгу, какъ для нашихъ мажросовъ, копорыхъ надлежало имъ привести съ собою, такъ и для самихъ себя; а въ слѣдующій день поутру они пошли въ путь, получивъ отъ меня назначенную сумму денегъ.

Съ самой той минуты, какъ дикіе увидѣли у меня въ рукахъ золото, лишился я всѣхъ тѣхъ пріятностей, копорыми обязанъ былъ ихъ гостепріимству. Они спали вдругъ такъ корыстолобивы, какъ прежде были щедры; и всякую бездѣлицу, нами отъ нихъ получаемую, цѣнили въ десять разъ дороже надлежа-

щаго. Я спрашился того, чптобы чрезмѣрная страсть къ деньгамъ, которою они заразились въ сообщеніи своемъ съ Европейцами, не побудила ихъ ограбить насъ и оставишь въ томъ жалостномъ положеніи, изъ котораго вышли мы помощію ихъ. У меня была одна надежда, что они не поступятъ съ нами столь безчеловѣчно; а именно на Религію, которую они приняли, бывъ обращены въ Христіанство Французскими Іезуитами, прежде нежели сей островъ былъ намъ отданъ съ Канадою. Они оказывали живѣйшую привязанность къ вѣрѣ; и часто по вечерамъ оглушали насъ своимъ нестройнымъ псалмопѣніемъ. Они болѣе всѣхъ полюбили слугу моего, для того что онъ былъ Ирландской Католикъ и вмѣстѣ съ ними молился, хотя въ сихъ молитвахъ не разумѣлъ ни одного слова. Сомнѣваюсь, чптобы они и сами себя разумѣли; ибо ихъ пѣсни, подобныя вою, состояли изъ непонятнаго смѣшенія худаго Французскаго и собственнаго дикаго языка ихъ, и нѣкоторыхъ Латинскихъ рѣчей, которыя они заняли отъ своихъ Миссіонеровъ. Сіи дикіе видомъ и нравомъ своимъ вообще сходствуютъ съ шѣми, кошорые живутъ на твердой землѣ

въ Америкѣ; однакожь языкѣ ихѣ весьма опличенѣ опѣ языка всѣхѣ иныхѣ народовѣ, мнѣ извѣстныхѣ. Они опличаются опѣ нихѣ также и обыкновеніемѣ опрощать волосы свои, что у жипелей швердой земли принадлежишѣ однѣмѣ женщинамѣ. Впрочемѣ ко всѣмѣ спиртоватымѣ напиткамѣ имѣюшѣ они такую же чрезвычайную страсть, какѣ и всѣ иные дикіе народы.

Не скоро пришли мы въ силу и могли употреблять жирную пищу. У Индейцовѣ было одно лосинѣе мясо и жирѣ морскихѣ шеляшѣ, чѣмѣ они обыкновенно питались во время лова. Хотя помышленіе о прошедшихѣ бѣдствіяхѣ нашихѣ должно было заставить насѣ благословлять переменѣну въ нашемѣ положеніи и сдѣлать пріятнымѣ пребываніе наше у сихѣ дикихѣ людей, однакожь мнѣ весьма хотѣлось поскорѣе остянуть ихѣ, по причинѣ повѣренныхѣ мнѣ депешей, которыя могли быть весьма важны для пользы государственной; мнѣ же извѣстно было, что судно съ дубликатомѣ пошнуло. Однакожь я былѣ еще въ такой слабости, что нѣсколько времени не способенѣ былѣ ни къ какому движенію, и чувствовалѣ, вмѣшѣ съ товарищами своего несчастія, что

Г 4

весь-

весьма трудно и править въ шёлъ своёмъ такую великую разспройку.

Черезъ пятнадцать дней Индійцы возвратились только съ тремя изъ товарищей нашихъ, которые остались въ живыхъ изъ осьми человекъ, покинутыхъ нами въ шалашъ. Они рассказали намъ, что издержавъ весь свой запасъ, нѣсколько дней питались лосиною кожей, которую мы погнушались раздѣлить съ ними; что послѣ сего трое умерли отъ голода, а прочіе были въ ужасной необходимости питаться ихъ трупами, до самаго прихода Индійцовъ; что одинъ изъ пяти оставшихся съ такою алчностію былъ, что черезъ нѣсколько часовъ испустилъ духъ въ страшномъ мученіи; и что другой, поверачивая ружье дикаго, нечаянно застрѣлился. Такимъ образомъ изъ девятнадцати человекъ осталось насъ только девять, и я еще удивляюсь, какъ мы всѣ не померли, цѣлые три мѣсяца страдая отъ холода, ушомленія и голода.

Недостатокъ въ силахъ продержалъ насъ еще пятнадцать дней въ семъ скучномъ мѣстѣ, и я по прежнему долженъ былъ

былъ плашить весьма дорого за пищу и за другія потребности. Спавъ въ сіе время нѣсколько поздоровѣе, и видя, что деньги мои исходятъ, почелъ я за должность пожертвовать личными своими удобствами должности моей службы, и рѣшился доставить денши свои Генералу Клинтону со всею возможною поспѣшностію, хотя время тогда было самое неудобное для путешествія. Почему нанялъ я двухъ Индійцевъ проводить меня въ Галлифаксъ за сорокъ гвиней, которыя мнѣ должно было заплашить имъ по прибытіи въ сіе мѣсто. Я обѣщаль еще доставлять имъ въ пути всякой запасъ и пищу въ тѣхъ обитаемыхъ мѣстахъ, которыя надлежало намъ проходить. Другіе Индійцы должны были проводить товарищей моихъ въ селеніе, лежащее на Гишпанской рѣкѣ, гдѣ имъ надлежало осматрѣться до весны, чтобы при случаѣ доѣхать до Галлифакса моремъ. Я далъ Капитану столько денегъ, чтобы онъ могъ пропитать себя и мапросовъ своихъ, взявъ съ него вексель на его корабельщика въ новомъ Йоркѣ. Сей человекъ не посмѣдился послѣ не заплатитъ мнѣ денегъ подъ предлогомъ, что когда корабль пропалъ,

по ни Капитанъ, ни матросы не могутъ ни чего съ него требоватьъ.

Я отправился въ путь вшораго числа Апрѣля съ двумя Индѣйцами, своимъ слугою и Господиномъ Винсло, молодымъ пассажиромъ, однимъ изъ тѣхъ троихъ, которые не умерли въ шалашѣ. Каждой изъ насъ взялъ по четыре пары Индѣйскихъ башмаковъ, лыжи и запасу на пятнадцать дней. Въ вечеру пришли мы въ то мѣсто, которое Англичане называютъ Broad-Oag, т. е. *широкое весло*, гдѣ по причинѣ поднявшейся вьюги намъ должно было пребыть весь слѣдующій день. Мы пошли четвертаго числа, и отшедши около десяти Англійскихъ миль, пришли на берегъ весьма хорошаго соленого озера, называемаго озеромъ Св. Петра, которое однимъ концомъ сообщается съ моремъ. Въ семъ мѣстѣ нашли мы два семейства Индѣйцовъ, которые шутъ ловили звѣрей. За четыре гвиней купилъ я у нихъ маленькой челночекъ, сдѣланной изъ коры; ибо проводники мои сказали, что онъ будетъ намъ часто нуженъ для переправы черезъ тѣ мѣста озера, которыя никогда не замерзаютъ. А какъ въ другихъ мѣстахъ над-

надлежало намъ ийти по льду, но я принужденъ былъ купить еще сани, чтобы тащить за собою лодку.

Отдохнувъ два дни и запасшись новою провизіею, отправились мы въ путь седьмого числа, и шли нѣсколько миль вдоль по берегу озера; но какъ ледъ былъ худъ, то намъ надлежало оставить сію дорогу и ити лѣсомъ. Снѣгъ былъ шамъ глубиною въ шесть фуговъ. Опшпель и дождь, пошедшій на другой день, такъ его размягчилъ, что намъ не лзя было ити по его поверхности. И такъ мы были принуждены остановиться. Большой огонь, покойной Вигвамъ и изобильная пища, ушѣшали насъ въ сіе худое время; однакожь мы не совсѣмъ спокойны были. Зима была въ концѣ; по чему мы не могли надѣяться долго ити по снѣгу безъ сильнаго мороза. А ешлы бы его совсѣмъ не было, то намъ надлежало бы дожидаться того времени, когда бы озеро совершенно прошло; сіе же могло бы насъ продержать еще двѣ или три недѣли. Въ такомъ случаѣ положеніе наше сдѣлалось бы столь же несчастно, какъ и то, въ которомъ мы были по нашемъ кораблекрушеніи, кромѣ того,
что

что время стало пенябе; что мы имѣли побольше запасу; и что въ случаѣ недо-спашка могли ружьями своими наспрѣ-лять для пищи своей разной дичины.

Къ щасію нашему вшораго - на-десять числа сдѣлался морозъ, и мы рѣшились на другой день симъ вос-пользоваться. Въ сей день прошли мы пять Англійскихъ миль; иногда перебира-лись по плывущимъ льдинамъ, а иногда плали въ своемъ челночкѣ. Видя, что запасъ нашъ почти весь изошелъ, предло-жилъ я на другой день своимъ шовари-щамъ стрѣлять птицъ и звѣрей, кошо-рыхъ, казалось, довольно было въ семъ мѣстѣ. Всѣ дикіе вообще думаютъ только о потребностяхъ настоящаго дня, не за-божась о слѣдующемъ. Сія предосторо-жность была весьма нужна, для того что сильная опшепель могла вдругъ воспрепят-ствовать нашему пуши. Я пошелъ въ лѣсъ съ однимъ изъ моихъ проводниковъ, и мы скоро нашли слѣды лося, кошора-го мой дикой шопчасъ нашелъ и засрѣ-лилъ. Онъ разрѣзалъ его весьма иску-сно, собралъ кровь въ пузырь, и раз-нялъ шло на четыре части, изъ кошо-рыхъ одну опнесли мы на плечахъ

въ свою лодку, а за прочими послали другаго Индйца, слугу моего и Господина Винсло. Такимъ образомъ спало у насъ довольно запасу; и въ случаѣ ошпепели, кошорая могла бы намъ помѣщать иппи лѣсомъ или озеромъ, не могло быть у насъ недостатка въ пищу. Пятого-надесять ошправились мы въ путь весьма рано, и въ шотъ день прошли шесть Французскихъ миль; а сей переходъ шакъ ищощилъ силы наши, бывшія уже и безъ того въ великой слабости, что на другой день не могли мы продолжать своего пущешествія. Мы должны были за усталостию своею пребыть шущъ до осьмаго-надесять числа. Въ сей день продолжали мы пущешествіе свое по прежнему, ш. е. или шли по плывущимъ льдинамъ, или плыли на лодкѣ въ шѣхъ мѣсцахъ, гдѣ на озерѣ не было льду. Тогда имѣлъ я случай замѣшить красошы сего озера, одного изъ лучшихъ извѣстныхъ мнѣ Американскихъ озеръ, хощя въ сіе время года еще и не лзя было видѣть всѣхъ его пріятностей. Оно покрыто безчисленнымъ множествомъ небольшихъ остро-вовъ, разсѣянныхъ по его поверхности; по чему подобно оно славному Килларнейскому озеру и другимъ Ирландскимъ

скимъ прѣснымъ озерамъ. На сихъ островахъ никогда не было селеній; но кажется, что земля тамъ плодородна, и лѣтомъ было бы весьма пріятно жить шущъ, естли бы можно было доставать прѣсную воду, копорой въ сихъ мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ. Безъ сомнѣнія по самой сей причинѣ остающся они ненаселенными. Естли бы все озеро было покрыто крѣпкимъ льдомъ, то мы могли бы итти гораздо поспѣшнѣе и съ меньшимъ трудомъ, переходя отъ одного конца къ другому, и съ одного острова на другой, вмѣсто того, что мы при всякомъ заливѣ принуждены были сворачивать далеко въ сторону.

Двадeсятаго числа пришли мы въ мѣстечко Святаго Петра, гдѣ живутъ нѣкоторыя Англійскія и Французскія семейства. Изъ благодарности долженъ я здѣсь упомянуть о Господинѣ Каванафѣ, Англійскомъ купцѣ, копорой принялъ насъ весьма ласково, и копорой, выслушавъ исторію несчастій моихъ, повѣрилъ мнѣ двѣсти фунтовъ сперлинговъ на вексель, написанной на имя моего опца, копя фамилія наша была ему совсѣмъ неизвѣстна.

Я могъ бы отъ мѣстечка Св. Петра доплыть до Галлифакса на рыбацьемъ суднѣ,

суднѣ, естли бы не боялся попасься вѣ
руки кѣ Американскимѣ Корсарамѣ, ко-
торые тогда вѣ сихѣ мѣстахѣ развѣзжа-
ли. Озеро отдѣлялось тамѣ отѣ моря
однимѣ лѣсомѣ, проспирающимѣ вѣ ши-
рину шаговѣ на тысячу; и такѣ мы рѣ-
шились допашить нашу лодку до берега
и плыть на ней по морю. Приспавая вѣ
слѣдующіе дни кѣ мѣстамѣ мало примѣ-
чанія достойнымѣ, приплыли мы вѣ Нар-
рашокѣ, гдѣ приняли насѣ съ такою же
ласкою, какѣ и вѣ мѣспечкѣ Св. Пешра.
Оттуда отправились дващцать шестаго
числа кѣ острову, называемому Мадамѣ,
которой находишся вѣ срединѣ пролива
Кансо, отдѣляющаго островѣ Капѣ-Бре-
тонѣ отѣ Акадіи, или новой Шоплан-
діи. Но приплывая кѣ сему острову,
увидѣли такое великое множесшво пла-
вающихѣ льдинѣ, что мы бы весьма без-
разсудно поступили, естли бы отважи-
лись плыть между оными на маленькомѣ
своемѣ челночкѣ. И такѣ мы возвра-
тились вѣ Наррашокѣ, гдѣ я нанялѣ без-
опаснѣйшее судно, вѣ которое положили
мы свою лодку; и дващцать седьмаго чи-
сла, съ помощію благопріятнѣйшаго вѣ-
пра, вѣ шри часа переплыли мы проливѣ
и пристали кѣ берегу вѣ Кансо, кото-
раго

раго именемъ названъ сей проливъ. По
помѣ, плавѣ на лодкѣ своей все вдоль
берега, черезъ десять дней вошли мы въ
пристань Галлифакскую.

Индійцы, получивъ отъ меня дого-
ворную сумму и подарки въ знакъ моей
благодарности къ спасшимъ мою жизнь, че-
резъ нѣсколько дней насъ оставили и отпра-
вились назадъ на свой островъ. А какъ мнѣ
надлежало долго дожидаться отхода кора-
блей, то я имѣлъ удовольствіе дожидаться
товарищей моихъ, которыхъ Индійцы
должны были проводить до селенія на Ги-
шпанской рѣкѣ. Наконецъ, черезъ два
мѣсяца, сѣлъ я на корабль, называемой
Chene Royal, и прибылъ въ Новой Йоркѣ,
гдѣ вручилъ депеши свои, такъ давно
отправленные, Генералу Клинтону, бу-
дучи самъ въ жалостномъ положеніи.

О С А Д А

КОЛЧЕСТЕРА,

Драма въ одномъ Дѣйстви.

Дѣйствующія лица:

Лордъ Ферфаксъ, Генераль Парламентской арміи.

Лордъ Кепель, Губернаторъ Колчестерской.

Эдмондъ, сынъ Ферфаксовъ.

Артуръ, сынъ Кепелевъ.

Полковникъ Морганъ, другъ Ферфаксовъ.

Полковникъ Кингстонъ, другъ Кепелевъ.

Суррей, Капишанъ Ферфаксовой спражи.

Спражи и Солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ ставкѣ Ферфаксовой, передъ стѣнами Колчестерскими.

Междуусобная война, раздиравшая Англию въ правленіе Карла перваго, возгорѣлась въ другой разѣ. Рѣшеніе Парламентша, чтобы не посылать уже никакихъ докладовъ къ сему несчастному Государю, заключенному тогда по его повелѣнію на островѣ Вайтѣ, возбудило негодованіе въ сердцахъ всѣхъ добрыхъ гражданъ. Шотландія, Валлисѣ и нѣкоторыя сѣверныя города Королевства и Графства Суррейскаго, и семнадцать кораблей, бывшихъ на жалованьѣ Парламентскомъ, явно взяли Королевскую сторону. И въ Графствахъ Эссекскомъ и Кентскомъ были въ пользу его нѣкоторыя движенія, поддерживаемыя усердіемъ Графа Норвича, Лорда Кепеля, Г. Лукаса и Георга Лаиля. Прѣшивъ ихъ посланъ былъ Кавалеръ Ферфаксъ съ арміею довольно многочисленною. Сему искусному Генералу не трудно было побѣдить нѣкоторыя новыя и худо выученныя войска. Онъ совершенно разбилъ ихъ въ Медстонѣ, въ Графствѣ Кентскомъ; и преслѣдуя бѣгущихъ, принудилъ ихъ и Роялишовѣ Графства Эссекскаго заключиться въ городѣ Колчестерѣ, немедленно имъ осажденномъ.

Осада сего города есть одно изъ достопамятнѣйшихъ произшествій сихъ несчастныхъ временъ, по той упорности, съ которою гарнизонъ защищался (*). Не смотря на жестокіе приступы, которые надлежало осажденнымъ выдерживать; не смотря на ужасной недостатокъ, до котораго они доведены были, не имѣя никакой пищи, кромѣ бывшихъ въ го-

Д 2

родѣ

(*) Она продолжалась отъ 18 Іюня 1648 до конца Августа того же года. Слѣдныя и укрѣпленія Колчешерскія, сдѣланныя Римлянами съ тою прочностію, которую умѣли они сообщать всемъ своимъ зданіямъ, сохраняють еще и понынѣ ужасные знаки сей яростной осады. На всѣхъ сторонахъ видны ошестія, произведенныя башарями Парламентской арміи. Церкви по большой части до половины разрушены. Въ 1783 году былъ я въ церкви Св. Маріи, которая, скрѣпяюль, построена на развалинахъ Королевской крѣпости, чпобы благословлять въ ней память Героевъ, умѣвшихъ защищаться съ такою отважностію, а особливо память двухъ мужей, Кавалеровъ Лукаса и Давида; которыхъ кровь была тамъ пролита съ такою жестокостію.

родѣ лошадей — они дѣлали еще жестокія вылазки и презирали всѣ силы осаждающихъ, въ ожиданіи нѣкоторой невѣрной помощи, имѣ обѣщанной.

Въ семѣ положеніи начинается дѣйствіе слѣдующей Драмы.

Я никакъ не думаю юнымъ моимъ Чипашелямъ представлять за вѣрное средство, которымъ Ферфаксъ хотѣлъ принудить Лорда Кепеля сдать ему городъ (*). Оно весьма противно характеру праводушія и человеколюбія, которой всѣ Историки согласно приписываютъ сему Генералу. Но какъ сердечная мягкость дѣлала его всегда слѣпымъ орудіемъ воли Кромвелевой и Ирешоновой (**), и какъ Ирешонъ былъ всегда съ нимъ во
вре-

(*) Сей случай разсказывается Рагетомъ въ исторіи Кромвелевой жизни съ такими подробностями, которыя дѣлаютъ его вѣроятнымъ. Но какъ онъ не показываетъ источниковъ, изъ которыхъ онъ взялъ его, то мнѣ и нельзя было изслѣдовать его справедливости; къ тому же ни Кларендонъ, ни Юмъ, ни Макале не упоминаютъ о семъ.

(**) Зять Кромвелевъ.

время осады, то внушенія сего злобнаго
человѣка могли довести его до такого
васильственнаго поступка, противнаго
его сердцу, такъ какъ оныя сдѣлали его
виновникомъ и того кровопролитія, о
кошоромъ будетъ говорено послѣ.

Я старался изобразить твердой и
великодушной характеръ Кепелевъ во всей
его силѣ — характеръ, не измѣняющійся
ни въ какомъ обстоятельствѣ жизни и
смерти его. Если онъ произведетъ въ
сердцахъ друзей моихъ желаемое дѣйствіе,
то надѣюсь, что имъ пріятны будутъ
нѣкоторыя любопытныя подробности не-
щастнаго конца сего добродѣтельнаго
мужа, кошорыя сообщимъ по заключеніи
Драмы.

Я В Л Е Н І Е I.

Ферфаксъ, Морганъ.

Ферфаксъ.

(*читая бумагу, поданную
ему Морганомъ*).

И такъ атака нынѣшней ночи сто-
ила намъ многихъ храбрыхъ воиновъ?

Морганъ.

Восемь сотъ человекъ убито, и при-
томъ самыхъ лучшихъ изъ всей арміи.

Ферфаксъ.

Хорошо, есѣли бы эша потеря до-
спавила намъ какую нибудь выходу! Но
не смотря на всѣ наши приступы, Кол-
чесперъ прошивится оружію нашему съ
прежнею жестокостію. Примѣръ Оксфорда
ободряетъ гарнизонъ; и упрямой Ке-
нель — —

Морганъ.

Этотъ человекъ одинъ защищаетъ
городъ лучше всѣхъ стѣнъ. Всѣ наши
приступы будутъ тщетны, есѣли онъ
и впредь станеть обороняться съ такою же
уцорностію.

Ферфаксъ.

Не долго уже ему ругаться нами.

Морганъ

Морганъ.

Какъ, Милордъ — —

Ферфаксъ.

Естьли я не могу преодолѣть его упорности, то сынъ его конечно въ шомъ успѣетъ.

Морганъ.

Сынъ?

Ферфаксъ.

Да, Морганъ. Молодой Аршуръ нынѣ опворишъ мнѣ Колчесперскія ворошы. Точно для эшова призвалъ я его съ сынѣмъ моимъ изъ Лондона. Меня увѣдомили о прїѣздѣ ихъ.

Морганъ.

Вотъ Суррей, бывшій въ городѣ.

Я В Л Е Н І Е II.

Ферфаксъ, Морганъ, Суррей.

Ферфаксъ.

Что, Суррей, принято ли перемиріе? Согласился ли Кэпелъ на предлагаемое свиданіе?

Суррей.

Согласился, Милордъ. Всѣ непріятельскія дѣйсвія оспановлены на шесшь часовъ;

совѣ; и теперь же по утру Лордъ Кепель придетъ въ вашу спавку.

Ферфаксъ.

Для того, чтобы торжествовать въ моихъ глазахъ. Какъ онъ себя принялъ?

Суррей.

Хладнокровно, — съ твердостью и спокойствіемъ. Постоянство изображается на челѣ его.

Ферфаксъ.

Уже ли этотъ гордой Роялистъ одинъ непоколебимъ будешь, въ то время, когда устращается самъ Духъ хранитель Албіоновъ! — Нѣтъ! скоро, скоро заставлю его препетать. Я вселю ужасъ въ самое чувствительное мѣсто сердца его. Суррей! позови сына моего.

(Суррей уходитъ)

Я В Л Е Н І Е III.

Ферфаксъ, Морганъ.

Морганъ.

Смѣю ли спросить, Милордъ, въ чемъ состоитъ ваше намѣреніе? Я никакъ не могу его угадать.

Фер-

Ферфаксъ.

Думаю; но надобно себѣ открыть его. Вчера ввечеру получилъ я извѣстіе, что Герцогъ Гамилшонъ и Дангдалъ идутъ со многочисленною арміею на помощь городу. Хотѣвъ предупредить ихъ, отважился я въ нынѣшнюю ночь на прешій приступъ — знаешь успѣхъ его. Но чего не могъ я сдѣлать силою, то сдѣлаю хитростію.

Морганъ.

Какимъ же образомъ Артуръ будетъ вамъ служить въ этомъ предпріятіи?

Ферфаксъ.

Я живо представлю ему опасность, угрожающую отцу его. Они увидятся другъ съ другомъ въ моей ставкѣ. Успрашенной Артуръ, пекущійся о жизни отца своего, уговоритъ его сдатьсь.

Морганъ.

Вы это думаете, Милордъ?

Ферфаксъ.

Надѣюсь. Одна слеза часто побѣждала того, кого не могло побѣдить оружіе цѣлой вселенной.

Морганъ.

Кепель опецъ — нѣжной родитель; однакожь Кепель и Герой — Герой непоколебимой.

Ферфаксъ.

Естьли первое оружіе Природы не можешъ укротить его — — Сынъ мой идетъ. Мнѣ надобно наединѣ поговорить съ нимъ. Поди къ Арпуру и постарайся всѣми силами склонить его къ произведенію въ дѣйство моего намѣренія.

Я В Л Е Н І Е IV.

Ферфаксъ, Эдмондъ.

Ферфаксъ.

Обними меня, любезной сынъ!

Эдмондъ (бросаясь въ его объятія).

Бапюшка! — какъ я радъ, что занимаяся войною, вы меня не позабыли!

Ферфаксъ.

Ты еще болѣе обрадуешься, когда узнаешь, для чего я себя призвалъ къ себѣ.

Эдмондъ.

Я готовъ исполнить ваше повелѣніе,

Ферфаксъ.

Оно будетъ тебѣ драгоценно, естли сердце швое чувствительно къ дружбѣ.

Эдмондъ.

И такъ я сжидая его съ новымъ нетерпѣніемъ.

Ферфаксъ.

Ты можешь спасти Артура отъ самаго величайшаго для него несчастія.

Эдмондъ.

Что вы говорите? — О родитель мой! скажите, скажите поскорѣе! Начто терять время?

Ферфаксъ.

Милордъ Кепель по слѣпой упорности губитъ себя. Я сколько почитаю его мужество, что несчастіе его для меня горестно. А особливо судьба его сына, побою любимаго, не можетъ меня не трогать. Спасемъ ихъ обоихъ отъ неизбежной гибели.

Эдмондъ.

Какое же средство употребить надобно? — Ахъ! естли оно въ моей вла-

власти, по съ какою ревностію имъ воспользуюсь!

Ферфаксъ.

Нынѣшнимъ упрямъ надобно мнѣ видѣться съ Милордомъ. Я доставляю ему удовольствіе увидѣть и обнять своего сына. Но когда представляю ему все несчастіе, которому подвергается онъ по слѣпотѣ своей, то мнѣ хотѣлось бы, чшобы Артуръ прозьбою своею подкрѣпилъ мои убѣжденія.

Эдмондъ.

Ахъ, башюшка! я думаю — —

Ферфаксъ.

Что онъ ни въ чемъ не успѣетъ? — Нѣтъ, любезной другъ! власть, которую Природа дала дѣтямъ надъ родителями, гораздо болѣе той, которую законы даютъ родителямъ надъ дѣтьми ихъ.

Эдмондъ.

Я знаю Артура. Онъ сполько почитаетъ отца своего, что не осмѣлился отвращать его отъ должности — или по крайней мѣрѣ отъ того, что онъ почитаетъ за должность свою.

Фер-

Ферфаксъ.

Но естли принуждаешъ его къ тому
необходимость, то въ такомъ случаѣ
всего болѣе можетъ онъ доказать свое
почтеніе и любовь къ родителю.

Эдмондъ.

Аршуръ этому никогда не повѣритъ.

Ферфаксъ.

Для собственнй его пользы надобно
ему ошкрыть глаза. Развѣ ты не другъ
его?

Эдмондъ.

Другъ его! — Ахъ! кромѣ моихъ
родителей, я люблю его болѣе всего на свѣ-
тѣ. Въ самое то время, когда наши
отцы другъ съ другомъ сражаются, я
отдалъ бы жизнь свою для спасенія его
жизни.

Ферфаксъ.

Не только не оуждаю эпова во-
сторга, но еще и удивляюсь ему. Онъ
показываетъ, что сердце сына моего
удобно къ самымъ благороднѣйшимъ дви-
женіямъ великодушія. Такъ надобно чув-
ствовать дружбу, чшобъ быть ее достой-
нымъ. Ты бы умеръ за друга своего:
его

его надобно спасти. Еслили благополучіе и жизнь его тебѣ дороги, то помоги мнѣ въ моемъ предпріятіи. Поди къ нему и приведи его ко мнѣ. Я вмѣстѣ съ побѣю постараюсь уговорить его.

Эдмондъ.

Повинуюсь вамъ. (*Въ сторону*) Ахъ! что мнѣ сказать ему?

Я В Л Е Н І Е V.

(*Ферфаксъ остается сперва одинъ въ глубокомъ размышленіи; по томъ подходитъ къ нему Суррей*)

Ферфаксъ, Суррей.

Суррей.

Милордъ — —

Ферфаксъ.

Я хотѣлъ послать за побѣю, Суррей. Когда я буду говорить съ Аршуромъ и сыномъ моимъ, вели Моргану собрать войско, чтобы оно по первому знаку могло выступить.

Суррей (съ удивленіемъ).

Простите мнѣ, Милордъ, удивленіе мое; но такое приказаніе для меня очень чудно.

Фер-

Ферфаксъ.

Разумѣю. — Поди и не безпокойся. Ферфаксъ, по праву войны, можетъ спараться удивить своего непріятеля; но онъ никогда не нарушитъ свсего слова. Перемирие, шобю заключенное, будетъ свято сохранено. Я хочу только шого, штобы уговаривая гордаго Кепеля сдаться, вдругъ его изумить видомъ блестящей и храброй арміи. Такое зрѣлище, можетъ быть, преодолѣетъ его упорность.

Суррей.

Но, Милордъ — —

Ферфаксъ (повелительнымъ голосомъ).

Поди, поди поскорѣе!

Я В Л Е Н І Е VI.

Ферфаксъ, Эдмондъ, Артуръ (которой съ почтеніемъ подходитъ къ Ферфаксу)

Ферфаксъ (възявъ его за руку).

Я радъ, что тебя вижу, любезной Артуръ. Знаю, какъ ты любишь моего сына; почему швоя польза мнѣ драгоценна.

цѣнна. Въ доказательство этого соединяю себя нынѣ съ твоимъ родителемъ.

А р т у р ъ.

Вы хотите послать меня въ крепость, Милордъ, чтобы я сражался подлѣ моего отца съ его неприятелями?

Ф е р ф а к с ъ.

Не удивляюсь, видя эту военную ревность въ сынѣ храбраго Кепеля; но въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ она можешь сдѣлать тебя несчастливимъ.

А р т у р ъ.

Умереть съ своимъ родителемъ, за своего Короля — Милордъ! можно ли это назвать несчастіемъ?

Ф е р ф а к с ъ.

И такъ отецъ дороже тебѣ собственной твоей жизни?

А р т у р ъ.

Извольте предложить этотъ вопросъ сыну вашему: онъ будетъ за меня отвѣчать.

Ф е р ф а к с ъ.

И такъ, не лишись жизни, ты можешь сохранить жизнь своего родителя;
или

или лучше сказать, можешь ему возвраща-
ть жизнь.

Артуръ.

Скажите, скажите, что я могу для
него сдѣлать?

Ферфаксъ.

Городъ не можешь долго защищаться.
Черезъ нѣсколько дней онъ будетъ
взятъ. Тогда, вмѣсто лавровъ, увѣча-
вающихъ нынѣ Кепеля, частію его бу-
детъ — посыдная смерть на эшафотѣ.

Артуръ.

Понимаю ваше великодушное намѣ-
реніе. Вы хотите уговорить злодѣевъ
моего родителя, чтобы они, вмѣсто его,
лишили меня жизни? Умереть за отца,
за Короля — какая щастливая доля!
(Бросается къ ногамъ его). Какъ воз-
благодарить васъ за то, что вы почли
меня достойнымъ такой участи!

*Эдмондъ (въ сторону, оти-
рая слезы).*

Съ какою горестію выдетъ онъ изъ
такого благороднаго заблужденія!

Ферфаксъ (*поднимая Артура
и обнимая его*).

Другъ мой! я долженъ почищать себя не менѣе Героя отца своего. Но можешь ли ты думать, чтобы я попребовавъ отъ тебя такой страшной жертвы?

Артуръ.

Чего вы отъ меня ожидаете?

Ферфаксъ.

Поступка не столько ужаснаго, какъ для одного, такъ и для другаго. Черезъ минушу увидишься здѣсь съ опцемъ своимъ. Присоедини свою прозьбу къ моему убѣжденію, чтобы повудить его сдать городъ, кстораго, со всемъ своимъ героизмомъ, не можешь онъ долѣ защищать.

Артуръ.

Я, Милордъ?

Ферфаксъ.

Представь ему страшное опредѣленіе Парламента; потоки крови, ліющей на эшафотъ; горестъ его супруги, отчаяніе сына, опись всего вашего имѣнія. Представь ему эшу бездну несчастій, въ которую всѣхъ васъ ввергнетъ непокорство его.

Ар-

Артуръ.

По словамъ вашимъ, Милордъ, вы имѣете ко мнѣ нѣкоторое уваженіе: вы конечно сказали то, что чувствуете?

Ферфаксъ.

Уже ли можешь ты въ этомъ сомнѣваться?

Артуръ.

И такъ позвольте мнѣ быть достойнымъ вашего уваженія и почишашь предложеніе ваше за знакъ того, что вы хотѣли испытать мою добродѣтель.

Ферфаксъ.

Ты конечно докажешь ее, если освободишь отца своего отъ позора жестокой смерти. Видя себя у ногъ своихъ трепещущаго отъ угрожающей ему опасности, можетъ ли онъ пропихиваться прошеніямъ сыновней любви?

Артуръ.

Хотя бы и былъ я такъ слабъ — столько подлъ и презрительнъ — однакожь отецъ мой по своему благоразумію не посматрѣлъ бы на слезы слабаго юноши.

Ферфаксъ.

Будучи благоразуменъ, онъ бы увидѣлъ, что желаніе спасти его заставляешъ тебя проливать слезы.

Артуръ.

Представьте себя на его мѣстѣ, Милордъ. Имѣя долгъ защищать городъ, могли ли бы вы сдатьъ его по прозьбѣ вашего сына?~

Ферфаксъ (въ замѣшательствѣ).

Спроси Эдмонда, какую власть имѣютъ надо мною прозьбы его. Неблагодарной! знай, что любовь его къ тебѣ заставляешъ меня спрaшиться всего того, что можетъ приключиться его другу. Отецъ твой также чувствуетъ силу Природы; гласъ ея конечно его пронешъ.

Артуръ.

Онъ повинуется только гласу своей должности. Онъ скажетъ ему лучше меня, что ему дѣлать надобно.

Ферфаксъ.

Вспомни, что жизнь его въ твоихъ рукахъ.

Артуръ.

Нѣтъ, Милордъ, нѣтъ! она ни въ моихъ, ни въ вашихъ.

Фер-

Ферфаксъ.

И такъ ты хочешь погубить его?

Артуръ.

Если бы я могъ спасти его моею кровію, то пролилъ бы ее до послѣдней капли; но измѣну, гнусную измѣну презираетъ сынъ Кепелевъ!

Ферфаксъ.

Эта неукротимая гордость показывается, чья кровь течетъ въ жилахъ твоихъ. Послушай, Артуръ: я даю тебѣ одну минуту на размышленіе. Скоро возвращусь и спрошу у тебя въ послѣдній разъ, чего ты лучше хочешь: видѣть ли отца своего на эшафотѣ, или на колесницѣ щасія. — Эдмондъ! останься съ нимъ. Можетъ быть нѣжность твоя тронетъ его болѣе, нежели мое сожалѣніе.

Артуръ.

Ваше сожалѣніе? О Милордъ! вы очень великодушны. Я не требовалъ отъ васъ сожалѣнія.

(*Ферфаксъ, взглянувъ на него съ гнѣвомъ, уходитъ безъ отвѣта*).

Я В Л Е Н І Е VII.

Эдмондъ, Артуръ.

(*Въ молчаніи смотрятъ другъ на друга*).

Артуръ.

Что, Эдмондъ? — Осмѣлишься ли ты въ угожденіе отцу своему уговаривать меня быть измѣнникомъ прошивъ моего родителя?

Эдмондъ.

Мы знаемъ другъ друга. Нѣтъ, ты увѣренъ въ томъ, что я не могу быть подлецомъ; а я увѣренъ въ томъ, что ты никогда меня подлецомъ почитать не можешь.

Артуръ.

Забудь на сей разъ дружбу, забудь Природу — если бы ты былъ Артуръ, что бы ты предпринялъ?

Эдмондъ.

Быть достойнымъ имени, тобою украшаемаго — быть твердымъ подобно тебѣ. Мнѣ, мнѣ вводить въ преступленіе отца моего?

Ар-

Артуръ.

Еслили бы Артуръ не такъ мыслилъ, онъ бы недостоинъ былъ твоей дружбы. Но долго ли она продолжится?

Эдмондъ.

Артуръ! ты меня оскорбляешь. Чѣмъ я заслужилъ такую обиду?

Артуръ.

Проспи меня, Эдмондъ. Я не себя боюсь. Но еслили твой отецъ — —

Эдмондъ.

Позволь мнѣ думать, что онъ равно со мною чувствуетъ цѣну твоей добродѣтели. Позволь мнѣ имѣть почтеніе къ моему родителю.

Артуръ.

Еслили онъ запретитъ тебѣ любить меня?

Эдмондъ.

Уже ли ты думаешь, что я могъ бы повиноваться? Не всегда ли я любилъ тебя такъ, какъ брата своего? И можетъ ли разорваться союзъ нашихъ сердецъ, которыя часъ отъ часу тѣснѣе соединяются? Не смотря на всѣ права отца моего, онъ не можетъ мнѣ элова повелѣть.

Артуръ.

Онъ самъ нѣкогда любилъ меня, и радовался, видя насъ вмѣстѣ рѣстущихъ, учащихся и играющихъ. Сколько разъ Ферфаксъ заспавляя насъ давалъ другъ другу слово, что мы будемъ вѣчно друзьями, такъ какъ онъ съ любезнымъ своимъ Кепелемъ! Но ты видишь, съ какою злобою онъ теперь гонитъ его. Не довольно того, что отецъ мой разоренъ — онъ хочетъ его посрамить, не имѣя способа лишить его жизни.

Эдмондъ.

Естьли онъ до такой крайности забудется — Боже! прости мнѣ эту ужасную мысль! — но и я забуду, что онъ мой отецъ.

Артуръ (отирая слезы).

Для чего это любезное имя наполняетъ горестію сердца наши! Для чего не могу безъ трепета думать о томъ, кто мнѣ жизнь даровалъ! — Я все знаю. Городъ не можетъ защищаться долго; а мужественной Кепель никогда не подумаетъ сдаться. Естьли онъ не падетъ по ударами своихъ многочисленныхъ неприятелей, и живой достанется имъ въ
руки,

руки, то какова будетъ участь его! Чемъ болѣе окажетъ онъ величія души и геройства, тѣмъ болѣе, въ отмщеніе за славу его, будутъ его мучить и позорить. Добродѣтельной Англичанинъ умретъ какъ преступникъ. Враги его непримиримы. Не могли побѣдить его на полѣ сраженія, предадутъ его въ руки палачу!

Эдмондъ (съ жаромъ).

Нѣтъ! онъ не погибнетъ. У него есть избавитель.

Артуръ.

Кто?

Эдмондъ.

Я.

Артуръ.

Ты, Эдмондъ? — Какую тщетную надежду вселяешь въ себя безсильная дружба?

Эдмондъ.

Она сильнѣе, нежели ты думаешь. Время дорого — разсуждать не когда. Исполнишь ли то, что я велю тебѣ?

Артуръ.

Исполню все, что не противно чести.

Эдмондъ.

Развѣ могу я потребовать отъ тебя чегонибудь противнаго ей?

Артуръ.

Хорошо — скажи только — я все сдѣлаю.

Эдмондъ.

И такъ пойдѣмъ. Наши лошади стоятъ еще у славки. Поскачемъ во Францію. Я отдаюсь въ руки твои и буду служить Кепелю аманатомъ противъ всѣхъ Ферфаксовыхъ предпріятій.

Артуръ.

Какъ! мнѣ увезти тебя отъ твоего отца?

Эдмондъ.

Онъ безъ всякаго страха похищаетъ тебя у твоего родителя.

Артуръ.

Нѣтъ, я никогда не проступлюсь въ помѣ, за что другаго осуждаю.

Эдмондъ.

Ты избавишь его отъ преступленія. Любезной Артуръ! для нашей дружбы, для него, для меня исполни мою прозъбу. Избавь отца моего отъ вѣчнаго раская-

нія;

нія; избавь меня отъ горести видѣть его всегдашнее мученіе!

Артуръ.

И такъ ты хочешь заставить меня всегда мучиться?

Эдмондъ.

Тебя? Нѣтъ, ты никогда и ни въ чемъ упрекашь себя не можешь. Самъ родилель мой, когда пройдетъ первая горячность его, будешь отъ всего сердца благодарить себя за то, что ты сохранилъ его честь.

Артуръ.

Чего ты отъ меня потребуешь? Нѣтъ, Эдмондъ, нѣтъ!

Эдмондъ (схватя его за руку и таща).

Я тебя не слушаю. Ступай за мною. Поѣдемъ.

(Еходитъ Ферфаксъ, и за нимъ нѣсколько солдатъ).

Я В Л Е Н І Е VIII.

*Ферфаксъ, Артуръ, Эдмондъ,
солдаты.*

Ферфаксъ.

Возьмите ихъ обоихъ.

Артуръ.

Эдмондъ!

Ферфаксъ (Эдмонду).

Сынъ неблагодарной! такъ ли надобно исполнять повелѣніе отца своего?

Эдмондъ.

Развѣ я обѣщаль вамъ исполнить его?

Артуръ (бросаясь къ ногамъ его).

Ахъ, Милордъ! естли честь вамъ драгоцѣнна, то, не упрекайте его непокорностію, или меня одного за то наказывайте. Дружба моя заспавила его прошивитъся вашей волѣ.

Эдмондъ.

Нѣтъ, нѣтъ, бапюшка, не вѣрьте ему. По своему великодушію хочеть онъ обмануть васъ, обвиняя себя моимъ
намѣ-

намѣреніемъ. Я еще не могъ уговорить его. Осмѣлюсь сказать, что вы не имѣете надъ нимъ никакой власти. Я вашъ. Жизнь и свобода моя вамъ принадлежатъ. Излейте на меня весь свой гнѣвъ. Если онъ только на меня обратится, то я никогда не буду ропсать на васъ.

Ферфаксъ.

Молчи! Я знаю, кого наказывать. Заключите ихъ порознь въ спавкѣ моей.

Артуръ.

По крайней мѣрѣ позвольте мнѣ сидѣть въ одной шемницѣ съ другомъ моимъ.

Эдмондъ (стражѣ).

Не прогайте его! Я не выпущу его изъ моихъ объятий.

Ферфаксъ (стражѣ).

Возьмите ихъ!

(Ихъ разлучаютъ, и не смотря на сопротивление, уводятъ).

Я В Л Е Н І Е IX.

Ферфаксъ (послѣ долгаго молчанія, въ которомъ обнаруживается сильное внутреннее движеніе).

Уже ли сынъ мой опровергнетъ мое намѣреніе? Дерзостная непокорность его еще болѣе ушверждаетъ меня въ моемъ рѣшеніи. Нѣтъ, Кепель, ты не будешь самымъ жесточайшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Я представляю тебѣ такое зрѣлище, которое преклонитъ передо мною непоколебимую твою гордость. Для сына твоего Эдмондъ осмѣливается презирать власть мою: пусть же Аршуръ за меня накажетъ тебя!

Я В Л Е Н І Е X.

Ферфаксъ, Суррей.

Суррей.

Милордъ! я исполнилъ приказаніе ваше. Но естли мнѣ позволено предсшавить вамъ. — —

Ферфаксъ.

Твои представленія будущѣ не кспа-
ти; мнѣ въ нихъ нѣтъ нужды.

Суррей:

Другъ Лорда Кепеля стоитъ у две-
рей и хочетъ говорить съ вами.

Ферфаксъ.

Пошли его.

*(Суррей идетъ за Кингстономъ
и приводитъ его).*

Я В Л Е Н І Е XI.

Ферфаксъ, Суррей, Кингстонъ.

Кингстонъ.

Милордъ! Губернаторъ Колчестерской
спрашиваетъ у васъ черезъ меня, можетъ
ли онъ теперь имѣть честь говорить съ
вами?

Ферфаксъ.

Я ожидаю его. Теперь поспѣшу оп-
дать нѣкоторыя приказанія, чшобы раз-
говоръ нашъ не могъ бытъ ни чѣмъ пере-
рванъ. Суррей! поручаю тебѣ съ че-
стію принять Милорда въ моей ставкѣ.

Какъ

Какъ скоро онъ придетъ, тотчасъ меня увѣдомъ; я буду у Полковника Моргана.

(Ферфаксъ и Кингстонъ уходятъ въ двѣ разныя стороны).

Я В Л Е Н І Е XII.

Суррей (одинъ).

Какое намѣреніе занимаетъ его душу! Злобной гнѣвъ видѣнъ въ его взорахъ. И самыя слезы сына его не могли его пронуть. Уже ли юнаго Артура принесетъ онъ въ жертву своему мщенію? Я ужасаюсь. Ферфаксъ конечно великодушенъ; но всеобщее заблужденіе умовъ въ нынѣшнія безпокойныя и мятежныя времена произвело уже множество преступленій. По крайней мѣрѣ я не буду совиновникомъ его. Представляю ему всю гнусность такого злодѣяства, если онъ сообщитъ мнѣ свое намѣреніе. Я спасу Ферфакса отъ всего того, что можешь зашмишь славу его.

Я В Л Е Н І Е XIII.

Кепель, Книгстонъ, Суррей.

Книгстонъ (Кепелю).

Вошѣ его спавка, Милордѣ.

Суррей.

(Подошедѣ къ Кепелю, беретѣ съ почитеніемѣ его руку и хочетѣ ее поцѣловать).

Храброй защитникѣ Колчестера! позволѣ миѣ поцѣловать руку Героя.

Кепель (отнявѣ ее съ смиреніемѣ).

Она не должна приниматьѣ никакихѣ знаковѣ почести, пока руки Короля моего будущѣ въ безчестныхѣ оковахѣ. Гдѣ Милордѣ Ферфаксѣ?

Суррей.

Я пошчасѣ скажу ему о прибытіи великодушнаго непріятеля его.

Я В Л Е Н І Е XIV.

Кепель, Книгстонъ.

Книгстонъ.

Я почишаю за должность сказать вамъ, Милордъ, что все здѣсь кажется мнѣ ошмѣнно подозрительно.

Кепель (съ спокойнымъ видомъ).

Что такое, мой другъ? Не бойся напрасно.

Книгстонъ.

Страхъ мой покажется вамъ довольно основательнымъ, если вы обо всемъ подумаете. Ферфаксъ слышалъ отъ меня, что вы къ нему идете. Для чего же не дождаться и не принять васъ самому? За чѣмъ поспѣшь уйти, подъ предлогомъ отданія важныхъ приказовъ? Для чего все войско его, когда вы шли мимо, стояло въ ружьѣ?

Кепель.

Что хочешь ты заключить изъ этихъ пустыхъ видовъ?

Книгстонъ.

Не сокрывается ли подъ ними какаянибудь тайная измѣна?

Ке-

К е п е л ь.

Кингстонъ! я не боюсь иичего. Права войны священны для всѣхъ народовъ. Самой алчнѣйшей побѣдипель, человекъ самой свирѣпѣйшей, соблюдаетъ ихъ прошивъ другихъ для того, чтобы и прошивъ него соблюдали ихъ.

К и н г с т о н ь.

Тотъ, кто прошивъ своего Короля вооружается, конечно можетъ не сдержавъ своего слова прошивъ подданныхъ его.

К е п е л ь.

Меня бы не избралъ онъ въ предметъ своего вѣроломства.

К и н г с т о н ь.

Однакожь, Милордъ — —

К е п е л ь.

Нѣтъ, я знаю Ферфакса. Я имѣю такое хорошее мнѣнiе о характерѣ его, что не могу почищать его удобнымъ къ такой подлости. Фанатизмъ независимости могъ ослабить его разумъ, не испортивъ сердца его. Мы взяли съ нимъ разныя спороны, однакожь нѣкогда были мы друзьями. Ему еще и теперь дорого мое почтенiе, и конечно не захочетъ онъ въ моихъ глазахъ удалиться отъ пупи чести.

Кингстонъ.

Желаю, Милордъ — — Вотъ онъ!

(Кепель подходитъ къ Ферфаксу съ
видомъ спокойствія.)

Я В Л Е Н І Е XVI.

*Ферфаксъ, Кепель, Кингстонъ,
Суррей.*

Кепель.

Въ доказательство моей къ вамъ до-
вѣренности, Милордъ, я пришелъ къ
вамъ въ спавку одинъ съ другомъ своимъ.

Ферфаксъ.

Когда вы его удостоиваете такого
имени, то онъ можетъ быть при нашемъ
переговорѣ.

Кепель.

Я принялъ бы въ свидѣтели и сама-
го непріятеля. — Милордъ! я готовъ
слушать васъ.

Ферфаксъ.

Предлагаю вамъ именемъ Парламен-
та всѣ выгоды, соотвѣтствующія пому
высокому почтенію, которое имѣетъ онъ
къ вашимъ добродѣтелямъ.

К е -

Кепель.

Естьли оиѣ спуюшѣ какой нибудь награды, то я долженѣ ожидать ее единствен-но отѣ моего Государя, копорой естѣ Государь и Парламенша.

Ферфаксъ.

Что можешѣ сдѣлать для васѣ Государь безѣ Государства?

Кепель.

Я спарался бы, можешѣ быть, сѣ меньшею ревностію о пользѣ его, естѣли бы сѣ нею соединена была собспвенная моя польза. Нѣшѣ, я не ожидаю никакой награды, и шѣмѣ болѣе горжусь его службою.

Ферфаксъ.

Такое чувство свойственно душамѣ великимѣ. Но вы видите, что перемѣна вѣ правленіи не избѣжна. Развѣ вамѣ можно оспановить ее? Чѣмѣ вы думаете прошивишѣся торжествующей споронѣ?

Кепель.

Своею должностію; копорая велишѣ бышѣ вѣрнымѣ нещасному Государю.

Ферфаксъ.

Вы уже все то сдѣлали, что можно ожидать отѣ честнаго челоуѣка.

Кепель.

Нынѣ, не все — нынѣ еще остается
додѣлывать.

Ферфаксъ.

Какимъ же образомъ? Стѣны городскія
стали кучами камней, солдаты не имѣ-
ютъ куска хлѣба —

Кепель.

У нихъ есть еще оружіе и мужество,

Ферфаксъ.

Подъ вашимъ предводительствомъ не
могутъ они лишиться мужества; но ка-
кую пользу можете принести храбрость
безъ силы? Колчестеръ — не смотря
на то, что ваша рука защищаетъ его —
долженъ скоро сдаться.

Кепель.

Говорилъ ли онъ вамъ о сдачѣ въ
нынѣшнюю ночь?

Ферфаксъ.

Не нынѣ, такъ завтра. Но завтра
Парламентъ объявитъ васъ врагомъ Респу-
блики; а нынѣ черезъ меня предлагаетъ
вамъ штибулъ Герцога и начальство въ
крѣпости.

(Ке =

(Кепель отворачивается и закрываетъ лице руками).

Ферфаксъ.

Для чего вы отъ меня отворачиваетесь?

Кепель.

Краснѣю за васъ и за всю націю мою.

Ферфаксъ.

Успокойтесь, Милордъ, и помыслите хладнокровно о моемъ предложеніи.

Кепель.

Только для эпова вы призвали меня?

Ферфаксъ.

Дѣло важно — ваше спасеніе отъ того зависитъ.

Кепель (думая итти).
Простите, Милордъ.

Ферфаксъ (въ сторону).

Для чего я принужденъ дѣлать себѣ насиліе! (Подойдши къ нему и взявъ его за руку) Подумайте еще минушу, Лордъ. Пожалуйте оставьте предразсужденія рабства. Уже ли вы пожертвуете имъ всѣми почестями, копорыя пригошовлены для васъ и фамиліи вашей?

Кепель.

Благородные Англичане! гдѣ нынѣ древняя слава ваша? Въ Албіонѣ продающся почести по мѣрѣ безчестія.

Ферфаксъ.

Опечество вамъ ихъ предлагаетъ.

Кепель.

Опечество! — Не произносите этого имени — оно посрамляется въ устахъ вашихъ.

Ферфаксъ.

Можете ли вы сами говорить объ опечествѣ, служа подѣ знаменами ширана его? Но слабая рука ваша не можеть наложить цѣпи на побѣдоносную вольность. Колеблется основаніе престола — и скоро, скоро онѣ совсѣмъ низвергнешся.

Кепель.

Пусть же я погребенъ буду подѣ развалинами его!

Ферфаксъ.

Парламентъ извлечетъ васъ опшуда живаго и осудитъ на поносную смерть.

Кепель.

Развѣ лучше будетъ, естли я осужу себя на позорную жизнь?

Фер-

Ферфаксъ.

Какова будетъ она для васъ, когда Англія, освобожденная отъ постыднаго ига, будетъ съ ужасомъ произносить имя ваше; когда ваша супруга, лишенная чести, станетъ проклиная минушу брака своего; когда сынъ вашъ, терзая ваше сердце на самомъ эшафотѣ воплемъ опчаянія своего, будетъ укоряетъ васъ пою жизнью, копорую надлежитъ ему проводить въ поносной бѣдности?

Кепель.

Неслыханная дерзость! — Ты, въ-роломной подданной, ты хочешь устрашить меня позоромъ, которой соединенъ единственно съ вашимъ бунтомъ? Нѣтъ! всѣ честныя люди будутъ сожалѣть обо мнѣ. Жена и дѣти мои благословятъ мою памяшь. Небо будетъ покровителемъ моей вдовствующей супруги и сиротствующаго сына моего.

Ферфаксъ.

Постой, подлой рабъ деспотизма! естли собственная твоя польза не можешъ тебя пронуть, то спрашисъ погибели любезнѣйшаго тебѣ предмета! — Морганъ!

Я В Л Е Н І Е XVI.

*Ферфаксъ, Кепель, Артуръ, Морганъ,
Суррей, Кингстонъ, двое солдатъ.*

Поднимается занавѣсъ во внутренности ставки. Представляется Артуръ въ цѣпяхъ. Подлѣ него стоятъ двое солдатъ, и каждой приставляетъ кинжалъ къ груди его. Позади стоитъ Морганъ)

Кепель.

Боже! что я вижу?

(Падаетъ въ объятія къ Кингстону)

Ферфаксъ.

Видите?

Кепель (вырвавшись изъ рукъ у Кингстона съ гнѣвомъ),

Сынъ мой въ швоей власти? — Злодѣй! ты взялъ его въ плѣнъ не оружіемъ!

Ферфаксъ.

Отдайте мнѣ свое оружіе: я вамъ отдамъ сына: вотъ одно средство, которымъ вы воспользоваться можете. Хотите ли вы спасти жизнь его?

Кепель.

Смертію злодѣя.

(Хватается за шпагу, чтобы заколоть Ферфакса)

Морганъ.

Милордъ! одинъ шагъ вашъ погубитъ васъ и сына вашего.

Артуръ.

Не бойтесь ничего, батюшка! — Отмстите! Я не боюсь смерти — я сынъ вашъ,

Кепель.

(Вложивъ въ ножны шпагу, до половины обнаженную, и оборотясь къ Ферфаксу)

Варваръ! я не говорю уже тебѣ о прежней дружбѣ нашей. Ее нѣтъ уже, когда ты какъ бунтовщикъ противъ Короля возсталъ. Ничего отъ себя не требую. Но что сдѣлалъ тебѣ эшотъ невинной юноша?

Ферфаксъ.

За минушу передъ симъ онъ ругался мною съ такою же надменностію, какъ и отецъ его.

Кепель.

Смотри же, какъ онъ презираетъ теперь всю злобу и угрозы твои! —

Лю.

Любезной Артуръ! для чего не могу я обнять тебя, столько досшойнаго моея любви?

К и н г с т о н ь [Ферфаксу]

Уже ли, Милордъ, захошите вы по-срамить навсегда славу свою убивствомъ малолѣшняго?

Ф е р ф а к с ь.

Не я, но жестокой Кепель умерщвляетъ его; обвиняй онъ въ томъ одну свирѣпую свою непокорность. Пусть онъ ошдастъ мнѣ городъ, котораго защищать не можетъ: я ошдамъ ему сына его. А естли нѣтъ, то онъ погибнетъ къ ужасу малодушныхъ рабовъ, желающихъ уничтожить воцаряющуюся свободу.

Кепель (Артуру трогательнымъ голосомъ).

Сынъ мой! Богъ, Госудирь и честь!

Суррей (въ сторону).

Я лучше умру, нежели допущу свершиться такому ужасному злодѣянiю.

(Уходитъ).

Я В Л Е Н І Е XVII.

Ферфаксъ, Кепель, Артуръ, Морганъ,
Кингстонъ, двое солдатъ.

Кепель и сынъ его смотрятъ другъ
на друга съ нѣжностію, протяги-
вая другъ къ другу руки).

К е п е л ь.

Артуръ, любезной Артуръ! что мнѣ
скажешь горестной твоей матери?

К и н г с т о н ь.

Уже ли вы допустили умертвить
его?

К е п е л ь.

Кингстонъ! Кингстонъ! — Тебѣ бы
надлежало ободрять мою твердость, а ты
хочешь поколебать ее. Мнѣ и шакъ
трудно сражаться съ природою.

Ф е р ф а к с ь.

Одна минуша остается, Лордъ Ке-
пель.

К е п е л ь.

Начто долѣе мучишь меня? Дай мнѣ
выйти. Я не хочу умереть въ глазахъ
твоихъ.

Мор-

Морганъ.

Артуръ! не хотите ли сказать чего нибудь отцу вашему?

Артуръ (съ твердостью)

Ничего. Онъ знаетъ все то, что чувствуетъ сердце мое.

Морганъ (солдатамъ)

Будьте готовы.

Кепель.

Прости, сынъ мой! Еще повторю: Богъ, Государь и честь! Есѣли я переживу тебя одною минутою, то единственно для опмщенія.

(Отворачивается и хочетъ идти).

Ферфаксъ (въ сторону).

Непоколебимая добродѣтель! Противъ воли своей принужденъ я удивляться ей. *(Вслухъ)* Что такое?

Я В Л Е Н І Е XVIII.

Ферфаксъ, Кепель, Эдмондъ,
Артуръ, Морганъ, Кингстонъ,
Суррей, двое солдатъ.

Эдмондъ.

(Вбѣжавъ съ великою поспѣшностію
и обхватя обѣими руками моло-
даго Кепеля)

Артуръ! другъ мой! ты не умрешь
безъ меня!

Ферфаксъ.

Что ты дѣлаешь, сынъ мой?

Эдмондъ.

Не называйте меня пѣвмъ именемъ,
которымъ я гнушаюсь. Насыщайте свою
злобу! У васъ есть новая жертва.

Ферфаксъ.

Дерзкой! кто тебя привелъ сюда?

Суррей.

Я, Милордъ Я освободилъ его изъ
заключенія, и такой поступокъ поставляю
себѣ въ честь.

Эдмондъ (Ферфаксу)

Только вы одни не чувствуете жалости. (Солдатамъ) А въ вашемъ сожалѣніи мнѣ нѣтъ нужды. Колише, колише? Отъ чего вы шрепещите?

Артуръ (стараясь вырваться изъ рукъ его).

Пуспи меня, любезной Эдмондъ. На что дѣлать для меня смерть мучительнѣе?

Эдмондъ.

Нѣтъ, я не оставляю тебя. Я не хочу пережить друга моего, потерявъ отца.

Кепель.

Ты хочешь опнять у меня сына, а твой сынъ не признаетъ тебя отцемъ своимъ: вошъ отмщеніе!

Эдмондъ.

Дай мнѣ прижать себя къ моему сердцу, любезной Артуръ! Я хочу умереть съ тобою отъ одного удара.

Кепель.

Видишь, Ферфаксъ? Теперь остается тебѣ умерщвлять самого себя.

Фер-

Ферфаксъ.

Я побѣжденъ, Кепель. Эдмондъ! сними цѣпи съ друга твоего и отдай его отцу. Руки мои не достойны прикасаться къ этому юному Герою.

(Морганъ и солдаты выходятъ).

Артуръ.

И такъ тебѣ, любезной Эдмондъ, тебѣ обязанъ я жизнию моею!

Эдмондъ.

Другъ мой! *(Снимаетъ съ него цѣпи и подводитъ его къ Кепелю, которой ихъ обоихъ обнимаетъ).*

Артуръ.

Башюшка!

Эдмондъ.

Милордъ!

Кепель.

(Держитъ ихъ въ своихъ объятіяхъ и смотря съ нѣжностію то на того, то на другаго.)

Называйте меня оба однимъ именемъ, любезныя дѣши. Я не знаю шеперь, кто изъ васъ сынъ мой.

Эдмондъ.

(Видя отца сего проливающаго слезы, вырывается изъ объятий Кепелевыхъ и бросается къ ногамъ его)

Теперь снова нахожу въ васъ отца! — Ахъ! не скрывайте отъ меня слезъ своихъ! — Милордъ! Артуръ! Суррей! видите ли, что онъ слезы проливаетъ?

Ферфаксъ (поднимая его).

Любезной Эдмондъ! я никогда не забуду, что ны не допустилъ меня до безчестнаго дѣла! (Представляя его Артуру) Любите всегда другъ друга, достойные друзья! Дай Богъ, чшобы вы жили въ лучшя времена, нежели отцы ваши! (Кепелю) Вы можете, Милордъ, возвратиться въ городъ. Я удивляюсь вашей добродѣтели. Какъ бы я былъ щасливъ, еспьли бы могъ заслужить ваше уваженіе!

Артуръ (цѣлуя руку у Кепеля).

Мы никогда не разстанемся. Башюшка! я буду вмѣстѣ съ вами сражаться.

Кепель.

Ты уже оказалъ услугу отечеству своему. Одно швое имя будетъ твердѣйшею защитою Колчестера. Какой подлецъ подумаетъ о сдачѣ, услышавъ о швоемъ мужествѣ?

Артуръ.

Позвольте мнѣ доказать его дѣлами. Я ошъ васъ не ошшану.

Кепель.

Нѣтъ, другъ мой, проснимся. Можеть быть обнимаю тебя въ послѣдній разъ. Должность велишь мнѣ презирать смерть для пользы отечества моего; а тебѣ должно жить, чтобы пришедши въ совершенной возрастѣ, служишь ему съ большею пользою. (*Ферфаксу*) Послѣ шеперешняго приключенія, я не могу уже тебѣ оласаться, Ферфаксъ. Поручаю тебѣ сына моего: пошли его къ матери. А я иду ожидашь тебя на валу.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ДРАМЪ.

Когда Кромвель, посланной Ферфаксомъ на встрѣчу Лангдалу и Гамильшону, побѣдилъ ихъ одного послѣ другаго и взялъ Гамильшона въ плѣнъ; когда Графъ Голландъ былъ также побитъ и взятъ въ плѣнъ другимъ спрядомъ Парламентской арміи: тогда Колчестерскіе жители, оборонявшіеся единственно въ надеждѣ получить помощь, были наконецъ принуждены войти въ переговоры. Они послали Депутатовъ къ Ферфаксу, чтобы согласиться на честныхъ условіяхъ сдать городъ. Будучи раздраженъ упорною ихъ обороною, не хотѣлъ онъ слышать ни о какихъ предложеніяхъ, и требовалъ, чтобы они отдались совершенно въ волю его. Послѣ сего отвѣта въ городъ былъ совѣтъ два дни. Сперва было рѣшились Офицеры оружіемъ очистить себѣ путь сквозь непріятелей; но оставшіяся лошади были весьма слабы для сего предпріянія. Съ другой споровы упомянутые солдаты не могли выдержать новаго приступа. И такъ принуждены были отворить Ферфаксу ворота и подвергнуться его воли.

Выславъ прежде изъ города солдатъ безъ оружія и безъ всякаго имущества, онъ заключилъ всѣхъ Офицеровъ въ городской залъ, и велѣлъ подать себѣ рѣшѣніе именамъ ихъ. Ирстонъ, которому Кромвель въ свое отсутствіе поручилъ надзирать надъ стоворчивымъ Генераломъ, по сему списку назначилъ къ казни шѣхъ, которыхъ онъ лично ненавидѣлъ. Гг. Карлъ Лукасъ, Георгъ Дайль, и Бернардъ Гаскуанъ, были приведены въ Военской Совѣтъ, въ которомъ Ферфаксъ имъ объявилъ, что въ наказаніе за непокорность ихъ и въ примѣръ шѣмъ, которые вздумали бы имъ подражать, они осуждены въ тотъ же день лишиться жизни передъ стѣнами замка.

Когда сіе извѣстіе дошло до другихъ плѣнниковъ, то Кепель послалъ въ Военской Совѣтъ Офицера съ письмомъ, подписаннымъ значнѣйшими изъ нихъ, въ которомъ они просили его уничтожить свое рѣшеніе, или по оному лишиться жизни всѣхъ ихъ, спыдящихся такою исключенія. Сіе письмо, произведеніе великодушія, не имѣло никакого дѣйствія, кромѣ того, что ускорило казнь несчастныхъ товарищей ихъ.

Г. Лукасъ, разспрѣлянной прежде прочихъ, далѣ знавъ палачамъ своимъ съ такимъ свободнымъ духомъ, какъ будто бы приказывалъ сдѣлать выспрѣлъ собственнымъ своимъ солдатамъ. Лаиль, видя его упавшаго, бросился къ нему, обнялъ его трупъ, по шуму приподнялся, съ гордостію взглянулъ на солдатъ и велѣлъ имъ подойти поближе. Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, что они и такъ не далеко, и конечно попадутъ въ него. Друзья мои! сказалъ онъ съ усмѣшкою: я былъ къ вамъ еще и ближе, но вы не умѣли попастьъ въ меня (*).

Послѣ сего кровопролишя, Ферфаксъ пришелъ съ Ирешономъ въ городскую залу къ прочимъ пльникамъ. Привѣтствуя Графа Норвича и Кепеля, онъ почелъ за должность извиняться передъ ними въ разсужденіи той спрогости, которой шребовало отъ него военное правосудіе.

(*) Бернадъ Гаскуанъ, или Гваскони, дворянинъ Флорентинской, былъ пощажень Военнымъ Совѣтомъ, которой боляся, чшсбы великой Тосканской Герцогъ, узнавъ о семъ насиліи, не опмшилъ за ш Англичанамъ, находившимся въ его области.

судіе. Но Кепель, почитавшій Ирето-на единственнымъ виновникомъ сего варварства, осыпалъ его самыми жестокими укоризнами, за копорыя онъ скоро нашелъ случай опмститиь ему.

Когда Парламентъ велѣлъ проводить Графа Норвича и Лорда Кепеля въ Виндзорской замокъ, они увидѣлись тамъ съ Герцогомъ Гамильтономъ и вмѣстѣ съ нимъ оплакивали свое нещастіе. Скоро перевели ихъ въ Лондонскую башню, гдѣ имъ надлежало ожидать отъ Парламента рѣшенія своей участи.

Черезъ мѣсяцъ послѣ ужасной казни Карла перваго, составили новой Высокой Совѣтъ, чшобы судить сихъ трехъ Господъ, Графа Голланда и Джона Овена, копорой во время возмущенія, происшедшаго въ Валлисѣ въ пользу Королевскую, собственною своею рукою убилъ Шерифа.

Кепель предсталъ передъ судьей своихъ съ благородною швердostí, и не хотѣлъ признавать ихъ власти, говоря, что будучи солдашомъ и военноплѣннымъ, онъ не имѣетъ никакого дѣла съ приказными людьми. На что Брадша, Президентъ Коммиссіи, ошвѣчалъ ему дерзостнымъ и злобнымъ намекомъ на осужденіе Короля, сказавъ, что они судили шакого челоуѣ-

на, которой конечно важнѣе его. Послѣ иѣкопорыхъ споровъ, въ которыхъ Ирешонъ оказалъ всю свирѣпость своего характера, произнесли рѣшеніе, и осудили на казнь Кепеля и другихъ плѣнниковъ (*). Только три дни дали имъ на распоряженіе дѣлъ своихъ и на приговореніе себя ко смерти.

Милади Кепель подала въ сіе время прошеніе въ Парламентъ. Когда его читали, многіе изъ Членовъ вступились за Кепеля и начали хвалиль его добродѣтели. Самъ Кромвель приписывалъ ему великія похвалы и обнаруживалъ къ нему столько почтенія и дружбы, что всѣ ожидали отъ него рѣшенія въ пользу Кепелеву: но онъ голосомъ лицемѣра сказалъ, что ревность къ общественному благу заставляетъ его забыть частную дружбу и любовь; что Лордъ Кепель конечно

(*) Когда Джонъ Овенъ услышалъ свое осужденіе, то поклонясь низко судьямъ, благодарилъ ихъ вслухъ, говоря, что бѣдной Валлисской дворянинъ долженъ почестъ себя за великую честь лишиться головы вмѣстѣ съ такими великими Господами, и что онъ всего болѣе боялся висѣлицы.

нечно бы послѣ всѣхъ оставилъ Королевскую сторону; что его непоколебимая привязанность къ своимъ правиламъ, опытность и мужество, многочисленность и усердіе его друзей, дѣлають его самымъ спрашиваемымъ неприятелемъ Парламента; что онъ во всю жизнь свою и во всякомъ состояніи будетъ для нихъ колючимъ терновникомъ — и заключилъ рѣчь свою шѣмъ, что его совѣсть и польза государственная повелѣвають ему подать голосъ противъ онаго прошенія.

Непримиримой Ирстонъ съ меньшею осторожностію предался влеченію своей ненависти, и съ злобою утверждалъ въ Парламентѣ рѣшеніе Высокаго Совѣта, сдѣланнаго по его волѣ. Хотя не было шутъ ни одного чловѣка, которой бы отъ всего сердца не почиталъ Кепеля, и хотя весьма немногіе имѣли причину лично на него злобиться, однакожь должное уваженіе къ его добродѣтелямъ, и жалость къ такому несчастному концу его, были заглушены ужасомъ, вселеннымъ двумя врагами его, и осужденіе его опдано было на волю сихъ мстительныхъ сердецъ.

Поставили эшафотъ передъ окнами Парламента. Какъ скоро свершилась казнь Герцога Гамильтона и Графа Голланды (*), позвали Кепеля. Онъ шелъ съ твердостью и спокойствіемъ по Вестминстерской залѣ, кланяясь съ важностію всѣмъ своимъ знакомымъ. Докторъ Морле,

---

(*) Графъ Норвичъ и Джонъ Озенъ получили прощенье. Когда разуждали въ Парламентѣ о прошеніи первого, то на шой и на другой сторонѣ число голосовъ было совершенно равно, и участь его зависѣла отъ Орашора, которой, будучи нѣкогда одолженъ Графомъ, почедъ за должностъ спасла его жизнь.

Джонъ Озенъ ни мало не заботился о своей жизни, и не подумалъ подать Парламенту никакого прошенія. Ирстонъ вздумалъ самую сею беззаботностію убѣдить Парламентъ пропустить его. Сверхъ того хотѣлъ онъ симъ исключеніемъ сдѣлать новую досаду тремъ Лордамъ, и смерть ихъ учинить еще горестнѣйшею, показавъ имъ, что простой дворянинъ и безъ всякаго прошенія могъ бытъ избавленъ отъ строгости приговора, въ то самое время, когда ихъ прошенія были съ презрѣніемъ отвержены.

Морле, другъ его, бывшій всегда съ нимъ вмѣстѣ во время его заключенія, сѣвши за нимъ ипши, чтобы слышать послѣднiе вздохи его; но солдаты оставили его подъ эшафомъ. Милордъ простился съ нимъ, обнялъ его нѣжно, поблагодарилъ за всѣ его попеченія, и просилъ не ходить за нимъ, боясь, чтобы онъ не подвергнулся варварству солдатъ, его окружавшихъ. Взшедши на край эшафа, посмошрѣлъ онъ съ видомъ спокойствiя на всѣ стороны, и спросилъ, съ опкрышою ли головою говорили казненные Лорды къ народу. Когда ему сказали, что они снимали шляпу, онъ отдалъ свою шляпу слугѣ, и тогда свободнымъ и твердымъ голосомъ сказалъ, что онъ лишается жизни за такое дѣло, о которомъ никакъ сожалѣть не можеть; что будучи воспитанъ въ привязанности къ учрежденiю своего отечества, вѣрности къ своему Государю и преданности къ Религии, не нарушилъ онъ ни одной изъ сихъ трехъ должностей; что онъ осужденъ на смерть противъ всѣхъ законовъ Государства; и что только сему приговору онъ готовъ подвергнуться.

По томъ хвалилъ умерщвленнаго Короля, прося Бога простить сіе злодѣяніе ослабленной націи; и въ заключеніе сказалъ, что народъ долженъ признать въ сынѣ Карловомъ законнаго своего Государя. Наконецъ, послѣ краткой и усердной молитвы, протянулъ голову подъ ужасной ударъ, лишившій Англію добродѣтельнѣйшаго гражданина.

ЧУДНОЙ ХАРАКТЕРЪ.

Люди бываютъ несогласны не только другъ съ другомъ, но и съ самими собою, и сіе противорѣчіе бываетъ всего страннѣе тогда, когда дѣло идетъ обо мнѣ. Кто виноватъ въ томъ, я, или они — сіе надобно изслѣдовать. Безъ хвастовства могу сказать, что я имѣю великое вліяніе на вещи міра сего; и что никто и ни въ какомъ дѣлѣ не можетъ безъ меня обойтись. На примѣръ, всѣ художники, всѣ ремесленники увѣряютъ, что безъ моей помощи они ни въ чемъ не успѣютъ. Олъ искуснаго Архитектора, построившаго величественной храмъ святаго Павла, до скипающагося Араба, разбивающаго шатеръ посреди пустыни; олъ вели-

великаго Рафаеля до молодаго Арписта, чертящаго еще первую голову — всѣ могли говоришь однимъ языкомъ — всѣ могли сказать, что безъ меня они бы никогда не достигли цѣли своей. И путешественникъ, отправляющійся въ дорогу; и воинъ, осаждающій городъ; и земледѣлецъ, обсѣвающій поле; и Авторъ, сочиняющій книгу — всѣ на меня надѣются, хотя иногда и неблагоприятно. Учитель, Полищикъ, Медикъ, иногда во всемъ на меня полагаются, ожидающъ меня съ терпѣніемъ, старающъ мною пользоваться; и когда въ томъ успѣющъ, ученикъ исправился, дѣла придутъ въ порядокъ, и больной будетъ здоровъ. Имперіи и всякая слава чувствуютъ также мое вліяніе: иногда ихъ утверждаю, иногда потрясаю, опровергаю и уничтожаю. Поперемѣнно произвожу силу и слабость. Со мною пріобрѣтающъ знанія и способность, опыты и мудрость. Вообще оказываю благосклонность свою вѣрнымъ друзьямъ, наукамъ и истинѣ; утверждаю пріятной союзъ первыхъ, а другія ожидающъ отъ меня успѣховъ своихъ. Иногда дѣлаю добро Гимевею, но Купидону никогда. Часто разсѣваю мечты и предразсужденія, укрощаю гнѣвъ и ненависть. Бу-

дучи другомъ юности и красошѣ, развиваю всѣ прелести ихъ. Однакожъ красота жалуется на мои обиды. Правда, что я имѣю надъ нею страшную власть, постепенно заглаживаю прелести ея и наконецъ совсѣмъ ихъ испребляю. Будучи вѣчнымъ врагомъ дурныхъ, дѣлаю ихъ еще часъ отъ часу дурнѣе.

Вошъ мои вины и благодаренія. Мнѣ бы легко было увеличить роспись ихъ; но я боюсь уподобиться симъ Неспорамъ, которые слишкомъ долго о себѣ говорятъ. Глубокая моя старость, вошедшая уже въ пословицу, дѣлаетъ сей спрахъ основательнымъ; однакожъ я далеко еще отъ конца своего. Живописцы и рѣшники изображающъ меня всегда въ видѣ старика; они дающъ мнѣ еще въ руки кривое желѣзное орудіе, и всякой бы почелъ меня старымъ жнецомъ, еспли бы не представляли меня съ одною изъ принадлежностей Любви.

Но не могу умолчать о всѣхъ шѣхъ странныхъ переговорахъ, которые бывающъ на мой счетъ — о похвалахъ, мнѣ приписываемыхъ, и о той брани, которую меня осыпающъ. Говорятъ, что я открываю всѣ тайны; однакожъ обвиняющъ меня и шѣмъ, что мною сокры-

ты въ непроницаемую тьму многія такія вещи, которыя хорошобъ было знать свѣту. Видя развалины, говорятъ, что я тому виною, что я все разрушаю. Чтобы совершилъ какое нибудь зданіе; чтобы развилъ разуму, усовершенствоваться способностямъ, созрѣть плодамъ и алеѣ сдѣлаться сѣнестою — все мнѣ же помогаешь надобно. Нѣкоторые люди называютъ меня *несчастчымъ*, а другія *тлывымъ*. Говорятъ, что я лечу и исчезаю какъ молнія; а по томъ вдругъ жалуются на мою медленность. Однакожь печеніе мое едивообразно и размѣренно; я иду всегда впередъ, и никогда уже назадъ не ворочаюсь. Искусные художники сдѣлали маленькія круглыя машины, снаружи весьма блестящія, которыя показываютъ всѣ шаги мои. Люди, весьма занятыя дѣлами, хотѣли бы оспановить мое печеніе. Мудрые называютъ меня сокровищемъ, драгоценнымъ сокровищемъ, въ разсужденіи котораго позволено быть скупымъ. Праздныя, легкомысленныя и въпренныя люди находятъ меня несноснымъ въ уединеніи и не знаютъ, что со мною дѣлать. Я бываю для нихъ бременемъ, отъ котораго имъ хочется освободиться, чего бы то

ни сполло. Они собираются, дѣлаютъ заговоры и не скрываютъ, что намѣрены *погубить* меня. Но одинъ Англійской Прѣшъ весьма справедливо замѣнилъ, что убійцы, на которыхъ я жалуясь, убиваютъ самихъ себя. Но чувствующія всю цѣну мою, собрали безцѣнные богатства, которыхъ никто у нихъ похитить не можетъ. Они будутъ ими пользоваться и тогда, когда разрушится моя Имперія — когда не буду уже имѣть никакого вліянія на міръ сей — когда вмѣстѣ со всѣми чловѣками поглотитъ меня Океанъ, ни дна ни конца не имѣющій.

А Н Е К Д О Т Ъ.

Когда дивизія гранодировъ Никл. Эс-тергацскаго Венгерскаго пѣхотнаго полку — пишушѣ въ Офенскихъ Вѣдомостяхъ — должна была по приказу вышши изъ деревни Счадовы, то и жители также побѣжали съ сею командою, и въ томъ числѣ одна Волохская женщина съ своимъ ребенкомъ, которому было года два, или два съ половиною. Чтобы бѣжать скорѣе, она его бросила. Полковникъ, увидѣвъ сіе, подскочилъ къ ней и спросилъ, для чего она оставляетъ младенца. Государь! отвѣчала она: я задыхаюсь — ребенокъ тяжелъ — а мнѣ надобно спасаться. Великодушной Полковникъ сошелъ съ лошади, взялъ ребенка въ виду спремившагося на него непріятеля, и держалъ его въ рукахъ до самаго того времени, какъ уже вся опасность миновалась. Тогда пришла мать и стала требовать своего ребенка; но онъ не хотѣлъ его отдашь, вознамѣрясь воспитать его въ хорошихъ рукахъ. Это мой ребенокъ, сказала женщина: вы, сходя съ лошади, потеряли перчатку; я подняла ее и спрячала, чтобы ею доказать справедливость моего

Часть. XVI. Но. 48. И **пре-**

требованія. Младенецъ ухватился обѣими руками за шею своего избавителя, когда мать спала этого требованья. — Сей Полковникъ, коего имя должно блистать въ лѣтписяхъ Человѣчества, есть Графъ Счапарай.

ЩАСТЛИВОЕ ЗНАКОМСТВО (*).

Господину В * * *

Вы знаете, что я нѣсколько лѣтъ былъ очень нездоровъ, и что напрасно упоиреблялъ я многія лѣкарства, пока наконецъ, послѣдуя вашему совѣту,

по-

(*) Сіе письмо переведено изъ Нѣмецкаго Меркурія, издаваемаго — по крайней мѣрѣ прежде — славнымъ Виданомъ. Въ примѣчаніи говоритъ онъ: „Я сообщаю сей анекдотъ такъ, какъ онъ мнѣ сообщенъ, безъ всякой перемѣны, и надѣюсь, что онъ полюбитъся многимъ нашимъ Читателямъ и Читательницамъ. Какъ образъ выраженія, такъ и образъ описанія, сколько замѣтны, что нѣтъ нужды наименовать ту руку, которой мы обязаны симъ даромъ., —

поѣхалъ въ Г * * * поговорить съ Ц * * *,
которой, будучи лѣкаръ философической,
знаетъ не только одни недостатки тѣ-
ла; но и потребности души купно съ
ихъ вліяніемъ, размѣряетъ предписаніи
своеи и по тѣмъ и по другимъ, и по-
тому часто посылаетъ тѣхъ людей, ко-
торыхъ здоровье бываетъ истощено отъ
душевнаго спраданія, или отъ чрезмѣр-
наго напряженія духа, къ отдаленнымъ
цѣлительнымъ водамъ — такъ какъ и
мнѣ надлежало отправилъ въ Ахенъ,
чтобы движеніе коляски и перемѣна воз-
духа и предметовъ хотя сполѣку дней
послужили къ излеченію моей болѣзни,
сколько лѣтъ она во мнѣ укоренилась.

Онъ обнадѣжилъ меня самымъ луч-
шимъ успѣхомъ, которому и въ самомъ
дѣлѣ непремѣнно бытъ надлежало, естъли
Судьба не опредѣлила конца дней моихъ,
или болѣзнь не приближила тѣла моего
къ разрушенію, такъ, чтобы по вѣчнымъ
законамъ Природы должно было послѣдо-
вать совершенному рѣзвѣленію и всѣмъ
лѣкарствамъ остаться бесполезными.

Я поѣхалъ къ Ц * * * съ довѣрен-
ностію, а отъ него съ надеждою. Нѣ-
которое облегченіе, мною отъ того по-
лученное, заставило меня думать о дѣй-

ствіяхъ желанія и надежды, — да и не безъ причины. Ешьли горесшь, шоска и спрахъ могушь дѣлать насъ больными, шо для чего же и надеждѣ не помогашь нашему исцѣленію? — Однакожь правда и шо, что дѣйствія надежды бывають гораздо медленнѣе дѣйствій сомнѣнія. — Видѣ Ц * * * и разговоръ его пронули меня; я былъ пронутъ еще и не видя его, когда вы ко мнѣ о немъ писали, и пришелъ въ сильное движеніе, увидѣвъ Г * * *. Я обрадовался, нашедши сострадашельнаго лѣкаря; ибо гипохондрія моя заставила уже меня думать, что человѣколюбіе совсѣмъ истребилось. Но видѣ эшова человѣка, его шонѣ, совѣштѣ — все пронуло меня до глубины сердца. Я повѣрилъ ему, и шакимъ образомъ поѣхалъ.

При каждомъ оборотѣ колесѣ надежда моя умножалась; каждое дуновеніе вѣшера, которое при повременомъ кашлѣ, или давленіи вѣ груди, приносило облегченіе вѣ мое легкое, опмѣнно усиливало мою вѣру. Я развеселился; и чѣмъ ближе подѣвжалъ къ Ахену, шѣмъ лучше мнѣ становилось. Сердце мое наполнилось увѣренностію. Воздухъ, земля, деревья, поля, люди и упражненія ихъ

ихъ — все сдѣлалось для меня важно. Во всемъ томъ, что мнѣ въ глаза попадалось, находилъ я дѣйствіе испаренія и омовенія Ахенскихъ цѣлительныхъ водъ; и увидѣвъ что нибудь въ хорошемъ состояніи, думалъ, что я, по своимъ потребностямъ, получу такую же пользу отъ воздуха и воды. Будучи такимъ образомъ приготоувленъ, пріѣхалъ на мѣсто, началъ лѣчиться, и видимо оправлялся. Между тѣмъ, какъ я выздоравливалъ, духъ мой могъ опять съ обновленными силами дѣйствовать въ своемъ кругу, наблюдать, разсуждать, мыслить и совѣтовать. Я благословлялъ Генія любезнаго Ц * * * и Нимфу Ахенскаго источника. Чувствуя свое благосостояніе, желалъ я и другимъ того же добра, которымъ самъ наслаждался; по чему съ великою ревностію примѣчалъ пріѣзжающую болѣзнь и отъѣзжающее здоровье, а особливо между тѣми людьми, которыхъ жили со мною въ одномъ домѣ.

Будучи еще въ томъ мрачномъ расположеніи души, въ которомъ Ц * * * взялся лѣчить меня, просилъ я одного пріятеля своего сыскать мнѣ кварширу покойную и удаленную отъ шума, не кошѣвъ бытъ среди множества людей;

что онъ и сдѣлалъ. Но и другіе выбрали для себя, пошѣ же самой домъ: ибо жить въ немъ было дешевле, нежели въ иныхъ пракпирахъ. Можешъ быть въ пошѣ годъ было въ Германіи много бережливыхъ или бѣдныхъ больныххъ, пошому что всѣ комнаты были заняты, и мнѣ надлежало довольствоваться отгородкою въ залѣ прешьяго эпажа. Стѣна была изъ двойныхъ досокъ, горница просторна, чиста и довольно свѣтла; но неизбежная неприятность состояла въ пошѣ, что ни я, ни мой сосѣдъ не могъ ничего громко сказать, или взяться за какое нибудь дѣло, что бы другому не было слышно, свѣдшвенно и безпокойно. Мнѣ надлежало не сморѣть на по; и какъ наемной лакей въ прешьемъ эпажѣ былъ у насъ одинъ, то я могъ узнавать отъ него, какимъ родомъ страждущихъ сыновъ человѣческихъ окруженъ бываю. Въ осьмой день по емѣ прїездѣ, когда я ходилъ по городу, прїѣхали двое молодыхъ людей, мужчина и женщина, которые заняли другую половину залы. У нихъ былъ изрядной сундукъ, сказалъ лакей, и всикой могъ узнать, что дѣвушка была нѣжная сестра больного, пошому что они были

оди-

одинакого росту и лица; только молодой человекъ былъ обезображенъ болѣзнію, а молодая женщина отъ горести и заботы поблѣднѣла и похудѣла. Я почувствовалъ любопытство узнать, что они будутъ говорить и дѣлать. — Признаться ли вамъ въ моей слабости? — Я потихоньку входилъ въ горницу; часто давалъ знать, будто хочу выйти; хлопалъ дверью, и по шомъ не прогася съ мѣся. Но теперь чувствую, что я выбралъ самую худую дорогу, и что я совсѣмъ не достоинъ былъ дойти по ней до удовольствія добраго дѣла. Но что уже сдѣлалось, тому такъ и быть; и какъ я подслушивалъ этихъ добрыхъ людей не для того, чтобы высказать ихъ тайны, но единственно для того, чтобы узнать ихъ: но позвольте мнѣ послѣ такого признанія все еще быть довольнымъ самимъ собою.

Весьма часто, днемъ и ночью, слышалъ я тамъ стenanіe спраждающаго и крошкой голосъ утѣшающей любви; слышалъ въ щель деревянной спѣяны тихую молитву, несущуюся отъ сестриной кровати — молитву о здоровѣи и терпѣніи любезнаго брата; чтеніе христіанскихъ и философическихъ разсужденій,

Нѣмецкихъ и Англійскихъ стиховъ. Добросердечная дѣвушка, играя на бѣдномъ клавесинѣ, которой она гдѣ-то взяла на поддержанье, пѣла прогашельнымъ, помнымъ голосомъ разные стихи изъ псалмовъ, которые относились къ состоянію больного, и нѣкоторыя прекрасныя сердечныя пѣсни, исполненныя чистѣйшихъ чувствъ. — Часто съ горестію говорилъ братъ: ахъ, Луиза! кто тебѣ заплатитъ за то, что ты для меня дѣлаешь? —

„Если тебѣ теперь любезной братъ мой, „будетъ спокоенъ, а впредь здоровъ, то „я получу самое сладостное награжде- „ніе „ —

Но ты проживаешь для меня все свое небольшое имущество: чѣмъ же будешь жить, если я и выздоровлю?

„Удовольствіемъ и работою рукъ „своихъ. „

О Луиза! какой гнусной братъ былъ я противъ такой сестры!

„Сдѣлай милость, не говори объ „этомъ! Не обращай назадъ взора своего; „смотри на то, что передъ тобою — „на это ясное небо, которое проспирал- „ся точно къ той сторонѣ, гдѣ мы на- „задъ поѣдемъ; можетъ быть это пред- „вѣщаетъ шу радость, съ которою мы „че-

„черезъ нѣсколько недѣль домой возвра-
„шимся.“

Другъ мой! ты достойна радости,
а всего скорѣе пой, кошорую должна про-
извесить въ тебѣ хорошая смерть моя. —

„Я надѣюсь, братаецъ, что она бу-
„детъ всегда хороша. — Сперва воздо-
„равливай, и живи для себя и для меня.“

Всѣ сіи отпрыгивистые разговоры по-
казывали мнѣ — бѣдность и воспита-
ніе. Я слышалъ иногда и полосканье;
потому что добродушная сестра изъ бе-
режливости сама все мыла, оправляла по-
спели, мела горницу, ѣла только пустой
супъ, или огородные овощи съ хлѣбомъ,
чтобы отъ небольшого имѣнія своего
сберечь нужное къ излѣченію брата. Я
примѣтилъ, что они ожидали извѣстія
отъ короткаго пріятеля своего, и что
часто были чипаны изъ писемъ его нѣж-
ныя и много обѣщающія мѣспа, что дни
на два подкрѣпляло ихъ бодрость; а по
помѣ опять начинали шосковать, и
опять брались за письма. Братъ болѣе
жаловался на неполученіе сихъ писемъ;
разсказывалъ, какъ любезенъ былъ ему
сей другъ; какъ они въ * * * Университе-
тѣ жили вмѣстѣ и коротко познакоми-
лись; сколь охотно ссужалъ онъ его въ

крайности деньгами, и, когда сумма гораздо увеличилась, онъ всего сердца положился на его обѣщаніе, что онъ запластитъ ему все по смерти своего дѣдушки. Дѣдушка уже умеръ; самъ другъ его писалъ къ нему о томъ съ новыми увѣреніями, и онъ уже искренно открылся ему въ той нуждѣ, въ которой они были, и проч. Сестра всегда его успокаивала и старалась нѣжнѣйшимъ образомъ разсѣять. Они говаривали иногда о покойныхъ родителехъ своихъ, сожалѣли о преждевременной смерти ихъ и о бесплодной любви добромыслящихъ родственниковъ, которые по собственному своему недоспашку не могли ничего удѣлять другимъ. Они желали, чтобы Богъ далъ богатымъ по жалостливое сердце, которое въ бѣдныхъ обнаруживалось. — Такимъ образомъ шло время къ моей пользѣ и горести, пока немилосердой случай доставилъ въ руки больному письмо, увѣрившее его въ подлой невѣрности мнимаго друга. Подлецъ со всемъ своимъ наслѣдствомъ уѣхалъ во Францію, откуда не было объ немъ никакого слуха. — Сіе извѣстіе привело въ отчаяніе душу молодого человѣка. Добросердечная сестра его вышла на шагъ разъ изъ дому,

чтобы

чтобы взять лѣкарства и что нибудь продать, оставя его довольно спокойнаго за чтеніемъ книги.

Я слышалъ его въ первомъ изступленіи проклинающаго самаго себя и невѣрнаго друга своего — призывающаго смерть и сожальющаго о сестрѣ своей. Давно уже рѣшился я служить имъ дѣломъ и совѣтомъ, какъ бы скоро оказался пристойной къ тому случай. Луиза возвратилась, и какъ скоро вошла въ комнату, объявила ему съ восклицаніемъ ту надежду, которую подалъ ей лѣкаръ.

„И и цвѣшовѣ накупила, сказала она, и принесла ихъ вмѣстѣ съ лѣкарствомъ; — съ того времени, какъ здоровѣе швре увидать стало, прекрасные цвѣты были мнѣ уже не милы.“

Бѣдная! сказавъ все сіе съ любезною, радостною поспѣшностію, подошла она къ постелѣ брата своего — котораго взоры были неподвижны, губы шрепешали — и которой со скрежетомъ зубовъ миль въ рукѣ бумагу. Она громко закричала: Боже мой! что такое?

Тутъ я вбѣжалъ въ комнату; нашелъ воликодушную дѣвушку съ распростертыми руками спящую на колѣняхъ у постели — цвѣты были разсѣяны по-
длѣ

дѣ нее по полу — и смотрящую на брата своего съ несказанною горестію. Молодой чловѣкъ оборотился лицомъ къ стѣнѣ, громко стоналъ — письмо было еще у него въ рукахъ. — Даже и нынѣ благодарю Господа моего, что Онъ далъ мнѣ довѣренность вселяющее лице; ибо лице мое и сожалишельной понѣ голоса открыли мнѣ дорогу въ сердце ихъ. Тотчасъ при входѣ своемъ сказалъ я: любезныя дѣши! что съ вами сдѣлалось? могу ли чѣмъ нибудь услужить вамъ?

Братъ взглянулъ на меня такими глазами, въ которыхъ уже опчаси смершь изображалась. Сестра подняла руки, и указывая на кровашь, воскликнула изъ глубины сердца: братъ, братъ мой! ахъ! ему помогите!

Больной поднялся. — „ Я не требую никакой помощи! — Дайте мнѣ умереть; но возьмите на себя попечение о сестрѣ моей — ради Бога, государь мой! — кто бы вы ни были. „ О Ангелъ! сказалъ онъ съ горестною любовію, простирая къ ней руки свои — прости меня, прости!

Сердце мое потряслося. Я схватилъ руки ихъ, и сказалъ, что у меня есть сынъ и дочь — что я честной чловѣкъ; что отъ всего сердца беру участіе въ
ихъ

ихъ судьбѣ и буду имѣть о нихъ попеченіе, есѣли они сироты — что мы всѣ друзья и будемъ другъ другу помогать. Молодой человекъ слушалъ меня; но сестра его перебила рѣчь мою, схвативъ братаину руку съ нѣжною поскою сердечной любви — „Брашецъ, брашецъ! скажи, что сдѣлалось? что у теба въ рукахъ?“,

Судорожное движеніе скорби и гнѣва распространилось по лицу его; онъ поднялъ руку, въ которой держалъ бумагу, бросилъ ее, по томъ опять схватилъ и закричалъ: вотъ — вотъ что раздираетъ сердце мое!

Она старалась выхватить изъ рукъ его бумагу — что и удалось ей. Читая блѣднѣла и краснѣла — переставала, опять начинала — закрыла лице свое передникомъ, и плакала, но недолго; ободрилась, встала, сѣла на постелю, обняла брата, поцѣловала его нѣсколько разъ съ нѣжностію, и сказала: мнѣ очень жаль, брашецъ, что это несчастное письмо попало въ руки. Я ничего хорошаго не ожидала отъ этого человека. Такъ и бытъ! Богъ не оставитъ своего добраго сердца, и меня шакже —

Пере-

Переспань крушишься! Вѣдь мы жили же безъ эшова — у тебя же есть дѣло.

Нещастной молодой чѣловѣкъ плакалъ въ объятіяхъ сестры своей — удивленіе и благодарность обнаруживались на лицѣ его. —

Ахъ, Луиза! какъ мнѣ утѣшиться? какъ прийти въ себя? Чѣловѣкъ, кошораго любилъ я съ такою искренностію и жаромъ — ахъ! онъ погубилъ мое здоровье, развратилъ сердце — а теперь онъ же будетъ причиною и того, что мы въ бѣдности погибнемъ.

О государь мой! сказалъ онъ мнѣ: у васъ есть сынъ: — есѣли онъ склоненъ къ дружбѣ, къ великодушію — не посылайте его одного въ Университетъ. Съ такимъ расположеніемъ вошелъ я туда. Скажи, Луиза! — ахъ! ты можешь сказать, что я былъ достойнымъ братомъ швейцарцамъ, пока еще не вѣдилъ за пріобрѣтеніемъ мудрости и знаній, откуда возвратился съ разстроенымъ пѣломъ, съ возвращенною душою — наполненною страстію къ порочнымъ удовольствіямъ, коварно выманилъ у тебя половину имѣнія твоего — по томъ опять пріѣхалъ и прочее проживалъ съ тобою. Вы не знаете, государь мой, что дѣлала се-

спра моя для моего исправленія, излѣченія и благополучія. За полгода передъ симъ вышла она изъ опеки; плашила за меня долги, лѣкарю; ходила за мною, ушѣшала меня, сыскала мнѣ небольшую работу — ибо разслабленное шѣло мое сдѣлало меня негоднымъ для наукъ, и только одна бѣдная способность хорошо писать оспалась у меня — и на то едва становилось силъ и глазъ моихъ! Чшобы было чѣмъ сюда доѣхать, продала она серебро и все, что еще у нее оставалось. Все — все истрачено! — и великодушная, добродѣтельная сеспра моя оспается въ бѣдности, безъ помощи — и все отъ меня, и отъ злодѣя, моего обольстителя.

Онъ ломалъ руки и шосковалъ безмѣрно. Я ушѣшалъ его по возможности. Сеспра вышла — шущъ онъ схватилъ меня за руку. „Государь мой! заклинаю васъ — сожалѣніе, которое васъ привело къ намъ, да не истребится черезъ минушу въ сердцѣ вашемъ, такъ какъ по большой части у людей бываетъ! — Будьте постоянны въ добродушиемъ расположеніи къ сеспрѣ моей! Богъ наградитъ васъ — Тошъ, отъ Кошораго надѣюсь получить прощеніе!

О другъ мой! съ какою горестію разсматривалъ я образъ юноши! — Черпы смерти соединялись съ черпами двадцатишрехлѣшняго человѣка. Благородная ошкровенность и любовь къ добру изображались въ его большихъ прекрасныхъ глазахъ, какъ ни глубоко впа-ли они. Я думалъ: какъ радовались отецъ и мать его, видя его разцвѣщающаго! какъ они надѣялись на него, и съ сею надеждою спокойно умирали! — Что бы почувствовалъ отецъ его, ешьли бы онъ стоялъ шуть на моемъ мѣстѣ? — Я вообразилъ своего Карла. Родительская жалость и снисхожденіе заняли сердце мое. Я обвинялъ юношу со слезами, цѣловалъ, утѣшалъ его — и клялъ въ душѣ своей его развратителя. Я спросилъ о подлинномъ его имени и сказалъ ему свое; а какъ ему мое, а мнѣ его имя отъ добрыхъ людей извѣсны были, то сіе произвело между нами нѣкоторой родъ ближайшей довѣренности. Я клялся ему, что о сестрѣ его буду имѣть шакое попеченіе, какъ бы я былъ ей родной дядя. Онъ благодарилъ, благословлялъ меня и примолвилъ: вы провели свою молодость не шакъ, какъ я; иначе не могли бы вы шеперь сдѣлать эшова

добраго дѣла. Замѣшите мою исторію и остерегите другихъ молодыхъ людей.

Силы его были долго въ напряженіи. Онъ весьма ослабѣлъ. Нѣжная Луиза побѣжала за лѣкаремъ, котораго она не такъ скоро нашла, какъ хотѣла, однакожь наконецъ привела съ собою. Между тѣмъ, какъ онъ занимался больнымъ, сказалъ я сестрѣ, о чемъ говорилъ съ брашомъ ея, и просилъ ее имѣть ко мнѣ довѣренность, оказывая ей свое почтеніе къ великодушному характеру ея. — Она съ благодарностію прижала къ себѣ руку мою, и поднявъ глаза вверхъ, сказала: „Богъ видитъ, какъ я благодарю Его за то, что Онъ послалъ мнѣ такого искренняго друга. — Но скажите мнѣ, что вы думаете о положеніи брата моего?„

Не могу выразить, съ какимъ нетерпѣніемъ смотрѣла она мнѣ въ глаза, ожидая, чтобы я подалъ ей какую нибудь надежду. — Я указалъ ей на лѣкаря; но онъ просилъ насъ поберечь больного ошъ всякаго сильнаго внутренняго движенія, которое привело бы въ опасность жизнь его.

Такимъ образомъ оказывалъ я имъ посильную помощь, и довѣренность ихъ ко мнѣ увеличивалась, до самой смерти

молодаго человѣка, которой охотно умерѣ, и котораго въ послѣдніе дни ушѣшалъ я планомъ, сдѣланнымъ мною для сестры его, просившей меня доставить ей въ окрестности моего жилища мѣсто Гофмейстерины при какихъ нибудь хорошихъ дѣтяхъ, чтобы она — чего боялся больной — не сдѣлалась посмѣшищемъ или рабою гордыхъ и злыхъ свойственниковъ своихъ. Я съ охотою лилъ масло на сію слабую сторону его гордости, обѣщая, что Луиза будетъ подругою дѣвицы фонъ-Кноспенъ; ибо жена моя дѣйствительно писала ко мнѣ, что такого человѣка ищущъ. — О сердцѣ Каролины своей говорилъ я все то, чего оно достойно; и сказалъ ему, что Луиза поспѣетъ со мною побѣдѣ, будетъ жить съ моею женою и найдетъ въ насъ вѣрныхъ друзей. — Молодой человѣкъ, будучи со мною наединѣ, отдалъ мнѣ еще записную книжку свою, и просилъ меня употребить всѣ способы, чтобы сколько нибудь взять со злобнаго должника его для бѣдной сестры.

Но не могу описать вамъ, чего стоила мнѣ горестъ Луизы, видѣвшей брата своего столь примѣпно къ смерти приближающагося. Скажу только, что я узналъ

узналъ истину сказаннаго однимъ Авпо-ромъ, т. е. что любовь родства есть истиннѣйшій и чистѣйшій союзъ Природы. Какъ шогало меня ея стараніе сообщить мнѣ хорошее понятіе о братѣ своемъ! Когда онъ засыпалъ, она тихонько рассказывала мнѣ о первыхъ лѣтахъ дѣтства его, о любезной живости его духа, о привязанности къ своимъ соученикамъ, о его услужливости, добросердечіи, красотѣ, мягкости чувствъ; по шомъ изображала его юношество — „Вы видите по знакамъ его любви и благодарности ко мнѣ, по довѣренности и почтенію къ вамъ, какъ чувствительно было сердце его ко всему доброму! Его мягкость, споль естественная склонность молодыхъ людей къ удовольствіямъ, нѣжно образованное шло — государь мой! долго ли было его обольстить, и неумѣренностію довести до шакого жалостнаго состоянія?„ —

Съ благочестіемъ, но купно съ горестію и жаромъ, говорила она сложивъ на груди руки: Боже! прости злобнаго отправителя эшова чистаго, благороднаго сердца! —

Съ какою искреннею любовію вливали она въ брата каждую каплю утѣше-

нія — брала горячія руки его — и молилась, чшобы онъ легко и скоро прешелъ въ объятія своего Божественнаго Отца, когда лѣкарь опнялъ у насъ всю надежду! —

Двѣ недѣли пробылъ я въ Аженѣ сверхъ того, сколько бы мнѣ для себя пребыть надлежало; но на другой день послѣ погребенія молодого человѣка, съ Луизою опшуда выѣхалъ. Я собрался было ѣхать потчасъ по кончинѣ его, пошому что лѣкарь и хозяинъ хотѣли въ шишинѣ погребсти шѣло; но мнѣ надлежало исполнить убѣдительную прозбу Луизы, споявшей на колѣняхъ подлѣ постели умершаго брата своего, закрывшей и поцѣловавшей съ благоговѣйною любовію глаза его, и благодарившей Бога за его разрѣшеніе и блаженство, которое думала она видѣшь на лицѣ его. Она хотѣла его увѣнчать цвѣтами, хотѣла цвѣтами обкласть гробъ его — надлежало его положить на носилки съ такою бережливостію, какъ бы онъ еще всякое потрясеніе чувствовать могъ — и все сіе дѣлала она съ кропкою горестію о преждевременной смерти его — съ нѣкоторою радостію, что онъ уже не спрадастѣ и блаженствуетъ! — Сама она по-
крыла

крыла его бѣлымъ плашкомъ своимъ — нѣсколько минушъ въ пишинѣ молилась, опершись на гробъ его — вспала, взяла мою руку, поцѣловала ее и сказала спокойнымъ голосомъ: теперь выведите меня изъ этой комнаты. •

Трупъ вынесли и ввечеру погребли. Поушру надлежало мнѣ еще отпустить ее посмошрѣть могилу; ей пріятно было, что онѣ лежишъ спокойно въ нѣдрахъ матери нашей, земли. По томъ поѣхалъ я съ нею въ нѣкоторомъ страхѣ, ибо она казалась мнѣ въ необыкновенномъ состояніи; но въ разговорахъ нашихъ оказала она столько духу, столько изящныхъ чувствъ въ разсужденіи предметовъ Нашуры и наукъ, что я удивлялся въ ней истинной твердости души и чувствительности. Мнѣ и женѣ моей было очень жаль, что мы не могли удержашъ ее у себя для воспитанія нашихъ дѣтей и собесѣдованія съ нами; ибо двѣ недѣли, которыя она прожила у насъ, показались намъ часами. Но какъ обстоятельство сего не позволяли, то надлежало искашъ другаго способа, и почиташъ еще за щасліе, что мы могли ввести ее въ домъ богатаго

Кноспена, о которомъ я уже много смѣшного вамъ рассказывалъ. — Вы знаете, что деньги и новая дворянская гордость немного вскружили голову спарику и дочери его. Жена умнѣе мужа; будучи въ чахоткѣ, въ которой всякая досада умножала болѣзнь ея, и не хотѣвъ оставить дочери своей безъ всякаго присмотра, просила она насъ сыскать хорошо воспитанную женщину, которая могла бы быть у нее въ домѣ Гофмейстериною, Каролина шетчасъ вспомнила о Луизѣ, и предложила ее; а какъ Господину фонъ-Кноспену и дочери его сказали, что дворянину прилично держать у себя въ домѣ такую Гофмейстерину, то предложеніе было принято. Небольшой остатокъ Луизина имѣнія употребили мы на ея нарядъ, въ которомъ показала она прекрасною. — Госпожа Кноспенъ при смерти своей отказала ей половину своей гардеробы и тысячу гульденовъ деньгами, за то попеченіе, которое она всегда о ней имѣла. — Послѣ смерти матери осталась Луиза при дочери; но она почитала себя давно уже вышедшею изъ тѣхъ лѣтъ, въ которыхъ надобно учиться, и по тому ничего отъ Луизы не требовала, кромѣ смотрѣнія за ея нарядами,

ми,

ми, и совѣща, когда дѣло шло о выборѣ или формѣ новаго убора.

Г. фонъ-Шпорренъ, по случаю и безпорядочной жизни разорившейся дворянинъ, началъ свататься за дѣвицу фонъ-Кноспенъ. У него были двѣ деревни, прекрасной замокъ и двое дѣшей отъ перваго брака. При дѣтяхъ немного поостановились; но какъ Господинъ фонъ-Шпорренъ увѣрилъ, что онъ опощлетъ ихъ къ одному родственнику своему, то и отецъ и дочь были довольны. Написали о томъ къ сыну, которой былъ тогда еще въ Англіи. Онъ дѣлалъ возраженія, и просилъ отсрочить свадьбу до его возвращенія. Отецъ думалъ, что онъ хочетъ предложить въ женихи какогонибудь иностранца. Но дочь, знавшая своего брата, и увѣренная, что онъ, подобно покойной матери, весьма недоволенъ былъ тѣмъ, что фамилія ихъ вышла изъ круга мѣщанскаго состоянія, такъ улестила отца, и мысль, что съ нимъ разстанется — хотя бы и для какогонибудь Князя — была для нее такъ несносна, что она скоро опять сдѣлала изъ слабаго старика все то, что хотѣла. И Шпорреновы родственники восставали противъ сего союза; но

чѣмъ болѣе препятствій, тѣмъ болѣе желала дѣвушка, вопреки вѣмъ, быть Госпожею фонъ Шпорренъ. Коротко сказавъ, сшарикъ Кноспенъ прибавилъ къ приданому десять тысячъ гульденовъ, и свадьба свершилась еще прежде, нежели все нужное для невѣсты сдѣлать успѣли.

И Луиза со всею скромностію дѣлала нѣкоторыя предсшавленія, но съ гордостію и суровостію велѣли ей молчать. Послѣ чего она по моему совѣту не говорила ни слова и помогала готовить приданое. Все богатое казалось не богато, и драгоценное не драгоценно. Замокъ Шпорргаузенъ былъ снова убранъ. Серебряной сервисъ, карета, лошади — все было великолѣпно. Молодая Госпожа взяла Луизу съ собою; но какъ она посоветовала обходиться получше и попише съ Гохвалдскою фамиліею, которая была въ свойствѣ съ Господиномъ фонъ-Шпорреномъ, то ей сказали, что въ домъ надобна не Гофмейстерина, а служанка.

И такъ сшарикъ Кноспенъ взялъ ее опять къ себѣ, потому что она умѣла смотрѣть за домомъ, и отъ покойной жены была именно ему поручена.

Наконецъ пріѣхалъ сынъ. Но какъ уже поздно было помѣшать сестрину замужству, то онъ ни слова о помѣ не говорилъ; пріѣхавъ же въ первый разъ съ отцемъ своимъ въ Шпоррггаузенъ, былъ очень невеселъ и прошивъ Луизы почти неучтивъ, будучи недоволенъ тѣмъ, что такая разумная женщина, какою она показалась ему, не воспрепятствовала ему непристойному замужству. Наконецъ спросилъ онъ у своего отца, для чего Гофмейстерина сестры его по сіе время живетъ еще у нихъ въ домъ, а не у нее? Тутъ услышалъ онъ множество жалобъ на Луизу; но сіи жалобы и слова отца его, „что онъ эту бѣдную дѣвушку принялъ только въ удовольствіе покойной жены своей, и держитъ единственно для того, что мать его почитала за нѣчто важное и въ услуги, которыя Луиза ей дѣлала, хотя въ этомъ случаѣ она исполняла только должность свою, и проч.,“ заставили его переѣхать прежнее свое мнѣніе и открыли ему глаза. Вдругъ почувствовалъ онъ сожалѣніе и почтеніе къ Луизѣ. Онъ увидѣлъ, что ему надлежало поправить свой просупокъ, наградить услуги, оказанныя любезной матери его, и загладить гру-

бые поступки, сносимые съ такою крепостию. Сердце его также взяло въ шомъ участіе. Корошко сказать, Луиза имѣла нѣжнѣго любовника прежде, нежели думала, что молодой Кноспенъ можетъ ее терпѣть. Здѣсь сообщаю вамъ письмо ея, которое привело насъ и въ радость и въ недоумѣніе.

Луиза М * * * къ Господину Гутгофъ,

Я должна, дражайшіе друзья мои, требовать отъ васъ совѣща въ важномъ и справномъ дѣлѣ.

Въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и всѣ люди должны терпѣть что нибудь непріятное — этому вы меня учили; и я столько увѣрена была въ должности терпѣнія, что не позволяла себѣ даже и внутренно много жаловаться, хотя великое несогласіе между моими мыслями и мыслями сего дому производило многія и ежедневныя непріятности. Замужство нынѣшней госпожи фонъ-Шторренъ стоило мнѣ великой горести. Но все это ничто въ разсужденіи того положенія, въ какомъ я теперь нахожусь.

Сынъ Господиня фонъ-Кноспена возвратился. О его особѣ и достоинствахъ [каковымъ онъ мнѣ кажется] не скажу вамъ

вамъ ничего, кромѣ того, чтобы я сердечно желала — никогда не видать его.

Я была въ разсужденіи его любопытна, желая видѣть, съ кою стороною богатство и купленной шпигульъ вскрыжили голову сыну, зная уже сколько точно всѣ смѣшныя справности отца и дочери.

Молодой человекъ поступалъ во всемъ противъ отца своего съ почтеніемъ и уклончивостію. Онъ очень хорошо рассказывалъ о своихъ путешествіяхъ, но только тогда, когда его спрашивали; впрочемъ всегда старался заставить говорить отца своего или гостей. Смѣшно было смотрѣть, какъ старикъ нахмуривался, когда онъ говорилъ о какомъ нибудь ученомъ, художникѣ, библиотекѣ, натуральномъ кабинетѣ, или о подобномъ сему; и какъ онъ напрошивъ того улыбался и надувшись помахивалъ на гостей и на слугъ, когда сынъ рассказывалъ о дворѣ или знатномъ домѣ, гдѣ онъ былъ, обѣдалъ, ужиналъ, или игралъ съ первѣйшими дамами. Все сіе называлъ отецъ славными издержками! Онъ надѣялся, что сынъ его игралъ щедро, что плашье его сіяло богатствомъ,

ствомъ, и что манжеты у него были конечно самыя тонкія филейныя. Чѣмъ болѣе онъ подтверждалъ сіе, тѣмъ довольнѣе былъ старикъ; а наконецъ помирился онъ и съ самыми библіотеками и учеными, когда сынъ сказалъ ему, что воспитаніе его весьма похваляли. Сію похвалу бралъ онъ на свой счетъ, уступая сыну его знанія и книги. Но въ разсужденіи Госпожи фонъ-Шпорренъ происходили разныя небольшія ссоры. Со мною обходился молодой Кносненъ холодно и только опчасти учтиво; а иногда и съ нѣкоторою суровостію. — Горестно было мнѣ (признаюсь) во внушенности души моей, что человекъ, достойной всего моего почтенія, по видимому не уважалъ меня, хотя я въ домоправленіи, въ поступкахъ и въ рѣчахъ своихъ старалась показываться съ самой лучшей и выгоднѣйшей для себя стороны. Два дни не выходила я даже и за столъ, и довольствовалась въ комнатахъ своей однимъ супомъ. На другой день ввечеру увидѣла я, что отецъ съ сыномъ, возвращаясь изъ Шпорргаузена, взадъ и впередъ ходили по саду и съ важностію между собою разговаривали. Я сама задумалась и дѣло свое дѣлала весьма медленно; но какъ

какъ же я испугалась, когда молодой Кноспенъ прислалъ провѣдашь обо мнѣ и требовать позволенія посѣшшь меня! — А сіе посѣщеніе, любезные друзья мои, навсегда разрушило мое спокойствіе! Ибо никогда еще вкусъ разума и сердца моего не былъ такъ прельщенъ, какъ въ семъ разговорѣ; никогда самолюбію моему не было сказано всего того, что я всегда желала слышать, имѣшь и дѣлать.

При входѣ въ мою горницу былъ онъ въ большемъ замѣшательствѣ, нежели я — посмотрѣлъ на бѣлыя сѣны, на соломенные спуля, на худой занавѣсъ у постели, на шкафъ съ книгами и работу мою — и, могу сказать, съ чувствительнымъ глубокомысліемъ — спросилъ прогательнымъ голосомъ о моемъ здоровьѣ — по томъ весьма великодушно извинялся въ грубыхъ своихъ противъ меня поступкахъ. Онъ признался, что былъ мною недоволенъ, и сіе неудовольствіе умножалось ежедневно, чѣмъ болѣе находилъ онъ во мнѣ здраваго и просвѣщеннаго разума. Онъ приписывалъ мнѣ подлую лести и корыстолюбіе, потому что я не противилась замужству сестры его. Но какъ отецъ

и сестра его говорили въ тотъ день съ великимъ сердцемъ о моихъ представленіяхъ, но онъ къ радости своей можетъ уже предаться влеченію своей души, почувствуя ко мнѣ склонность съ самой той минутой, какъ меня увидѣлъ — и желаетъ быть достойнымъ моей дружбы, обхожденія и довѣренности.

Послѣ сего посѣщенія видѣла я его еще пять разъ, отчасти въ саду, отчасти въ своей горницѣ. Я рассказала ему фамиліальную исторію свою, вступленіе въ домъ его, а особливо ваши великодушныя одолженія, оказанныя мнѣ въ Ахенѣ, въ домѣ у васъ и при томъ случаѣ, какъ вы рекомендовали меня любезной его матушкѣ. Онъ слушалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ — говорилъ о своей матери съ вѣжнѣйшимъ почтеніемъ. Мысль, что ее уже нѣтъ на свѣтѣ, прогала его до слезъ. Онъ показывалъ мнѣ ея письма, и обходился со мною съ великимъ уваженіемъ. Лице его кажется веселѣе въ моемъ присутствіи. Я должна сказать, что онъ смотритъ на меня съ любовію и радостію, когда работаю, приказываю что нибудь въ домѣ, вхожу или выхожу изъ комнашы; часомъ осматриваетъ меня съ головы до ногъ, когда

иду

иду по длиннымъ сѣнямъ, по залѣ или по саду; часто краснѣю отъ того, но онъ не хочетъ примѣчать краски моей — и когда бываемъ за столомъ, когда подаютъ кофе, говоришь все такое, что на меня оковы налагаетъ — оковы почтенія, друзья мои, — къ юношѣ, которой душу и жизнь свою сохранилъ въ такой чистотѣ, такъ украшалъ разумъ свой среди всѣхъ разсѣяній — въ такой тишинѣ и по такому размышленіи добро дѣлаетъ!

Ахъ! возьмите меня опять къ себѣ — сыщите для меня другое мѣсто — но подалѣе, подалѣе отсюда!

Вчера у меня слезы изъ глазъ покапились, когда онъ въ саду говорилъ со мною объ Англійскомъ вкусѣ, принесъ мнѣ гравированныя фигуры, чертежи садовъ разнаго рода, которые самъ дѣлалъ, и далъ мнѣ Гиршфельдово *Садовое Искусство*; но мнѣ должно было плакать — ибо въ сію минушу представился мнѣ братъ мой. — „Ахъ! сказала я: если бы вы съ дѣтства были другомъ моего брата, то бы онъ и теперь живъ былъ, и украшался бы, подобно вамъ, юношескою мудросшію и добродѣтелію!“, — Друзья моя! я не могла

удер-

удержаться — это излилось изъ сердца моего. Крошкой, прекрасной мѣрѣ растеній, меня окружавшій — любезной молодой человѣкъ, почто въ лѣсахъ развращителя брата моего — все видѣнное и слышанное мною — все меня размягчало. Но этова уже впредь не будетъ! Никогда уже не схвачу онъ руки моей, такъ какъ тогда — никогда уже такъ не успремилъ на меня прекрасныхъ глазъ своихъ, улыбаясь со слезами, и говоря, что мое почтеніе ему драгоцѣнно. — Боже мой! спаси меня отъ горести безнадежной любви! есть уже начало къ ней. — Сдѣлайте милость, друзья мои, заступающіе мнѣ мѣсто отца и матери, — вывезите меня отсюда. Попекишься о бѣдной своей Луизѣ! Не браните меня; я не могла удержаться. Охотно хочу — далеко, далеко отъ него ийти въ другой домъ. Но только Гофмейстериною, чтобы меня болѣе уважали; да я и болѣе пользы сдѣлаю и болѣе чести заслужу, и васъ и его благословлять буду.

Отвѣчайте мнѣ съ посланнымъ, кошорой вамъ принесетъ это письмо.

му хотѣлъ онъ сперва съ нами объясниться. Къ сожалѣнію, не можетъ онъ открыть своему отцу чистой любви своей къ душевнымъ достоинствамъ. — Луиза хочешь къ намъ возвратиться. Онъ радъ тому, ибо ему несносно видѣть ее въ услуженіи, и припомъ шамъ, гдѣ не знаютъ цѣны ея, гдѣ съ нею споль худо обходящся, — хошя бы и весьма пріятно было ему жить съ нею въ одномъ домѣ. Пущь мы возьмемъ ее къ себѣ, подобно какъ хорошіе родители снова принимаютъ въ объятія свои достойную дочь; но намъ должно для него хранить ее, не отдавать ни къ кому въ домъ, и быть увѣреннымъ, что онъ благодарность свою окажетъ на дѣтяхъ нашихъ.,

Онъ все сіе сказалъ вдругъ, а мы съ Каролиною слушали его, не смигнувъ съ него ни разу и раззинувъ ротъ. — Я удивлялся его, какъ казалось, чрезмѣрно послѣшному рѣшенію; но рассказалъ ему припомъ начало и продолженіе знакомства моего съ Луизою, и показалъ письма, полученные мною изъ того города, гдѣ она жила, когда я освѣдомлялся о ней и небольшомъ остаткѣ ея имущества. Все дѣлало честь ея родителе-

дигелямъ, воспитанію и поведенію. Не могли ничего въ ней похулишь, кромѣ чрезмѣрной любви ея къ брату.

Молодой Кноспенъ слушалъ все сіе съ восхищеніемъ. Эшо радовало меня; ибо все сіе говорилъ я съ шѣмъ, чшобы вселить въ него почшеніе къ Луизѣ. Между шѣмъ я предспавилъ ему гордоспъ отца и сестры его, кошорые конечно не согласяспя вступишь въ такой союзъ съ Луизою. Онъ подшвердилъ сіе, и сказалъ, чшо не сдѣлалъ еще никакого вѣрнаго плана, но чшо надѣеяся на щаспливой успѣхъ своихъ желаній. — Мы должны были обѣщашъ ему продержашъ у себя Луизу годъ, говоришь въ пользу его, дозволишь писашъ письма и по временамъ посѣщашъ насъ. — Онъ уѣхалъ, а мы были имъ весьма довольны. Добродушная жена моя проливала слезы безпокойства и радости о пріятельницѣ нашей, за кошорою черезъ два дни по помѣ я самъ поѣхалъ. Молодой Кноспенъ обнялъ меня со слезами, а ошѣ спарика получилъ я наилучшій апшесшатъ добраго Луизина поведенія, запечатанной большою высокоблагородною печатью, и съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ шишуловъ и помѣспьевъ купленнаго пергаменша. Я вну-

шренно смѣялся, когда высококомѣрной старикѣ съ такою пышностію велѣлъ своему Секретарю все сіе читать мнѣ, и потомъ сѣлъ подписывать бумагу — ибо я зналъ, что Луиза назначена бытъ обладательницею всей славы сей, получивъ пихонько отъ сына запечатанной пакетѣ съ формальнымъ брачнымъ условіемъ. — Сколь различны были въ двухъ комнатахъ распоряженія, оспорожность, употребленіе богатства и власти со стороны отца, всемъ обладавшаго, и сына, надѣявшагося всемъ обладать!

Я увезъ свою добычу, и Луиза щасливо прожила у насъ зиму. Она была для нее весьма весела; ибо молодой Кноспенъ прислалъ въ мой домъ прекрасной Англійской клавесинѣ, хорошее собраніе книгъ на тѣхъ языкахъ, которые знала ея Луиза, большое количество сученаго и несученаго шелку, и всякаго рода эстампы. Она выращивала зимніе цвѣты. Какъ же пріятно было посылать ихъ къ Кноспену, сдѣлавшему Луизину комнату своимъ кабинетомъ, въ которомъ конечно занимался онъ только планомъ, какъ бы возвратить ее къ себѣ въ домъ! Онъ видѣлся съ нею всегда въ нашемъ присутствіи. По временамъ

намъ бывало много горя. Каролина совѣтовала надѣяться на время и терпѣть. Отецъ былъ имъ доволенъ; только ему хотѣлось, чтобы онъ выбралъ себѣ въ супруги какую нибудь знатную Даму, и былъ бы повеселѣе — Въ такомъ случаѣ хотѣлъ онъ сдѣлать для него нѣчто такое, что бы привело его въ изумленіе.

Сообразно сему, молодой человѣкъ сдѣлалъ планъ жениться на Луизѣ подѣ именемъ знатной Англичанки, но кошорая до смерти отца своего не хотѣла выѣхать изъ Англїи, и меланхолїю свою приписала тому, что онъ живетъ съ нею въ разлукѣ. Онъ и дѣйствительно рассказалъ отцу своему такую исторїю, кошорой сперва было очень разсердился, но наконецъ далъ свое согласіе, съ шѣмъ договоромъ, чтобы его свѣха прїѣхала къ нему и выучилась по Нѣмецки, дабы онъ за свои деньги могъ ее видѣть и съ нею говорить. Мнѣ это не полюбилось, сколь ни мало уважалъ я старика Кноспена, и хотя онъ самъ нѣкоторымъ образомъ былъ виною такого принужденнаго обмана. Но онъ былъ отецъ — я также. Истина всегда драгоцѣнна. Я всячески старался, и Луиза то же, уго-

ворить любезнаго юношу до времени подождать; но приготовленіе къ путешествію шло своимъ порядкомъ. Въ самомъ началѣ весны хотѣлъ онъ ѣхать. Отецъ открылъ ему, чѣмъ хотѣлъ его удивить: дѣло все состояло въ большой суммѣ денегъ, положенной въ Амстердамской банкѣ. Онъ позволилъ завестъ и Англійской садѣ; много спрашивалъ о нравахъ и обычаяхъ Англій, и радовался своею снохою, ибо сынъ увѣрялъ, что онъ постарается привезть ее въ Германію. Но старикъ не дожидъ до своей радости, а я до шой печали, которую причинилъ бы мнѣ этотъ отъѣздъ. Хотѣвъ во всемъ поступать по дворянски, поѣхалъ онъ на охоту съ своимъ зятемъ; но не устоялъ на показанномъ мѣстѣ, и въ опухлыя ноги его пришелъ цѣлой зарядъ довольно крупной дроби. Отъ вырѣзыванія дроби, а можетъ быть и отъ незнанія лѣкарскаго, сдѣлался аншоновъ огонь, отъ котораго онъ и умеръ. Прочее, что мнѣ сказать остается, вы сами отгадаете. Сынъ его сложилъ съ себя шипуль Барона, столько уважаемой покойнымъ отцомъ, женился на Луизѣ и живетъ нынѣ щасливо, дѣлая щасливыми другихъ.

Прекрасная библіотекa, давно уже мною желаемая, досталась мнѣ въ награжденіе за Луизу. Кносена любитъ она такъ же, какъ любила брата своего. Дружба и добродѣшель сей щасливой чешы есть услажденіе жизни моей и Ангельское щастіе для Каролины, которая опѣ нихъ изъ деревни возвращается всегда съ нѣкошорымъ восхищеніемъ, благодаря меня, что я взялъ участіе въ судьбѣ Луизы.

НЕЩАСТНАЯ
НЕОСТОРОЖНОСТЬ,
НѢмецкой Анекдотъ.

В концѣ прекрасныхъ лѣтнихъ дней
прошлаго году провожалъ я Госпожу
Л * * * вѣ Карлсбадѣ. Къ нещастію на-
шему, близъ одной Саксонской деревеньки,
изломалась у насъ коляска. Сей случай
принудилъ насъ прожить два дни вѣ ху-
дой корчмѣ. На другой день по прибы-
тіи нашемъ пошелъ я вгости къ Про-
повѣднику сей деревеньки, которой къ
удовольствію моему былъ отецъ одного
изъ спарыхъ и лучшихъ моихъ соучени-
ковъ. Онъ принялъ меня какъ друга сы-
на своего, и просилъ расположиться у
него вѣ домѣ; но я не могъ оставить
Госпожи Л * * *, и не хотѣлъ бытъ ему
вѣ тягость, перебравшись къ нему на
квартиру съ нею и со всѣми нашими
людьми. Съ одной спороны домъ его
былъ такъ малъ, что ему самому надле-
жало бы для насъ обратиться вѣ хлѣвѣ къ
коровамъ; а съ другой спороны, во вре-
мя

мя нашего кратковременнаго у него пребыванія лишили бы мы его по крайней мѣрѣ третьей части годоваго дохода, и при томъ еще сами потерпѣли бы въкоторыя недоспашки. И такъ я упросилъ Господина Магистера прийти къ намъ и быть нашимъ собесѣдникомъ во все то время, пока мы тушъ пробудемъ. Ему было у насъ весело; а за то рассказывалъ онъ намъ исторію тамошней стороны, несчастныя приключенія послѣдней войны, и все то, что казалось ему примѣчанія достойнымъ. Во всѣхъ нашихъ прогулкахъ — ибо вездѣ надобно побывать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нечего дѣлать — онъ съ охотою намъ со товариществовалъ. Мы ходили съ нимъ по пріятнымъ угламъ, съ которыхъ видѣнь прекрасной Дрезденъ; и осматривали все, даже до мшистаго столпа, стоящаго среди березовой роши надъ гробомъ убишаго незнакомца. Церковь была конечно главнымъ предметомъ нашего любопытства. Ничто не укрывалось отъ вниманія нашего. Каждая надпись была читана и перечитана. Мы уже хотѣли прочь итти; но проводникъ нашъ просилъ насъ заглянуть въ тѣнистой уголъ кладбища. Длинная по-

крытая липовая аллея вела къ сему примѣчательному мѣсту. Мы нашли тамъ — что всякой могъ бы угадать — могилу, на кошорой прямо стоялъ мраморной камень съ слѣдующею надписью:

„Раймарусъ Ц * * *, кошораго душѣ да помилуетъ Господь Богъ, объявляетъ каждому, приходящему по случаю ко гробу его, что онъ по неосновательному подозрѣнію былъ мучителемъ добродѣтельной супруги своей, оставилъ ее по легкомысленности, сдѣлалъ ея жизнь несчастною, и, можетъ бышь, ускорилъ преждевременную смерть ея. Симъ признаніемъ долженъ онъ всѣмъ тѣмъ, для кошорыхъ поступокъ его былъ соблазномъ — всѣмъ имѣющимъ душу подозрительную — всѣмъ посеѣвшимъ въ своихъ заключеніяхъ. — Раймарусъ Ц * * * умеръ 7 Декабря 1770, черезъ два года по кончинѣ своей супруги, и черезъ два мѣсяца по смерти единороднаго сына своего.“

Сія чудная надпись произвела въ насъ глубокое впечатлѣніе. Госпожа Л * * * имѣла еще другую причину брать участіе въ сей исторіи, бывъ въ молодыхъ лѣтахъ своихъ въ подобномъ положеніи.

Удовольствовались ли мы сухими словами монумента, или велѣли Музѣ воспѣть печальную пѣснь? Угадать не трудно. Мы почти вдругъ стали усиленно просить Магистера рассказать намъ сіе приключеніе, которое по видимому случилось при его глазахъ. Онъ увѣрялъ, что ему извѣсны всѣ обстоятельства онаго; что онъ долженъ сообщить намъ обо всемъ подробное свѣденіе, будучи къ тому обязанъ покойнымъ Господиномъ Ц * * *; и если не вдругъ удовлетворитъ любопытству нашему, то сіе произойдетъ отъ того, что онъ хочетъ совершенно удовлетворить оному. По наступленіи вечера Магистеръ опять къ намъ явился, и безъ дальнѣйшихъ затрудненій — кромѣ того, что ему надлежало прежде хорошенько поужинать — началъ намъ рассказывать желаемую исторію, которую постараюсь сообщить Читателю моему собственными его словами.

Раймаръ Ц * * * былъ деревенской дворянинъ. Покойные родители воспитывали его къ сему славному роду жизни, и еще при жизни своей имѣли удовольствіе видѣть его совершенно соотвѣствующаго ихъ ожиданію. Когда онъ въ поту и въ пыли возвращался съ полевой

левой

левой работы, тогда веселилось сердце добродушнаго отца его, и радостныя слезы текли по его лицу. Въ такомъ случаѣ онъ всегда вынималъ изъ рожу трубку свою — что бывало только въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ — и встрѣчалъ его радостными словами: ну что, старикъ мой? Мать всегда смотрѣла на него съ нежностію, видя въ немъ какъ въ зеркалѣ бывшаго Поручика Ц***, супруга своего, когда онъ былъ еще въ молодыхъ лѣтахъ. По тому не могла она съ нимъ расстаться и на два дни. Молодой Раймаръ не бывалъ нигдѣ, кромѣ самыхъ ближайшихъ деревень, и только одинъ разъ въ свою жизнь по случаю ярмонки ѣздилъ въ сосѣдственное мѣстечко. Старой Кандипатъ — которой, проповѣдывавъ однажды въ молодости своей весьма неудачно, рѣшился навсегда отказаться отъ кафедры — былъ Меншоромъ нашего молодаго дворянина, и въ десять лѣтъ научилъ его столько, что онъ могъ написать четкое письмо, читать довольно скоро разныя книги, и на фамильномъ клавесинѣ разыгрывать легкія пѣсенки. Впрочемъ онъ былъ молодецъ преизрядной; и если дѣлалъ немного добраго, то по край-

ней

ней мѣрѣ и худаго немного же дѣлалъ. Собственныхъ мнѣній у него почти совсѣмъ не было; но естли онъ чему нибудь вѣрилъ, то шрудно было заспавишь его думать иначе. Экономія была его душею; и не имѣвъ никакого понятія о распущенствахъ молодыхъ людей, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ такъ умножилъ доставшееся ему послѣ отца имѣнїе, что по справедливости почтѣлся во всей окрестности богатѣйшимъ дворяниномъ. Какой-то древній Философъ — котораго имя вышло у меня изъ памяти — замѣтилъ, что въ хорошемъ шѣлѣ необходимо должна быть и душа хорошая. Справедливо ли это примѣчаніе, или нѣтъ, не знаю; но вѣрно то, что Натюра, проводившая иногда такимъ образомъ самыхъ величайшихъ Философовъ, и въ разсужденіи нашего Кавалера сдѣлала исключеніе изъ правила. Господинъ Ц * * * былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасной молодой чловѣкъ, или, по просту сказать, кровь съ молокомъ. Прелестную фигуру его сравнивали съ лучшими расшеніями спороны нашей.

Тутъ Магистеръ своимъ слушателемъ поклонился и просилъ прощенія,
что

что онъ началъ рассказывать исторію свою съ яицъ Леды, надѣясь, что послѣдствіе оправдаетъ его, и что предшедшія замѣчанія въ разсужденіи Героя повѣспи заслужатъ благоволеніе снисходительныхъ судей. Мы съ своей стороны весьма учтиво отвѣчали ему на сіе объясненіе, прося, чтобы Господинъ Магистеръ пожаловалъ оставилъ всѣ такія опасенія, и продолжалъ бы свое повѣствованіе въ такомъ тонѣ и порядкѣ, какъ ему угодно. И такъ теченіе исторіи началось опять слѣдующимъ образомъ:

Господинъ Ц * * * былъ такъ щастливъ, что многія красавицы тайно о немъ вздыхали; но къ большому своему щастію онъ не примѣчалъ того. Нашъ Раймаръ совсѣмъ не помышлялъ о женитьбѣ при жизни своихъ родителей — спарушка мать его могла еще исправно смотрѣть за домомъ — но смерть ихъ должна была произвести перемену въ образѣ мыслей его. Отецъ его, за день до блаженной своей кончины, завѣщалъ ему распространить ихъ фамилію, припомя, что онъ послѣдній въ своемъ знашномъ родѣ, кошорой ни одному дворянскому роду въ Германіи не усту-

уступитъ въ древности, но которой можешъ съ нимъ совѣмъ пресѣчься. — Однакожь Господинъ Ц * * * долго не думалъ о исполненіи воли отца своего. Наконецъ надлежало ему ѣхать самому въ Дрезденъ. Тамъ познакомился онъ съ славнымъ Юристомъ, у котораго въ домѣ жила дѣвица Аврора Р * * *, дочь покойнаго Тайнаго Совѣтника Р * * *, воспитавшаго ее весьма хорошо, но не оставившаго ей никакого наслѣдства. По смерти отца была она покинута самыми ближними родственниками, которые, не смотря на дворянскую гордость и богатство свое, смотрѣли на то сквозь пальцы, что несчастная Аврора должна была жить у спрячгаго, одолженнаго отцемъ ея, и любившаго ее съ родительскою нѣжностію. Она была тогда въ самомъ цвѣтѣ своихъ прелестей, вступивъ на дватцать первой годъ. Не будучи блестящею красавицею, имѣла многія пріятности и умѣла возвышать цѣну ихъ. Увидѣвъ Господина Ц * * * и узнавъ хорошее состояніе его, тайно пожелала ему нравиться. По чему знашь, думала она, что милоспивецъ мой всегда меня любить будетъ? Къ тому же онъ смертенъ: что наконецъ со мною будетъ?

дешъ? — Красота Господина Ц * * *, получившая болѣе блеску отъ руки Дрезденскаго волосочесателя, имѣла можешъ бышь также нѣкоторое участіе въ сокровенныхъ движеніяхъ ея сердца. Не лзя было не видѣть ей, что молодецъ нашъ имѣлъ великую нужду въ поправленіи; но она почиала себя способною исправить недостатки его наилучшимъ образомъ. Душа его, думала она, есть бѣлой листъ: шѣмъ лучше! мнѣ опредѣлено исписать его. — Впрочемъ я не берусь оправдывать ея мнѣнія.

Она умѣла разрѣшить и многія другія затрудненія. Чего не лзя доказать себѣ въ шакомъ случаѣ, въ кошоромъ разумъ предупреденъ сердцемъ! Хотя весьма не пріятно было ей оставить то мѣсто, гдѣ наслаждалась она многими удовольствіями, и разстаться съ друзьями и пріятельницами своими; хотя не могла безъ шрепеша помыслишь о зимнихъ деревенскихъ вечерахъ: однакожь она надѣялась отшратить большую часть такихъ непріятностей. Развѣ не лзя посѣщать сосѣднихъ дворянъ? Развѣ не лзя сдѣлать мужа обходительнымъ? Можно назначить собранія, давать балы; можно

можно во время карнавала прїѣзжать въ городъ — разстояніе не велико. Будучи нѣжною супругою, могу на все согласить его.

Однакожь Героиня наша, не смотря на искусной планѣ свой, никакъ бы не одержала совершенной побѣды, естли бы вдругъ не получила совсѣмъ неожиданной помощи. Яенѣе сказать, Господинъ Ц*** почувствовалъ къ ней склонность; однакожь едва ли и самъ онъ зналъ чувства свои — и конечно бы уѣхалъ изъ Дрездена, забылъ свою Аврору и попустилъ въ себѣ послѣднюю искру любви къ ней, естли бы добродушной опекунъ ея, совѣтникъ П*, не раздулъ жара и не воспалилъ сильнаго огня въ сердцѣ его. Сей проницательной человѣкъ шотчасъ вычислилъ всѣ выгоды такого замужства для свей воспитанницы, и дѣло было рѣшено. При первомъ случаѣ напомнилъ онъ Господину Ц*** о родительскомъ завѣщаніи. Совѣсть соединилась съ любовію, и молодой человѣкъ не доволенъ былъ своею медленностію. Тутъ пошло ближайшее объясненіе. На пр. какова кажется вамъ моя Аврора? — „Любезна, очень любезна!“, — Что, естли бы я

Часть XVI. No. 51. Л предѣ

предложилъ вамъ руку ея? — „О! вы бы сдѣлали мнѣ великую милость!„ — — Аврора почла за нужное сказать прямо да! Сомнѣнія, затрудненія, и пр и пр. были бы не у мѣста. Женихъ не походилъ на жениха обыкновеннаго. Будучи въ самомъ нѣжномъ расположеніи, садился онъ напрошивъ своей невѣсты, не спускалъ съ нее глазъ, нюхалъ шабакъ и не говорилъ ни слова, естли его не спрашивали. Такимъ образомъ черезъ мѣсяцъ дѣвица Р*** сдѣлалась Госпожею Ц***. Новобрачные прѣехали къ намъ, и молодая Дама въ первые дни была все еще въ своемъ кругу. Она ѣздила съ учтивымъ супругомъ своимъ по гостямъ, и принимала у себя гостей. Въ домѣ сдѣланы были великія перемѣны. Приняли еще двухъ слугъ, выписали богатую карету, выбѣлили замокъ, передѣлали и убрали комнаты. Спарикъ праздновалъ шолько три раза въ годъ именины семьи своей, и къ столу приглашали шолько Земскаго и вашего покорнаго слугу; а у молодыхъ не проходило почти и недѣли безъ обѣдовъ. Воскресенье было мой день; и къ чеспи покойной барыни должно сказать, что она принимала меня очень ласково, кормила и поила хорошо Экономии-

номической супругѣ ея можешъ бытъ чувствовалъ непріятность шакого порядка; однакожь онѣ выдавалъ деньги безъ всякаго прошиворѣчія, и только иногда Сентяремъ смотрѣлъ. Обыкновенно курилъ онѣ двѣнашцать трубокъ въ день, а шупѣ спалъ куришь шесть; при Дамахъ же и трубки въ ротѣ не бралъ. Въ тѣ дни, когда Госпожа Ц*** давала пиры, не ѣздилъ онѣ на охошу, надѣвалъ напудренной парикъ, кафтанѣ съ галуномѣ и шелковыя чулки. Онѣ дозволилъ ввести у себя въ домѣ, вмѣсто Нѣмецкихъ, Французскія каршы, и самѣ выучился играть въ разныя игры.

Не надлежало ли мнѣ удивляться снисходительности его? Однакожь она была не совсѣмъ безпредѣльна. Ешлы бы Госпожа Ц*** имѣла поменѣ щеславія и поболѣ разума, то конечно бы навсегда осталась повелительницею мужа своего, и не упала бы въ ту бездну, къ кошорой она безразсудно спремилась. Два случая произвели между ими первое несогласіе. Мужѣ швердо рѣшилсѣ не умножать уже числа слугъ своихъ; но жена шребовала, чтобы сверьхъ прочихъ приняшь еще скорохода. Послѣ жаркаго спора дѣло

кончилось шѣмъ, что Госпожа Ц*** прошивъ воли мужа своего, наняла скорохода и подвергнулась всѣмъ слѣдствіямъ, которыя могли произойти ошѣ такою дерзкаго поступка. Господинъ Ц*** имѣлъ еще сполько власти надъ собою, что въ присущствіи жены оказывалъ свое неудовольствіе однѣми минами. Однакожь скороходъ не смѣлъ ему показаться; а когда, поѣхавъ однажды въ Дрезденъ, увидѣлъ его впереди, то, не сказавъ ни слова, выскочилъ изъ кареты и возвратился домой пѣшкомъ, хотя ему около мили пройти надлежало. Употребленіе пива, которое молодой супругъ изъ учтивости долженъ былъ оставить, подало поводъ къ другому несогласію; но въ этомъ случаѣ онъ заупрямился, и не могъ терпѣть даже и того, чтобы о любезномъ питъѣ его съ презрѣніемъ отзывались. Когда жена шутила надъ его вкусомъ, онъ искалъ убѣжища у меня или у своего опкущика, гдѣ ему позволено было наслаждаться любимымъ пивомъ, и гдѣ по старому Нѣмецкому обычаю всегда пивали здоровья. Между шѣмъ, по прошествіи полугода, любовь его къ супругъ болѣе увеличилась, нежели уменьшилась. Онъ часто увѣрялъ меня съ клятвою,

вою, что Аврору свою любилъ болѣе всего на свѣшѣ; что не взялъ бы за нее и Графства; что не пожалѣлъ бы самой жизни своей за одинъ знакъ ея нѣжности. Кому не понятно покажется, что человекъ можно любить болѣе всего на свѣшѣ, и припомъ изъ любви къ нему не оставилъ никакой бездѣлки, какъ ячменной сокъ: тому совѣшую искать разрѣшенія этой великой странности не въ Мееровой Психологіи, но въ собственномъ сердцѣ своемъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла при началѣ слѣдующаго лѣта. Однажды, съ прочими гостями, пріѣхалъ къ господину Ц*** молодой Офицеръ Н***, копорой еще въ Дрезденѣ знакомъ былъ женѣ его, и имѣлъ щастіе нравиться ей лучше всѣхъ прочихъ Офицеровъ. Господинъ Н*** былъ въ самомъ дѣлѣ пріятной человекъ, и развѣ одна зависть стала бы утверждать противное. Нашъ Ц*** былъ лицомъ лучше его, но во всемъ другомъ никакъ не могъ съ нимъ сравняться. Въ бесѣдѣ былъ онъ милъ, во всѣхъ поступкахъ ошмѣнно любезенъ, въ остроу неистощимъ. Читалъ лучшія сочиненія новыхъ Писателей, а особ-

ливо первыя Виландовы (*). Отъ того приходилъ его жръ въ дружбѣ — система тайной симпатіи, гармоническаго согласія предсуществующихъ душъ, встрѣчающихся и узнающихъ другъ друга по соединеніи съ тѣломъ, и проч. Кто знаетъ дѣятельное свойство такихъ идей, тотъ не удивится, что Госпожа Ц*** ими восхищалась и прильпцилась къ молодому Офицеру со всею силою чистой Платонической любви. Хотя любовь такого роду есть собственно душевное движеніе, однакожь не льзя, чтобы она и въ дѣйствіяхъ не обнаруживалась. Нѣжность друзей нашихъ часъ отъ часу увеличивалась, и наконецъ всякой видѣлъ ее. Кто сидѣлъ подлѣ Госпожи Ц***? Молодой Офицеръ. Кто игралъ съ нею въ карты? Онъ же. Съ кѣмъ она тихонько говорила? Съ нимъ же. Кто велъ ее за руку, когда она прогуливалась?

(*) Виландовы сочиненія раздѣляются на двѣ эпохи: къ первой принадлежатъ его пастышескія сочиненія, Симпатіи и пр.; а къ другой забавныя и острыя, Агашонъ, Абдериты, Оберронъ, и прочія, кошорыя наиболѣе прославили его.

валась? Все онъ же. А когда злой духъ вмѣшивался въ дѣло и Господину Н * * * надлежало садиться подлѣ другой Дамы, тогда былъ онъ разсѣянъ молчаливъ, или говорилъ вздоръ; когда же брали его въ такую паршю, въ копорой не участвовала Госпожа Ц * * *, тогда онъ задавался, говорилъ пась съ санпрандромъ и проигрывалъ вѣрныя игры. Чувствительная Аврора, симпатической другъ, была съ нимъ совершенно одинакимъ термометромъ, показывая всегда потъ же градусъ шеплоты и холода, копорой онъ показывалъ. Однакожь въ нѣжности ихъ не было ничего худаго. По крайней мѣрѣ друзья наши не думали, чтобы невинность ихъ была въ опасности, и чтобы изъ Философической связи могло вышши какое нибудь зло. Души ихъ были шакъ чисты, какъ небо, гдѣ только одинъ искусной знашкъ погоды и въпровъ примѣчаетъ маленькое облачко, которое при всей своей малости можетъ сдѣлаться бурною и грозною тучею. А что касается до Господина Ц * * *, то хошя и зналъ онъ разныя симпатическія лѣкарства и шайныя хитрости охотниковъ, копорыя — буде не вѣришь, что есть *actio in distans*

(*) — никакъ не могутъ быть исполкованы; но симпатія душъ была ему совсѣмъ непонятна. И когда прочиталъ онъ нѣсколько страницъ изъ Виландовыхъ Симпатій, найденныхъ имъ однажды на женниномъ туалетѣ, то мнѣніе его объ этой книгѣ совсѣмъ переѣнилось, такъ что онъ, къ изумленію Господина Н * * *, публично за столомъ назвалъ ее совершенными пусыками, и не смотря на всѣ представленія, никогда уже не хотѣлъ взять ее въ руки. — Трудно ли было при такихъ обстоятельствахъ наполнить голову его подозрѣніемъ въ разсужденіи нѣжнолюбимой супруги? Самая эта нѣжная любовь облегчила злобѣ побѣду.

У Авроры была горничная дѣвка, которая всеѣмъ сердцемъ полюбила молодого

даго

(*) При сихъ Лашинскихъ словахъ хотѣла Госпожа Л * * * напомнить Магистеру, что она Дама, и что ему должно перевесить ихъ или на сей разъ удержаться отъ всякой Лашини; но Магистеръ не могъ уже командовать языкомъ своимъ — періодъ стремился быстро, и всякое препяпштіе только лишь усиливало быстроту его.

даго Офицера. Стараюсь возбудить въ немъ подобныя своимъ чувства, употребляла она всѣ возможные средства, по романамъ ей извѣстныя. Но Господинъ Н * * * не хотѣлъ примѣчать ея стараний, или въ самомъ дѣлѣ не примѣчалъ ихъ. Между многими хорошими свойствами, украшавшими его преимущественно передъ другими молодыми Офицерами, цѣломудріе было не послѣднимъ. До самаго вступленія въ службу находился онъ подъ присмотромъ дяди своего, которой умѣлъ вселить въ сердце его такую великую любовь къ добродѣтели и благонравію, что ни опасной родъ жизни, имъ избранной, ни примѣры товарищей не могли ввести его въ распушства молодыхъ людей. И такъ естли онъ ни мало не отгадывалъ смысла ласковыхъ словъ и пламенныхъ взоровъ горничной дѣвушки, по причину недогадки его было незнаніе въ такихъ дѣлахъ; всякую ласковость почиталъ онъ знакомъ добраго сердца, а пламенной взоръ обыкновеннымъ движеніемъ глазъ, незначающимъ ничего особливаго. Лизета, не ожидавшая такихъ поступковъ отъ молодаго Офицера, очень шѣмъ огорчилась. Ни физическія, ни моральныя

силы ея не позволяли ей отккрыть истинной шому причины. И такъ одно чаяніе могао изъяснить для нее все дѣло — чаяніе, что конечно какою нибудь другою красавицею занято сердце его. Сперва искала она мнимую совмѣстницу свою въ Дрезденѣ; но скоро нашла ее въ самой Госпожѣ своей. Послѣ этой развязки всего естественнѣе было спараться какъ нибудь избавишься отъ такой несносной особы, тайно или явно. Она же думала, что самая должность повуждаетъ ее къ шому. Можно ли допустить, размышляла она, чтобы такая хорошая госпожа воспалилась непопзволенною спрастію? Можеть быть еще не ушло время спасти ее и разорвать такое обхожденіе, которое для обохъ пагубно.

Съ такими мыслями она гошова была воспользоваться первымъ случаемъ къ произведенію въ дѣйство своего предпріяшя, которой къ несчастію и не замедлилъ явиться. Слѣдующею зимою Аврора поѣхала въ Дрезденъ и — не знаю, для чего — оставила свою Лизету съ мужемъ въ деревнѣ. Такой чувствительной дѣвушкѣ, какъ она, весьма обидно было опстать отъ Госпожи своей.

ей. Желчь взяла въ ней болѣе силы, и всѣ внутреннія укоризны замолкли. Какъ скоро Раймаръ остался одинъ въ своей комнатѣ, она пришла къ нему, нашла шущъ какое-то дѣло, и не смотря на то, что онъ не любилъ говорить съ домашними женщинами, умѣла завести его почто въ потѣ разговоръ, кошорой единственно могъ занимать его. Вселять въ него ревность было бы такъ же напрасно, какъ въ море вливать воду; онъ уже и безъ того былъ наполненъ ею. Надлежало только возбудить спрасъ его. Къ несчастію Аврора оставила на столѣ кепію съ письма, которое писала она къ другу своему. Хотя не было въ немъ ничего соблазнительнаго — ничего такого, по чему бы безпристрастной судья могъ подозрѣвать честность ея — однакожь оно было писано такъ нѣжно, съ такимъ дружескимъ жаромъ, что впечатлѣніе, сдѣланное имъ въ сердцѣ Раймаровомъ, должно было необходимо обратиться въ худое. Сравнивая съ нимъ шѣ письма, которыя писала къ нему Аврора изъ Дрездена, находилъ онъ примѣтную разность; выраженія казались ему холодны, слогъ сухъ, тонъ самой простой — такъ что онъ дол-

долженъ былъ почипать себя униженнымъ и обманутымъ. Мысль, что онъ любилъ жену свою искренно, былъ противъ нее всегда снисходителенъ — мысль, что его презрѣли и промѣняли на другаго, совершенно лишила его того небольшого разсудка, коимъ оказывалъ онъ въ обыкновенномъ хладнокровномъ расположеніи. Сперва-было рѣшился онъ никогда уже не видаться съ сунгтою своею; но потомъ вздумалъ, что шѣмъ окажетъ только услугу любящимся и подастъ поводъ къ продолженію порочнаго обхожденія. Тотчасъ перемѣнилъ онъ рѣшеніе свое и отправилъ нарочнаго въ Дрезденъ, съ приказаніемъ, чтобы Госпожа Ц * * * непременно черезъ дватцать четыре часа возвратилась домой. Я не зналъ объ этомъ ничего; иначе нашелъ бы, можетъ быть, средство предупредить всѣ несчастныя слѣдствія такого запушаннаго дѣла — а естли не всѣ, то по крайней мѣрѣ самыя худшія. Хотя и видѣлъ я, что мой Раймаръ былъ въ это время печальнѣе и тише обыкновеннаго, однакожь всего скорѣе можно было мнѣ думать, что его огорчаетъ разлука съ супругою. А не любя вывѣдывать того, чего мнѣ не хотяшъ добровольно сказывать,

зывать, оставался я при своемъ предположеніи, копорымъ безъ всякой натяжки могъ изъяснить всѣ феномены, примѣчаемыя мною въ Раймарѣ.

Хоша Госпожа Ц * * * сперва удивилась тому, что ей безъ всякаго привѣтствія и черезъ слугу велѣвшъ ѣхать домой и нѣсколько разъ рѣшилась было требовать другаго приказанія, основаннаго на причинахъ: но тихой, добросердечной другъ ея упросилъ ее немедленно ѣхать, и вызвавшись самъ провозить ее, заставилъ Аврору забыть зимнія городскія забавы, копорыми она не успѣла еще совершенно насладиться.

Кажется, что нѣкоторые люди въ самомъ дѣлѣ предназначены къ несчастію, а другія при всемъ своемъ распуштствѣ и безразсудности бывають въ чести и знаменности. Думала ли Госпожа Ц * * * о гибели своей? а казалось, будто она нарочно искала ее. Господинъ Н * * * былъ для нее самой худой товарищъ; однакожь, чувствуя невинность своего сердца, не могла она ничего бояться. Раймара предувѣдомили о пріѣздѣ его супруги, не забывъ наименовать и спутника ея. Госпожѣ Ц * * * странно показалось, что мужъ ее не встрѣтилъ; но она пришла
въ

въ ужасѣ, когда увидѣла, что двери были заперты, и когда именемъ супруга ея объявили ей, что другой вѣткой, обвалившійся домъ назначенъ ей жилищемъ -- а Господину Н*** сказали, что ни въ этотъ день, ни впредь не намѣрены принимать его въ домъ. Сначала она возспавала прѣспивъ такого поступка, и хотѣла непременно видѣться съ мужемъ; но писарь, объявлявшій ей приказъ, съ важнымъ видомъ увѣрялъ, что Господинъ Ц*** никакъ не намѣренъ говорить съ нею, и пребуешъ, чѣтобы исполнили повелѣніе его безъ всякаго прекословія. Она должна была повиноваться; а Господинъ Н*** просилъ у меня ночлега, самаго печальнѣйшаго въ жизни своей. Исторію свою рассказывалъ онъ съ такимъ жаромъ, что я почувствовавалъ къ нему великое сожалѣніе. Однакожь все дѣло было для меня тем о. Поступокъ Раймаровъ казался мнѣ совсемъ непонятенъ, и не запираюсь, что я почиталъ его совершенно безумнымъ.

Лишь только стало свѣтать, позвали меня къ госпожѣ Ц***. Какъ она ввечеру вышла изъ кареты, такъ я и нашелъ ее. — Господинъ Ц*** еще у васъ? спросила она прежде всего. Услышавъ,

шавъ, что онъ почто у меня, продолжала: скажите несчастному, чтобы онъ немедленно оставилъ это горестное жилище, возвратился въ Дрезденъ и спрашивался когда нибудь увидѣться со мною. Онъ есть невинная причина гибели моей; или нѣтъ! я сама виновата — проклятая безразсудность моя сдѣлала меня несчастною. Въ самомъ дѣлѣ, Господинъ Магистеръ, была я великою дуροю. — Вы ничего не знаете? таки совсѣмъ ничего? — О! я и сама ничего не знала. А теперь все знаю, и вамъ также все знать надобно, чтобы подашь мнѣ помощь, буде можно. Вчера ввечеру оставили меня въ этой шюрмѣ, наполненной испареніями хоща и шопленной, но худой печи — среди ночныхъ страховъ и мучительныхъ мыслей. Сальная свѣча, которая и безъ того едва освѣщала большую закопченную горницу, въ полночь угасла. Я не боязлива; но въ такомъ положеніи приводилъ меня въ трепетъ всякой небольшой шумъ. Ночь была сама по себѣ ужасна. Буря и проливной дождь, казалось, хощбли погребсти меня подъ развалинами эшова дома. А всего несноснѣе было то, что всѣ совы, сколько ихъ есть въ здѣшнихъ мѣстахъ, какъ будто

будто бы нарочно согласились крикомъ своимъ предвѣщать мою гибель. Такъ я сидѣла и дожидалась утра. Вдругъ послышалось мнѣ, что кто-то идетъ. Въ самую эту минуту вошла ко мнѣ въ горницу женщина съ фонаремъ. Это была Лизета, которая со всѣми знаками искренняго сожалѣнія бросилась ко мнѣ въ объятія и слезы свои смѣшала съ моими, говоря, что она прошивъ точнаго приказанія мужа своего украдась съ поспехи, желая еще повидаться со мною; что онъ за день передъ тѣмъ отпустилъ ее отъ себя и велѣлъ ей въ слѣдующій день ѣхать въ Дрезденъ, гдѣ Совѣтникъ П*** будетъ о ней спрашивать. Дѣлая разные вопросы, узнала я наконецъ то, что ревность причиною гнѣва мужа моего; что онъ часто жаловался на непостоянство нашего пола, и клялъ именно Господина Н***. Больше ничего не знаю. Прощаясь съ нею, я поручила ей уведомить Совѣтника П*** о моемъ положеніи и просить его за меня вступиться. Нужно ли мнѣ божиться вамъ, Господинъ Магистеръ, что у меня и въ мысляхъ не бывало того преступленія, въ кошоромъ меня обвиняють? Безразсудность, легкомысленность — или какъ вамъ

вамъ это назвать угодно — были виною того, что я забыла полъ свой и вошла въ дружескую связь съ молодымъ человѣкомъ — въ такую связь, копорую между людьми разнаго пола всегда можно полковать въ худую сторону. Однакожь болѣе я ни въ чемъ не виновата.

По томъ она просила меня войши въ ея соспояніе и прежде всего постараться о томъ, что бы Господинъ Н*** какъ можно скорѣе уѣхалъ. Я потчасъ исполнилъ прозьбу ея. Молодой человѣкъ, услышавъ такую обидную клевету, вышелъ изъ себя и клялся не выѣзжать изъ деревни безъ того, чтобы не наказать негоднаго Ц***. Но я представилъ ему, что онъ тѣмъ не только не поправитъ обстоятельство Госпожи Ц***, но еще лишится дружбы ея, осмѣлясь вызвать на поединокъ ея мужа, котораго она все еще любитъ, и съ которымъ непременно надлежитъ ей помириться, забывъ на томъ разъ пользу друга своего. Сверхъ того я далъ ему почувствовать, что въ поступкахъ его было конечно что нибудь подозрительное для Господина Ц***, принужденнаго наконецъ прибѣгнуть къ такимъ худымъ средствамъ; но что все

это можно простить ему по его молодымъ лѣтамъ и неопытности. Теперь, говорилъ я, оспается вамъ скорѣе удалиться отсюда, гдѣ вы виновнымъ или невиннымъ образомъ причинили столько несчастія. Вы обязаны, государь мой, обязаны по своей совѣсти и чести всеми силами спараться загладить горестныя слѣдствія своей неосторожности. — Между тѣмъ приготовилъ я для него лошадь; онъ сразился съ буншующимъ сердцемъ своимъ, побѣдилъ и — передъ вечеромъ отправился въ Дрезденъ.

По томъ немедленно пошелъ я къ Раймару. Тутъ надлежало мнѣ преодолѣть другія трудности, гораздо сильнѣйшую, глубоко вкоренившуюся страсть, при меньшей мѣрѣ разсудка. Я употребилъ всѣ средства, вышерпѣлъ изступленіе гнѣва, грубости, брань, — и при томъ ничего не сдѣлалъ. Раймаръ, не сказывая причинъ, утверждалъ невѣрность жены своей и почиталъ ее порочную любовь къ Господину Н*** за дѣло доказанное. Онъ говорилъ, что Аврора вообще никогда не исполняла должностей своихъ; что ему не понятно, какъ могъ онъ такъ долго терпѣть ее распутную жизнь; что большая часть его имѣнія въ

годъ

годъ испрачена на пиры, на платье и на другія дурачества; что онъ конечно бы дошелъ до бѣдности и позора, если бы еще продолжилось это бѣшенство; что онъ, не смотря на то, не хочетъ съ нею развестися; что жилище ея будетъ починено, а ей опредѣлился порядочное жалованье, которое можешь приучить ее къ хозяйству; что она должна вездѣ убѣгать его и никогда не приходиться къ нему въ домъ. Въ обвиненіяхъ было въ самомъ дѣлѣ много справедливаго, и сама Аврора признавалась въ томъ. Однакожь она утверждала, что не будучи виновата въ главномъ, за другіе прощупки свои терпитъ слишкомъ жестокое и несносное наказаніе. Между многими средствами, которыя она выдумывала для примиренія съ супругомъ, одобрилъ я только одно то, чтобы она написала письмо къ Совѣтнику П * * * и попросила его войти въ посредство, отъ котораго ему по видимому не лъзя было отказать. Впрочемъ, по мнѣнію моему, совершенное терпѣніе было лучшимъ средствомъ; и зная странной нравъ мужа своего, надлежало ей надѣяться не на увѣреніе, но на щаспливые случаи, которые со временемъ приishi могли. И

такъ по моему совѣту отправила она весьма прогательное письмо къ старому благодѣтелю своему, въ ожиданіи, что онъ съ жаромъ за нее вступится и приведетъ дѣла въ прежній порядокъ. Но восемь дней не было никакого отвѣта. Наконецъ, по вторичной прозбѣ, получила она въ отвѣтъ такое письмецо:

„Я подробно знаю обстоятельства ваши. Вы, государыня моя, со всѣхъ споронъ виноваты. Свѣтъ мнѣ довольно знакомъ. Ваши прогательныя предспавленія показываютъ мнѣ неправость вашу, но единственнаго то, что вамъ извѣсны обыкновенныя женскія хитрости. Снесите терпѣливо судьбу свою. Супругъ вашъ поступаетъ съ вами еще очень благосклонно. Вотъ мой совѣтъ — вотъ та помощь, которую вамъ подать могу.“

П * * *.

До того времени она все еще надѣялась; но это рѣшительное письмо совсѣмъ ее сразило. Лишившись чести, друга, пріятелей, всѣхъ невинныхъ радостей, была она оставлена цѣлымъ свѣтомъ и осуждена на всегдашнее уединеніе. Хотя я всякой день посѣщалъ ее и
вся-

всячески старался утѣшать, но, не смотря на то, все сердце ея мало помалу наполнялось горестію, шѣло слабѣло, здоровье истощалось. Отъ беременности ея зло еще умножилось, а тяжелые роды привели ее въ такое состояніе, что я считалъ ее съ того времени совсѣмъ погибшею. Раймаръ, которому я прошивъ его воли всегда говорилъ о бѣдной Аврорѣ, ничѣмъ не могъ бытъ пронутъ. Онъ всегда швердилъ, что жену свою знаетъ лучше моего, и что она все лицемеритъ, или я сказываю ложь, которую развѣ только добрымъ моимъ намѣреніемъ извинитъ можно. Жестокосердіе его дошло до такой степени, что онъ не хотѣлъ признатъ сыномъ своимъ младенца, рожденнаго его супругою, и дать ему при крещеніи свое имя. Я съ своей стороны на это не посмолрълъ; однакожь Аврора къ горести своей узнала его грубой и безумной ошзывъ о сынѣ. Того только и недоставало къ совершенному испребленію надежды, которая можетъ бытъ еще оставалась въ сердцѣ несчастной супруги. Здоровье ея видимо ослабѣло, и черезъ нѣсколько дней она не могла уже вспасть съ постели. Раймаръ былъ еще долго непреклоненъ;

но наконецъ моя усиленная прозѣба и Докторово увѣреніе, что Госпожа Ц*** не переживетъ слѣдующаго дня, побудили его прийти къ ней. Аврора просила меня быть при томъ. Ахъ! сказала она, протягивая мнѣ шрепещущую руку свою: вамъ же обязана я и послѣднимъ благодѣніемъ! Вы исполняете послѣднее желаніе моего сердца. Теперь умру съ охотою. — Опецъ жизни! воскликнула она, возвыся голосъ и поднявъ глаза къ небу: подкрѣпи слабѣющія силы мои! Я не хочу себя оправдывать; но этошъ несчастной, невинной младенецъ, проливающей слезы — — Тушъ жизненные духи ея отъ сильнаго движенія истощались. Около часа была она въ совершенномъ расслабленіи, приготовляясь къ послѣдней примѣчанія доспойной сценѣ жизни своей.

Ввечеру вошелъ въ горницу Раймаръ, въ которомъ обнаруживалось безпокойство сердечное. Онъ весьма тихо подходилъ къ постелѣ супруги своей, и пошому она увидѣла его уже подлѣ себя. Вдругъ поднялась она съ чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ. —

Ахъ! это вы, любезной другъ мой! Мнѣ очень хотѣлось, чшобы вы у меня по-

побывали. Слава Богу, что еще васъ вижу! — Не правда ли, что я кажусь вамъ совсѣмъ другою? Я и въ самомъ дѣлѣ перемѣнилась. — Нѣтъ уже во мнѣ этой легкомысленности, этой безразсудности, которая лишила меня любви вашей. — Теперь умираю спокойнѣе, имѣя случай признаться вамъ, что я поступала безумно, чувствителью васъ оскорбила и погубила сама себя, могши бытъ безъ всякаго труда щасливую. — Только объ одномъ прошу васъ, другъ мой! Соглашаюсь, что вы поступали справедливо, давая мнѣ чувствовать гнѣвъ свой; но эшотъ бѣдной, оставленной младенецъ — не виненъ — сынъ вашъ! — Послушайте. Можетъ быть черезъ нѣсколько минутъ я передъ моимъ Судією. У меня было время обо всемъ подумашъ и размыслишъ. Вы имѣли причину почищать меня невѣрною; вамъ могло такъ казаться. Но я была только безразсудна, не будучи невѣрною даже и въ самыхъ мысляхъ. Однакожь я все виновата, и пришла бы въ отчаяніе, естли бы помышленіе о благости Божіей не вливало бальзама въ помную душу мою. — При всемъ томъ, дражайшій супругъ мой — вы уже не можете по-

дозрѣвать, чтобы я и теперь васъ обманывала — при всемъ помѣ я лишусь и послѣдняго утѣшенія, естли вы эпова плачущаго младенца не сдѣлаете законнымъ наследникомъ своего имѣнія и фамиліи нашей. — Теперь все сказано! — — Тутъ упала она въ обморокъ.

Господинъ Ц*** слушалъ всю рѣчь ея не шрогаясь съ мѣста, но сердце его было въ великомъ волненіи. Подумая нѣсколько времени, признался онъ въ своемъ ослѣпленіи, и проливая горькія, горькія слезы, оказывалъ искреннее раскаяніе. Какъ скоро супруга его пришла въ себя, онъ опять подошелъ къ ея постелѣ, и цѣлуя охладѣвшія руки ея, сказалъ: дражайшая, любезнѣйшая Аврора! знаю, что теперь уже все поздно; однакожь можно и должно еще увѣришь тебя, что вся любовь моя къ тебѣ возобновилась. Сынъ твой есть мой сынъ. Прости мнѣ, Ангелъ! жизнь моя будетъ и такъ несчастна. — Умиращая ошвѣчала ему послѣднею нѣжною улыбкою. Она сказала нѣсколько непонятныхъ словъ, и еще прежде разсвѣта испустила духъ въ моемъ присутствіи.

Раймаръ долго оплакивалъ смерть ея. Одинъ сынъ, нѣжно имъ любимой, могъ его нѣсколько утѣшать. Я всякой день посѣщалъ его, и могу сказать, что довѣренность его ко мнѣ весьма увеличилась, такъ что онъ не предпринималъ ничего важнаго безъ моего совѣта. Воспитаніе сына его было бы конечно поручено мнѣ, естли бы Провидѣніе не благоволило взять его изъ здѣшняго міра, какъ скоро исполнилось ему два года. Эпотьъ второй ударъ жестоко поразилъ сердце Раймарово. Старыя раны снова открылись, и, по собственнымъ словамъ его, спали неизцѣлимы. Скоро впалъ онъ въ мрачную меланхолію, которой я со всемъ своимъ стараніемъ не могъ прогнать. За нѣсколько недѣль передъ концомъ своимъ распорядилъ онъ свое имѣніе, завѣщавъ употребить его на разныя благодѣшельныя заведенія. Проценты съ тысячи талеровъ опдалъ онъ церкви нашей, съ тѣмъ договоромъ, чтобы сохранивъ навсегда память исторіи его, и чтобы всякой проповѣдникъ рассказывалъ ее всѣмъ любопытнымъ. Мнѣ особливо поручено было сооруженіе монумента, къ которому онъ самъ сочинилъ надпись. Въ послѣдніе дни жизни

его я почти не опходилъ отъ его постели. Обстоятельства смерти его увѣряютъ меня, что онъ перешелъ въ жизнь гораздо лучшую здѣшней. —

Такимъ образомъ окончалъ Магистеръ свою повѣсть. Мы отъ всего сердца благодарили его, просили, чтобы онъ и въ слѣдующій день пришелъ къ намъ, и пожелавъ ему доброй ночи, съ нимъ расстались.

Н О Ч Н А Я С Ц Е Н А .

*(Изъ бумагъ одного почтеннаго молодаго
чловѣка)*

Ахъ, какъ холодно! — Нѣтъ жижины, нѣтъ одра для успокоенія цѣпенѣющихъ членовъ моихъ! — Спаръ я и немощенъ, и нѣтъ у меня силъ къ работѣ. — Свирѣпой сынъ! ты перзаешь, мучишь меня! — Свирѣпой! я лишалъ себя пищи, презиралъ для себя голодъ; забавлялъ тебя, ходилъ за тобою въ дѣпсшвѣ, когда ты былъ боленъ. Часто слезы мои орошали лице твое. Тогда ты еще любилъ меня и съ кропкою скорбію спрашивалъ: „что ты, батюшка? о чемъ ты плачешь, батюшка? Моя болѣзнь уже прошла. Видишь, батюшка, что я здоровъ. „ — Ты приподнимался съ постели, обнималъ съдую голову мою слабыми своими руками, и говорилъ: „не печалься обо мнѣ: я здоровъ и чувствую въ себѣ силу „ — говорилъ и упалъ опять на постелю; хотѣлъ еще говорить, но не могъ. Наконецъ ты въ самомъ дѣлѣ спалъ здоровъ, бодръ и силенъ; могъ бышь добрымъ сыномъ, правою рукою моею — но ты выгналъ меня изъ жижины на
снѣгъ

снѣгѣ и холодѣ. „Пекись самѣ о себѣ, башюшка, говоришь ты, пекись самѣ о себѣ. „ — Ахѣ, какѣ же я о тебѣ пекся! сѣ какимѣ раченіемѣ тебя воспитывалѣ! — Чудовище! ты заспавляешь опца своего на старости помилъся, а самѣ сидишь дома вѣ изобиліи. — А! я слышу смѣхѣ! . . . Уже ли сынѣ смѣется надѣ горестію опца своего? — Ревѣ жестокой бури для меня не такѣ ужасенѣ, какѣ сей смѣхѣ. — Ахѣ, какѣ холодно! зубѣ обѣ зубѣ стучишся опѣ спужи. — О сынѣ, сынѣ! желчью и пыльнюю наполнилѣ ты чашу опца своего, и — выгналѣ его! — Острымѣ кинжаломѣ пронзается сердце мое. Что я сдѣлалѣ тебѣ, сынѣ мой? Я увѣщавалѣ тебя бышь добродѣтельнымѣ, когда ты пировалѣ сѣ развращенными; ибо сіе было для меня мучишельнѣе самой смерти. Долго молчалѣ я; но наконецѣ спалѣ говоришь — сердце мое снова наполнилось родительскими чувствами. Говорилѣ какѣ отецѣ, а не такѣ, какѣ подлой ласкашель. Огнь сіялѣ вѣ глазахѣ моихѣ — я шрепеталѣ опѣ ревности, и бѣлые волосы мои на головѣ волновались. Сильна была рѣчь моя. Ты вспалѣ, подошелѣ — — Нѣшѣ, я не могу выговорить.

ворить. Сынъ, сынъ! ты поднялъ руку . . . . вышолкалъ вонъ спараго сѣдаго отца своего. Ты сынъ мой? нѣшъ, ты уже не сынъ! Горе, горе мнѣ! Чпо я сдѣлалъ тебѣ, сынъ мой? — Горе мнѣ! старикъ, отецъ твой забнешъ. Какъ снѣгъ валился на него! — Куда иду, куда? Развѣ здѣсь никого нѣшъ? Развѣ ни одинъ человекъ не сжалился надъ бѣднымъ старцемъ? — Никто не слышитъ моего голоса; ибо въпрѣ шумитъ въ лѣсу. — — Чувствую смерть въ жилахъ своихъ; все во мнѣ цѣпенѣетъ. Горе мнѣ, дрожащему отъ холода! Но я хочу умереть передъ жилищемъ отца-убійцы. Ликуй и радуйся: увѣщатель лежитъ мертвою! — Нѣшъ, нѣшъ! мнѣ мстить не должно. Господь говоритъ: не мстите за самихъ себя. — Сей камень будетъ для меня смертнымъ одромъ. Обнимаю тебя, смерть, конецъ мученія моего! подобно какъ обнимаютъ пришедшаго друга. — Здѣсь лежу я умерщвленной сыномъ — бѣдной спарецъ умираетъ на хладной землѣ. — Ужасно, ужасно! — Оспавленъ людьми, всѣми, и сыномъ своимъ — — едва могу удержаться отъ кляшвы. Но какъ мнѣ клясть того, котораго еще любитъ душа моя?

Воз-

Возвратись къ добродѣтели, помысли о своемъ пресступленіи и плачь — плачь объ ошцѣ, о самомъ себѣ! — — А! — сонъ — приходитъ тихо — — когда день проведенъ добродѣтельно. — Прости, сынъ! — покойная ночь! — —

Такъ стеналъ спарецъ, и вѣтръ съ шумомъ разносилъ его стenanія во всю долгую ночь. Казалось, что Натура была возмущена сею сценою. На другой день поутру наши его мертваго; сложивъ руки, лежалъ онъ на камнѣ.

ПРИМѢРЫ СМѢШНАГО НЕВѢЖЕСТВА,

Анекдоты.

Одинъ дворянинъ хвалился своими путешествіями, именуя множество земель и городовъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ, такъ что по его словамъ онъ объѣздилъ почти цѣлой міръ. По этому вамъ очень знакома Географія? — сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я не былъ въ ней; однакожь близъ ее *проѣхалъ*.

Храброй, но въ наукахъ несвѣдущій Генералъ пришелъ въ книжную лавку купить ландкаршу. Книгопродавецъ спросилъ у него: какая карта угодна Вашему Превосходительству: генеральная, или спеціальная? — Другъ мой! сказалъ Генералъ съ жаромъ: развѣ ты не знаешь, кто я? — „Милостивой государь! я имѣю честь знать, что вы Господинъ Генералъ * *.,“ — Такъ на что же спрашивать, какая мнѣ карта надобна: генеральная, или другая? Это уже разумѣется.

Старой бравой офицеръ былъ въ компаніи съ учеными людьми, гдѣ съ великимъ жаромъ говорили объ Аристотелѣ. Одинъ весельчакъ спросилъ у него, что онъ думаетъ? „Я думаю, отвѣчалъ добродушной спарикъ, что иной во всю свою жизнь не бывалъ въ Аристотелѣ, а болшаетъ объ немъ.,“ — И такъ онъ думалъ, что Аристотелемъ называется какойнибудь городъ.

КОНЕЦЪ XVI ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XVI Части.

	Стран.
<i>Кораблекрушеніе.</i> - - -	3
<i>Осада Колчестера, Драма.</i> - -	65
<i>Прибавленіе къ Драмѣ.</i> - -	116
<i>Чудной Характеръ.</i> - -	124
<i>Анекдотъ.</i> - - -	129
<i>Щастливое Знакомство.</i> - -	130
<i>Нещастная Неосторожность.</i> -	168
<i>Ночная Сцена.</i> - - -	203
<i>Примѣры смѣшнаго невѣжества</i> -	206

A. M. W. J. O. E.

A. M. W. J. O. E.

O. A. M. W. J. O. E.

A. M. W. J. O. E.

A. M. W. J. O. E.

